ПИОНЕР

май 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1969 г.

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК ПЕРВОЕ МАЯ—

это праздник весны, молодости, радости. Это праздник освобожденного труда, праздник обновления природы.
И нет в Советском Союзе такого уголка, где бы в этот день не шли люди в радостных шествиях со знаменами и с песнями, где бы не праздновали этот день от всего сердца и маленькие и большие.

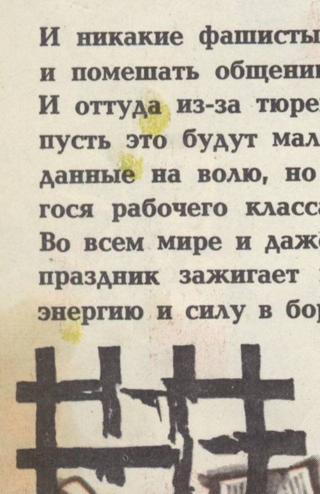
Но вы, пионеры, знаете, что есть страны, где правят империалисты и даже фашисты, для которых праздник Первое мая, праздник солидарности всех передовых людей мира,— страшное напоминание о грядущей революции.
И в этих странах на всякого, кто вышел приветствовать солнце Первого мая, солнце надежды и мечту свободы, набрасываются полицейские, вооруженные до зубов, пускают в ход палки, газовые бомбы, пистолеты, хватают людей и везут в суд и в тюрьмы.

Пионеры Советского Союза знают, что в этот день солнца и тепла в холоде тюремных камер томятся узники фашизма и капитализма, храбрые борцы за мир и свободу, вожаки революционных партий, молодые и старые борцы, закаленные в борьбе. И помнят, что Первого мая надо послать этим далеким друзьям самый горячий привет, самые лучшие пожелания.

Приветы пионеров достигают тесных тюремных камер, борцы за свободу слышат голос советских мальчиков и девочек, и этот голос дорог им своим теплом и заботой. Этот голос дает им новые силы, потому что привет пионеров идет через руки бесчисленных друзей, которые поддерживают связь передовых людей во всем мире.

И никакие фашисты не могут прервать этих живых связей и помешать общению борцов за мир и свободу.
И оттуда из-за тюремных решеток приходят ответные вести, и пусть это будут маленькие записочки, с великим трудом переданные на волю, но в этих записочках великая сила борющегося рабочего класса.
Во всем мире и даже в тюрьмах празднуют Первое мая, и этот праздник зажигает новый огонь в сердцах и вновь рождает энергию и силу в борьбе с палачами народной свободы.

В день Первого мая мы обязательно должны послать свои праздничные послания туда, где продолжают борьбу лучшие люди разных стран. Пусть иные из них в оковах, но их дух сильнее фашистских тюремщиков, их сила крепнет день ото дня, их слово идет по всему свету и подымает новых борцов.

Николай ТИХОНОВ,
писатель,
председатель Советского комитета
защиты мира,
почетный член Клуба интернациональной
дружбы Московского Дворца пионеров

Это знамя сражалось за республику в Испании вместе с бойцами интербригад. Сегодня перед ним склоняются твои сверстники, члены Клуба интернациональной дружбы Московского Дворца пионеров. Они получили знамя от участников войны в Испании.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАЙ 5

Издательство «Правда»

1969 г.

ПОСЫЛАЕМ ТЕБЕ, «ПИОНЕР», ДВА ОЧЕНЬ ДОРОГИХ НАМ ПИСЬМА.

ПИСЬМО ИЗ ПОРТУГАЛИИ

Слышал ты такое имя — Жозе Диаш Коэльо? Жозе Коэльо был по профессии скульптором, а по убеждениям коммунистом. Долгие годы боролся он с фашистским режимом в Португалии. Фашисты ненавидели его и боялись. В декабре шестьдесят первого года они убили его на улице Лисабона.

Когда на русском языке появилась книга Коэльо «Сопротивление в Португалии», мы читали ее все вместе и каждый в отдельности, передавая из рук в руки.

В послесловии к этой книге, которое написала жена Жозе Коэльо — Маргарида Тенгаринья, мы нашли такие слова: «Сколько слез, сколько разрушенных семей принес Португалии фашизм! Какое отчаяние, какие муки переживает мать, слыша вопрос, который так часто слышу я от своей малютки: «У меня нет папы?» Поистине, ни в одной книге невозможно описать все слезы, всю нищету, все горе, которое принесли португальскому народу за эти тридцать семь лет его палачи, ежедневно вновь и вновь умножающие число актов произвола, несправедливостей, преступлений!»

Из этих строк мы узнали, что где-то в далеком подполье трудно живет дочь коммуниста Жозе Диаш Коэльо. И как только представился случай, мы передали этой девочке свой привет и подарок. Нам хотелось, чтобы она зна-

ла: в Советском Союзе у нее есть добрые, верные друзья.

Мать этой девочки ответила нам письмом. Оно перед вами.

Февраль 1967 г.

Дорогие пионеры Москвы!

Юные товарищи!

Я узнала, что вы послали моей старшей дочери подарки: матрешку и готовальню.

В вашей благородной кампании в защиту португальских политзаключенных, в моральной поддержке и помощи семьям заключенных вы не забыли мою дочь, отца которой салазаровская полиция убила.

Я вас благодарю. Большое спасибо от ее и моего имени. Для моей дочери было большой радостью получить ваши подарки и знать, что вы о ней думали. Ее жизнь была очень трудной. В подполье, где мы жили под чужой фамилией, она научилась говорить и в то же время молчать. Каждый раз, когда мы меняли квартиру, то меняли и фамилию, и она не могла называть соседям улицу и место, где мы до этого жили. Она не могла играть с другими детьми во дворе и только через оконное стекло смотрела, как другие дети играют.

Требования и опасности подпольной борьбы вынудили нас отправить ее к бабушке, когда ей исполнилось пять с половиной лет. Она стала ходить в школу. И, как только научилась читать и писать, научилась не подписывать своего имени в письмах.

Когда ей исполнилось восемь лет, она узнала, что ее отец был убит салазаровской полицией. Отец носил с собой ее фотографию, и даже эту фотографию полицейские украли.

Много лет она меня не видит. Когда она может мне писать, то пишет, что ждет с нетерпением день, когда мы увидимся, и верит, что этот день уже недалек.

Вот такой была жизнь моей девочки, которой сейчас тринадцать с половиной лет. Ее жизнь похожа на жизнь многих других детей, родители которых борются за свержение фашизма, за социалистическую Португалию.

Я рассказываю вам все это, дорогие пионеры, потому, что думаю, это самый лучший способ воодушевить вас в вашем благородном движении солидарности и поблагодарить вас за все, что вы сделали для португальских борцов и патриотов.

Ваши действия для нас, португальских коммунистов, имеют большое значение, потому что вы — надежда и будущее той великой страны, Советского Союза, где дети и молодежь воспитываются в духе пролетарского интернационализма, братства и солидарности.

Всем вам шлю пламенный привет.

МАРГАРИДА ТЕНГАРИНЬЯ.

Алваро Куньял, Генеральный секретарь Компартии Португалии, когда был в гостях у нашего клуба, рассказал нам об одной девочке. Она дочь коммунистов-подпольщиков. Всю жизнь она провела в подполье, помогала взрослым, много страдала и мало радовалась. Когда ей исполнилось шестнадцать лет и у нее спросили, что она больше всего хотела бы иметь, она сказала: «Куклу. Пусть никто не смеется, у меня никогда в жизни не было куклы...» Нам крепко это запомнилось. И мы начали собирать подарки детям политзаключенных, чтобы к Новому году доставить им радость.

Не только игрушки посылали мы детям политзаключенных. По нашему призыву школьники Москвы передали в фонд помощи португальским борцам против фашизма деньги, которые составили 30 тысяч эскудо. Деньги ребята заработали сами.

ПИСЬМО ИЗ ВЕНЕСУЭЛЫ

О Кетти Мехиас мы узнали от Кармен Торрес, жены венесуэльского коммуниста Элоя Торреса. Кармен рассказывала, что Кетти еще девчонкой начала помогать коммунистам. Однажды, во время демонстрации, девушку схватили и бросили в тюрьму Лос Текес. Теперь Кетти восемнадцать лет, а тогда ей было шестнадцать.

Мы передали Кетти письмо и подарки. Мы писали ей, что знаем о ее мужестве, что будем собирать подписи и бороться за ее освобождение...

Потом нам рассказывали, что наше письмо передавали из тюрьмы в тюрьму, сотни людей читали его, бережно сохраняя. Кетти не смогла нам ответить (не всегда это возможно). Ответ ее брата ты прочитаешь сейчас.

Четыре долгих года боролись мы вместе со всем советским народом за освобождение венесуэльских коммунистов — Хесуса Фариа, Густаво и Эдуардо Мачадо, Антонио Гарсиа Понсе, Элоя Торреса и многих, многих других. Сотни тысяч подписей собрали мы на митингах и собраниях, в метро и на улицах и отправили их президенту Венесуэлы Раулю Леони. Вместе с нами боролись кидовцы Владимира, Ленинграда, Таллина, Риги, Брянска, Куйбышева, Киева.

На всю жизнь запомнили мы день освобождения Генерального секретаря Коммунистической партии Венесуэлы товарища Хесуса Фариа. А вскоре были освобождены и другие коммунисты и патри-

эты Венесуэлы. Вот что такое классовая солидарность!

Мы верим, скоро и наша Кетти Мехиас будет на свободе.

Март 1968 г.
Московский Дворец пионеров,
Клубу интернациональной дружбы,
президенту клуба Наташе Слащевой

***Я** прочел письмо, отправленное моей сестре Кетти, которая сейчас находится в женской тюрьме Лос Текес. Я тоже заключен в концлагерь на острове Такаригуа.*

Твое письмо наполнило меня огромной радостью: велик дух солидарности, живущий в вас. Я решил написать это маленькое письмо к Международному женскому дню, чтобы послать тебе и всем твоим подругам, которые работают и учатся вместе с тобой, мой горячий революционный привет.

Общественные науки, которые мы изучаем в тюрьме, укрепляют нашу веру в партию, в народные массы, нашу революционную сознательность. Ничто не укротит наш дух, нашу волю к освобождению Венесуэлы от самого жестокого и кровавого врага человечества — американского империализма. Когда мы добьемся освобождения, прекрасными станут наши поля и земли, и все это будет принадлежать народу.

Я никогда не терял и не теряю надежды видеть мою родину свободной от угнетателей. Я не теряю надежды приехать когда-нибудь в Советский Союз, на родину Ленина и большевистской партии.

Наша страна очень богата, но все ее богатства принадлежат буржуазии и американским империалистам. Наша коммунистическая партия борется за освобождение родины. Когда мы победим, еще крепче станет солидарность между народами СССР и Венесуэлы, тогда вы лучше узнаете наш народ, его трудолюбие, его гостеприимство.

Пришел час освобождения зависимых стран, колониальных и полуколониальных народов, Венесуэла тоже борется против империализма, и она добьется свободы. Следуя примеру других народов, мы построим социализм.

Примите мой братский и революционный привет.

ОЛМЕС МЕХИАС

Эти велосипеды мы отправили во Вьетнам.

Пионерам Гвинейской республики мы отослали восемь ящиков книг, учебников, спортивных игр и просто игрушек.

В ФАШИСТСКИХ ЗАСТЕНКАХ ДИКТАТОРА СТРЕССНЕРА ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМЯТСЯ ПАРАГВАЙСКИЕ КОММУНИСТЫ И ПАТРИОТЫ ПАРАГВАЯ. У УЧИТЕЛЯ АНТОНИО МАЙДАНЫ ИДЕТ КРОВЬ ИЗ ГОРЛА. ОТ ТУБЕРКУЛЕЗА ЗАДЫХАЕТСЯ ХУЛИО РОХАС. АЛЬФРЕДО АЛЬКОРТА ПОЧТИ ОСЛЕП. К НИМ НЕ ДОПУСКАЮТ ВРАЧЕЙ, РОДСТВЕННИКОВ, НЕ РАЗРЕШАЮТ ПЕРЕДАЧУ ЛЕКАРСТВ, КНИГ, БУМАГИ.

ДАВАЙТЕ, РЕБЯТА, ВМЕСТЕ СО ВЗРОСЛЫМИ ПРИМЕМ УЧАСТИЕ В БОРЬБЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ПАРАГВАЙСКИХ ПАТРИОТОВ!

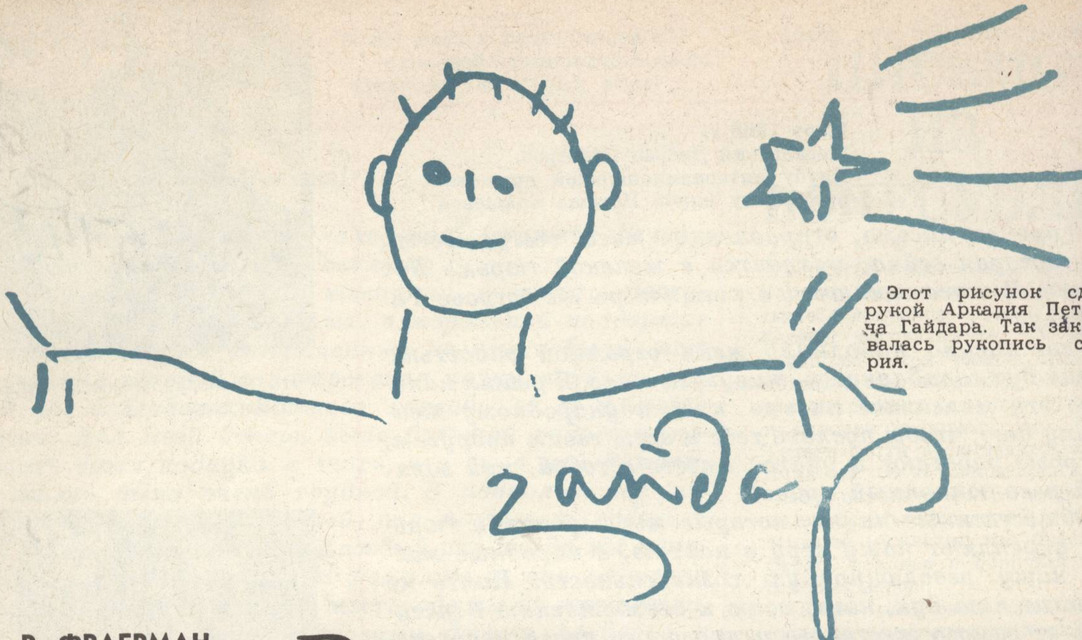
ПРОЧТИТЕ КНИГУ КАРЛА НЕПОМНЯЩЕГО «КОММУНИСТЫ».

РАССКАЖИТЕ СВОИМ ДРУЗЬЯМ В ОТРЯДЕ, В ДРУЖИНЕ, ВО ДВОРЕ О БОРЬБЕ КОММУНИСТОВ ПАРАГВАЯ.

НАПИШИТЕ ПИСЬМА ПРАВИТЕЛЬСТВУ ПАРАГВАЯ С ТРЕБОВАНИЕМ ОСВОБОДИТЬ ПАРАГВАЙСКИХ ПАТРИОТОВ.

СОБЕРИТЕ ПОДПИСИ ПОД ЭТИМИ ПИСЬМАМИ В СВОЕМ РАЙОНЕ, ГОРОДЕ, СЕЛЕ. ПРИШЛИТЕ ЭТИ ПИСЬМА И ЭТИ ПОДПИСИ НАМ. НАШ АДРЕС: МОСКВА, В-334, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ, КЛУБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ДРУЖБЫ ИМЕНИ Ю. А. ГАГАРИНА. МЫ ПЕРЕШЛЕМ ВАШИ ПИСЬМА В ПАРАГВАЙ.

Члены Клуба интернациональной дружбы
Московского Дворца пионеров

Этот рисунок сделан рукой Аркадия Петровича Гайдара. Так заканчивалась рукопись сценария.

Р. ФРАЕРМАН

Радость встречи

Лето 1937 года Гайдар проводил в Болшеве, под Москвой. Это место посоветовал ему выбрать я. Когда-то, в 1928 или 1929 году, я сам жил в Болшеве. Места эти в ту пору были пустынные. Рядом, в нескольких шагах, хорошие березовые леса, а внизу, за домом, протекала Клязьма. Весной ландыши цвели около крыльца, а по осени белых грибов — без единого червячка! — мы набирали полные корзины.

Гайдар и поселился в той самой комнате, где когда-то жили мы с Валентиной Сергеевной и всей нашей семьей.

Я же лето 1937-го, как обычно, проводил в Солотче, под Рязанью. Приехав на несколько дней в Москву, чтобы проводить мою дочь Норочку в Ригу (она гостила у меня в Солотче, но срок отпуска ее уже истек), я встретил Гайдара.

Мы ведь жили все рядом. Паустовский в одном доме со мной на Большой Дмитровке (теперь Пушкинская), двадцать, а Гайдар — напротив нашего дома, тоже по Большой Дмитровке, только в номере пятнадцать.

Я познакомил дочку с Аркадием. И он тут же, как говорится, сгреб нас и уговорил поехать к нему в Болшево.

Мы поехали и провели там чудесный летний день. Со станции до Старых горок, где была дача, пожалуй, было километра три. Дорога очень живописна: молодые березы, потом большая, густая дубрава, спуск к Клязьме...

Мы шли, и всю дорогу Гайдар рассказывал о том, как вольно ему здесь дышится и как легко работается. Между прочим, он сказал, что решил написать сценарий на сюжет своей повести «Военная тайна».

Надо сказать, что повести Гайдара всегда привлекали сценаристов. И почти все его произведения в конце концов были экранизированы Сам Гайдар в те годы сценариев не писал. А тут ему захотелось попробовать себя в роли сценариста. Он исподволь начал писать сценарий и понемногу втянулся в эту работу и увлекся ею так, что, вопреки обыкновению, захотел показать мне еще неоконченную рукопись.

— Я уже кое-что сделал здесь. Правда, пока только отдельные куски. И тебе сегодня же их почитаю,— пообещал он, когда мы завернули с горы налево, к дому.

Но день был так хорош! Такой благодатный, теплый, душистый, какие только изредка выпадают у нас в июле. И мы не заметили, что солнце стало уже клониться к горизонту. А дел у нас с дочкой в Москве была уйма.

Прощаясь с Гайдаром, мы уговорились, что ближе к осени он сам приедет к нам в Солотчу и там прочтет готовые куски сценария Валентине Сергеевне, мне и Косте (так дружески мы звали Константина Георгиевича Паустовского).

Гайдар действительно приехал к нам, кажется, в самом начале августа. И мы жили вместе до первых чисел сентября.

Однажды в беседке, в нашем милом старом саду, где всегда шумели вязы, вековые дубы и липы, Гайдар стал рассказывать о задуманном сценарии, но отрывков он не привез, забыл, увлекшись покупкой рыболовных снастей.

Он только с увлечением говорил о том, что сценарий, пожалуй, будет далек от повести. «Разные виды искусства требуют разных приемов,— объяснял Гайдар.— Кроме того, с тех пор, как на Дальнем Востоке была задумана книга, прошло шесть лет. Тогда еще только можно было догадываться, что скоро вспыхнет война... А теперь уже вовсю идет гражданская война в Испании. На помощь республиканцам каждый день от наших пристаней уходят пароходы. А генералу Франко помогают и фашистская Германия и фашистская Италия...»

И тут же, подумав, добавил:

— А я, пожалуй, испанские события введу и в сценарий...

Мы согласились с его доводами. Но больше он к этой теме не возвращался. А вскоре сказал, что его увлекает тема о подростке, который сбился с пути. Это он уже думал о будущей повести «Судьба барабанщика».

Сценарий он отложил.

В 1938 году Гайдар со своим хорошим другом, писателем Сергеем Григорьевичем Розановым, автором чудесной книжки «Приключения Травки», жил в Одессе. И там он опять вернулся к сценарию «Военная тайна». Об этом говорил сам Розанов.

Шли годы. И случилось так, что после героической смерти Гайдара Детгиз в 1948 году предложил мне и моей жене Валентине Сергеевне сде-

лать сборник «Жизнь и творчество А. П. Гайдара».

Задача была трудная. Документов своих Гайдар почти никогда не хранил. Нужно было по крохам собирать материал, искать живых свидетелей, товарищей, родных, боевых друзей и друзей детства.

Обратились мы и к Сергею Григорьевичу Розанову с просьбой написать воспоминания о Гайдаре. К нашему большому огорчению, Сергей Григорьевич был тяжело болен и написать уже ничего не мог. Но он прислал папку, которую оставил у него Гайдар, наказывая беречь ее, а в случае чего передать Валентине Сергеевне.

Среди этих материалов, большая часть которых вошла в сборник «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», оказался и сценарий «Военная тайна».

К сожалению, мы не обнаружили начала сценария. Многие непронумерованные страницы в середине и конце были перепутаны. И только на самой последней, как всегда, была нарисована забавная рожица, справа над ней звезда с расходящимися лучами, а под обоими рисунками такой дорогой и знакомый росчерк — Гайдар.

...И вот недавно у меня был писатель Борис Николаевич Камов. Валентина Сергеевна спросила его, знает ли он о сценарии «Военная тайна».

— Знаю, конечно. Но ведь сценарий потерян!..

— Нет,— ответила Валентина Сергеевна,— вот он перед вами.

И мы решили, что сценарий надо напечатать. Где напечатать? Конечно, в «Пионере», ведь Гайдар любил этот журнал. Рукопись была разобрана, найдены места всех вставок, написанных Гайдаром позже. К счастью, обнаружилось, что первые, недостающие страницы рукописи хранятся в ЦГАЛИ — Центральном государственном архиве литературы и искусства.

И вот я впервые прочитал сценарий весь целиком. Впервые, по сути дела, встретился с еще неизвестным мне произведением Гайдара и как бы еще раз встретился с ним самим. С его мужественным и человечным талантом.

Что сказать об этой вещи?.. Сценарий, естественно, короче повести, потому что не может быть больше 60—70 страниц на машинке.

Зато сюжет сценария сделан цельнее и крепче. Характеры Владика, Альки, Натки показаны подругому. В повести мы еще только догадываемся, что в трудную минуту и маленький октябренок Алька, и пионер Владик, и вожатая Натка не струсят и не бросят в беде товарищей. А в сценарии мы уже видим, на что способен каждый. И то, что Натка находит в себе силы преодолеть страх, и «военная хитрость» Владика, и отвага Альки — все это, наверное, им еще пригодится в других обстоятельствах, потому что в Испании уже идет война. И она скоро может приблизиться к нашим границам...

Читатели «Пионера», конечно, заметят, что конец в сценарии иной, нежели в повести. Но ведь и события в сценарии обрываются раньше, чем в книге. И все еще там, уже за кадром, может произойти...

Но почему же, могут спросить, Гайдар не оставил в сценарии все, как было в книге?

Вопрос не простой.

Настоящий художник никогда не бывает доволен уже сделанным. Так было и с Гайдаром. Из всех своих произведений он больше всего любил «Школу», «Голубую чашку». И когда Гайдар приступил к работе над сценарием «Военная тайна», ему, видимо, захотелось, чтобы будущий фильм был в чем-то лучше повести.

И многое написал по-новому. У него появилась новая вещь по мотивам «Военной тайны». Новая вещь со старыми, дорогими ему героями.

Так ее, во всяком случае, воспринял я. Думаю, что так же ее воспримете и вы, знакомясь пока с еще неизвестным вам произведением нашего общего друга Аркадия Петровича Гайдара.

ВОЕННАЯ ТАЙНА

А. ГАЙДАР СЦЕНАРИЙ

Утро. Вагон-ресторан. Почти пусто. Натка Шегалова смотрит в окно. Промелькнул огромный дымный завод. Подали Натке чай. Дотронулась,— горячо. Смотрит в окно. Промелькнула тихая речка. Рыбак на лодке. Купающиеся ребятишки. Промелькнула опушка. Выстроились в ряд палатки красноармейского лагеря. Кружит самолет — отделилась точка, и раскрылся купол парашюта. Натка нахмурилась и отвернулась от окна.

Из прохода появляется небольшой темноглазый мальчуган. Он возник как-то неожиданно. Чуть-чуть задержал свой взгляд на Натке.

За ним в форме военного инженера вошел отец (Сергей Ганин). Сели у столика. Мальчуган показал пальцем на большое яблоко в стеклянной вазе. Отец молча кивнул головой. Мальчуган взял яблоко и положил его рядом с тарелкой.

Вошел газетчик.

Мальчуган говорит:

— Папа, купи!

Подошел газетчик. Человек в военной форме выбрал два журнала. Газетчик отошел. Оба раскрыли журналы и перелистывают. Вдруг лицо человека в форме изменилось. И он как бы в страхе глянул на сына. Мальчуган этого не замечает.

Но вот он отодвинул свой журнал, достал папиросу и говорит.

— Алька, я забыл спички.

— Где?

— В купе на столике. А если нет, то в кармане пальто.

— То в кармане пальто,— повторил Алька и быстро соскользнул со стула.

Алька вышел. Отец его быстро читает. Он неспокоен.

КРУПНО: **быстро сунул руку в карман, достал спички и закурил.**

Удивленно посмотрела на него Натка.

Показался Алька. Отец пьет чай. Алька увидел дымящуюся папиросу.

— Ты уже прикурил? *(Забирается на стул.)* А журнал где?

— Я его, кажется, выронил за окно. Пей чай, Алька.

Высунулась Натка в окно. Поворот. Поезд изгибается дугой. Увидела Натка в соседнем вагоне высунувшуюся из окна всклокоченную голову Эмки и погрозила ей пальцем. Голова скрылась.

Встают Алька и отец. Теперь Натка видит, что журнал, свернутый в трубочку, лежит за цветами.

Натка говорит:

— Вы забыли журнал. Вот он!

Обрадовался и бросился к журналу Алька.

КРУПНО: **вздрогнули губы, и укоризненно посмотрел человек на Натку.**

Смутилась Натка, но ничего не поняла.

*

Купе. Алькин отец (Ганин), облокотившись на подушку, сидит молча. Алька смотрит в окно. Слушает песню, что передает через репродуктор радио, и искоса поглядывает на отца.

> Ты в плену. Окончен бой.
> Под тюремною стеной
> Ходит мрачный часовой.
> Стой! Стой! Стой!..

АЛЬКА. Папа! Почему, когда поют эту песню, ты всегда молчишь и глаза щуришь?

— Как почему? Солнце светит в глаза, вот и щурю.

— А когда луна?

— А когда луна, то от луны. Чудак ты, Алька!

— А когда ни солнце, ни звезды, ни луна? *(Быстро разворачивает журнал и показывает отцу.)* Я знаю сам. Вот почему.

КРУПНО: **портрет смуглой молодой женщины. Густые, немного растрепанные косы. Нерусские глаза.**

Подпись: Марица Маргулис. Болгарская коммунистка. Присужденная к вечной каторге, она дважды бежала из крепости. Три года тому назад она была снова схвачена и после тяжелой пытки убита.

АЛЬКА. Ты не хотел, чтобы я знал, как маму пытали. *(Пауза.)* Но я прочел все.

ГАНИН. И ты плакал?

АЛЬКА *(взволнованно)*. Нет, я уже давно отплакался. Я думал.

— О чем?

— Обо всем. О разных далеких странах. О Красной Армии. Погоди... Ты меня не трогай. Я же нисколько не плачу.

Быстро открывается дверь, и в купе влетает Эмка. Увидела, что попала не туда, но не очень смутилась и затараторила:

— Натка ушла. Владька хочет меня поколотить. *(Увидела у Ганина на груди орден.)*

Приоткрылась дверь. Просунулось сердитое лицо Владика.

Эмка скачет и торжествующе тычет пальцем в гимнастерку с орденом.

— Ну что! Что! Он храбрый, он заступится.

Голова Владика исчезла.

ГАНИН. За что же он хотел тебя поколотить?

— Я сказала, что он злюк. Он на всех сердитый и не хочет ехать в Крым.

— А куда он хочет?

Эмка со страхом показывает на кобуру с револьвером, что висит на стенке.

— На войну!

АЛЬКА *(резко и даже обиженно)*. Но войны еще нет.

ЭМКА. Есть, в Испании. *(Обернувшись к Ганину.)* Спасибо. *(Увидела портрет.)* На мою маму похожа. *(Показала рукой.)* Глаза такие же. *(Приоткрыла дверь.)* Ушел! *(Кивает головой.)* За косы дергается... Испанец.

*

Вышла в коридор. Встретила Натку и кинулась к ней. О чем-то говорит. Вероятно, жалуется на Владика.

НАТКА. А кто эти люди?

ЭМКА. Это... это летчик либо пулеметчик. *(Владику.)* Видал орден?

ВЛАДИК *(пренебрежительно).* Один-то! Я вырасту, у меня будет два. *(Чертит пальцем на груди кружочки.)*

ЭМКА. О-ох ты! *(Показывает на дверь купе.)* А у его сына три будет.

*

НАДПИСЬ. **Все хорошо.**

Лагерь. Горы. Море. Гроздья винограда. Отягощенные фруктами деревья.

НАДПИСЬ. **...но одно плохо.**

Пересохшее русло ручья. Из маленькой лужицы пьет собака. Поникшие цветы. В подставленную под большой кран лейку слабой струйкой бежит вода. Рядом башкирка Эмка.

НАДПИСЬ. **Пропала вода.**

Вот Эмка заметила бабочку. Отошла от лейки. И, затаив дыхание, склоняется к траве. Из-за кустов вылезает Владик. Подкрадывается. Окатывает Эмку водой и убегает.

Эмка взвизгнула. Обернулась. Сдернула с ветки тяжелое яблоко и со всего размаху запустила во Владика. Должно быть, попала, потому что улыбнулась.

Раздвинув ветки, укоризненно качая головой, смотрит на Эмку старик.

ЭМКА *(насупившись).* Ты кто?

— Я-то садовник. А вот ты кто? Баловница!

Эмка обиженно кивает в сторону убежавшего Владика и показывает на свою мокрую майку.

— Я не баловница. Это он баловнец. *(Показывает на бассейн.)* Фонтан закрыли. Душ закрыли. Ручей... *(Она запинается.)* Сам закрылся. Где же вода?

Садовник показывает палкой на горы.

— Скоро взорвут скалу, и побежит из озера воды много.

— А кто взорвет? *(Удивленно.)* Ты?

— Мое дело — сады сажать, а на это есть свои люди.

— Смелые?

— Смелые. *(Показывает на яблоню.)*

Из-за кустов вылезает Владик и окатывает Эмку водой.

Рисунки С. ОСТРОВА.

А за яблоки... без спросу в другой раз крапивой по ногам буду.

ЭМКА *(недоверчиво и даже презрительно).* Ой ли? Это при Советской-то? *(Что-то увидела. Бросилась бежать, крича)* — Почтальон идет... почтальон!..

Обед на открытой террасе. На столе всего вдоволь. Толстый мальчуган читает письмо.

КРУПНО. **«Милый Котик! Здоров ли ты? Как твой аппетит? Не голодаешь ли?»**

КРУПНО. **Толстая самодовольная мордашка улыбается. Губы в сметане.**

КРУПНО. **Тарелки. Масло. Помидоры. Котлеты. Горка хлеба. Блюдце с кремом. Горка фруктов.**

КРУПНО. Мальчуган смотрит на оставшуюся котлету, тяжело вздыхает и решает доесть.

Другой мальчуган. Письмо.

КРУПНО. **«Хорошо ли ты себя ведешь? Не много ли балуешь?»**

Мальчуган хитро подмигивает.

Под обеденным столом множество босых ног. Одна нога тянется и толкает (напротив) в колено другую.

Над столом встревоженное лицо Эмки.

Опять под столом одна нога толкает другую.

Сверху лицо Эмки, еще встревоженнее. Но лицо мальчугана, читавшего письмо, невозмутимо спокойно.

Вдруг Эмка быстро наклоняется и хватает чью-то ногу.

И теперь над столом видно, как испуганный мальчишка покачнулся и заорал.

Эмка хохочет.

Владик. Обед перед ним почти не тронут. На столе лежит телеграмма. Баранкин заглядывает в телеграмму.

ТЕКСТ. «Отдыхай веселее все будет хорошо мама».

БАРАНКИН. Раз все хорошо, то отчего же ты хмурый?

ВЛАДИК *(говорит с горечью).* Значит, не все хорошо. Будет!.. А если не будет?

Барабанит пальцем по тарелке.

Проходящая подавальщица с удивлением останавливается.

— Тебе чего?

ВЛАДИК. Ничего.

Натка смотрит на Владика и говорит своей помощнице:

— Его надо чем-нибудь занять. Он будет у нас звеньевым.

НИНА *(испуганно).* Ой, Натка, он, кажется, очень большой разбойник. Посмотри, вон тебя наша физкультурница ищет!

Идет Натка к дверям. У дверей — в трусах и майке — стройная девушка.

КРУПНО. **На майке у нее значок парашютистки.**

НАТКА *(показывая на значок, настороженно).* Ты в Москве прыгнула?

ФИЗКУЛЬТУРНИЦА. Нет, здесь... *(Показывая рукой.)* Аэродром рядом... *(Смотрит в записную книжку).* Завтра утром я у тебя в отряде...

❊

Лагерь спит. Берег, деревья. Под озаренным луной деревом стоит Натка. Вдалеке портовые огни. Видны иллюминаторы и прожектор большого парохода.

Вот скользнул прожектор вдоль берега. И вдруг Натка видит, что на перилах верхом в одних трусах сидит Владик.

НАТКА. Ты зачем вылез? Почему не спишь?

ВЛАДИК. Жарко, душно, клопы кусают.

НАТКА. Сумасшедший! Какие клопы? Ты в своем ли уме?

ВЛАДИК. Ну пусть не клопы. А ты сама чего не спишь, Натка?

НАТКА. Я... я — это другое дело.

ВЛАДИК. Ты другое, и я тоже другое. *(Улыбнулся.)* Давай, Натка, бросимся в море и поплывем вон к тому большому пароходу. Кажется, иностранный.

НАТКА *(смеется).* Нас пограничники так турнут, что и не вынырнешь. *(Строго.)* Иди спать, Владик. Что ты разболтался?

ВЛАДИК. Ладно, иду. *(Обернулся.)* А ты меня не обманывай. Я давно вижу, что тебе и самой что-то невесело.

НАТКА *(вдогонку, резко).* Врешь, весело!

Стоит Натка одна. Скользнул по ней луч прожектора. Повернулась она и тихо пошла.

❊

Лагерь спит. Берег. Скала. Под озаренной луною скалой стоит Натка. Вдалеке портовые огни. Видны огни иллюминаторов большого парохода.

Вдруг на тропку вышла большая собака и остановилась. Замерла Натка. Сзади голос:

— Не бойтесь. Она вас сама боится.

Человек свистнул. Собака быстро метнулась прочь.

Натка обернулась. Перед ней человек в форме военного инженера. Человек поздоровался и прошел.

НАТКА *(глядя ему вслед).* Что за народ шатается по лагерю?

Идет Натка в палату. Заглядывает в комнату, где спят ребята. Покой. Луна. Тишина. В переплетах окон видны резкие очертания неподвижных кипарисов.

Проходит к себе в комнату. Не зажигая света, садится на стул и наклоняется, чтобы расстегнуть сандалии.

Вдруг настороженно выпрямляется и прислушивается: ничего, тихо.

Наклоняется опять. Снова быстро вы-

прямляется, вскакивает и бросается к выключателю.

Резкий свет.

У противоположной стены стоит кровать. И там спокойно спит смуглый мальчуган. Все тот же и знакомый и незнакомый ей Алька.

Скрипнула дверь. Входит молоденькая помощница Натки Нина.

— Натка, ты не пугайся. Это Алька, сын инженера. Его отец взорвет скалу, и будет вода. Они приехали через Севастополь. Ребята уже спали, и мы поставили кровать к тебе.

Натка молча кивает головой.

НИНА. Натка, ты куда пропала? А тебе два раза от начальника порта звонили.

НАТКА *(удивленно)*. Зачем я нужна начальнику порта?

НИНА. Там тебя какой-то капитан спрашивал.

Нина что-то услышала и быстро вышла.

НАТКА. Что нужно от меня какому-то капитану?

Натка смотрит на Альку. Тумбочка. На ней трусы, майка и картинка, изображающая одинокого всадника, мчащегося под ослепительно лучистой пятиконечной звездой.

Подпись слева:

Вперед, товарищ! Путь далек
Перед тобой во мраке лег.

Натка переводит глаза на Альку.

Подпись справа:

Но светит ярко, как всегда,
Тебе победная звезда.

Натка смотрит на Альку, улыбается и тушит свет.

Солнечное утро. Комната Натки. Алька встал. Одергивает постель. Обернулся. Спрятал журнал под подушку.

НАТКА. Твой папа — инженер?

АЛЬКА *(подчеркивая)*. Военный инженер. Он в отпуску. Ты видела у него на лице шрам?

— Да!

— Это ему однажды осколком ручной гранаты попало. На маньчжурской границе. *(Помолчав немного.)* Тебе так никогда не попадало?

НАТКА *(улыбаясь)*. Нет, еще не попадало.

— Но ты смелая?

НАТКА *(в замешательстве)*. Не знаю...

— Он не любит трусов. Из-за одного, например, труса ему пробило осколком голову. Тогда же убили его коня.

— Кто же был этот трус?

— Я... *(Помолчав немного.)* Мы ехали ночью к себе на заставу. Маньчжуры пробрались через границу. Надо было молчать, а я заплакал.

— Однако... он тебя все же любит?

— Да... Но мне тогда было только три года. *(Помолчав.)* Теперь бы он меня не простил. *(Помолчав.)* А тебя и подавно.

НАТКА *(в замешательстве)*. Ты пойдешь во второе звено к Владику Дашевскому. *(С усмешкой.)* Он, кажется, смелый... Беги. Я буду прибираться.

Алька вышел.

Натка подошла к окну. За окном негромкая песня. Горнист подает сигнал. Через пролет густой листвы задумавшаяся Натка видит парящий самолет и качает головой.

В дверь стук. В полной форме входит здоровенный капитан.

НАТКА. Дядя. Разве же ты не умер?

КАПИТАН. Что ты, дорогая! Похож ли я на покойника?

НАТКА *(бросается к нему)*. Но вас же, писали, забило бурей, затерло льдами, разбило, разломало, разбросало.

КАПИТАН. И било, и швыряло, и бросало. Плыли на шлюпках километров пятьсот. Шагали до поселка тысячу. Ехали на собаках полторы. Постой, Натка... Ты мне голову свернешь. Не хочу теперь пропадать на суше.

Вбегает пионер.

— Натка, был сигнал.

НАТКА. Я сейчас... Дядя, откуда ты? Куда?.. Надолго?..

— Мое судно стоит в порту. Разгрузимся. Быстро погрузимся — и в Испанию.

НАТКА *(жалобно)*. Дядя, дядя, как мне хочется с тобой в Испанию!

КАПИТАН. Ну, дорогая... Это не тебе одной хочется. Сейчас всем хочется.

ПИОНЕР. Натка, отряд построился.

НАТКА. Сейчас.

КАПИТАН. Тебе некогда, да и мне тоже. Приходи завтра в порт. На корабле поговорим.

Натка распахивает дверь и кричит:

— Сейчас! *(Капитану.)* Я приду обязательно. Ты тогда мне все расскажешь. *(Выбегает.)*

Капитан с любопытством оглядывает незнакомую обстановку.

Слышен горн. Видно, как медленно поднимается на мачте лагерный флаг.

НАДПИСЬ. **Отряд готовился к празднику.**

Первая группа с физкультурницей на площадке репетирует пирамиду.

Вторая в кустах на поляне, усевшись на бревне, распевает песню:

Ты в плену. Окончен бой.
Под тюремною стеной
Ходит мрачный часовой.
Стой! Стой! Стой!
Стиснув губы, милый брат,
Ты не выдашь свой отряд.
Кто с тобой плечом к плечу
Шел, не скажешь палачу.

С любопытством осматриваются, осторожно идут ребята.

Крикнешь ты, глядя в упор,
Что ни пытка, ни топор,
Ни железо и ни кнут
Нас не сломят, не согнут.

Стиснув губы, милый брат,
У знамен стоит отряд
С клятвой каждого бойца
Смело биться до конца.

Третье звено на террасе клеит, режет и шьет костюмы.

НАДПИСЬ. **А звено Владика...**

Круглый бассейн. Владик и еще несколько ребят закинули в него удочки. Остальные ребята с любопытством заглядывают в воду.

Среди водорослей тихо плавают рыбы.

Эмка сунула руку в воду. Владик погрозил ей кулаком.

Обиженная Эмка отошла и ловит сачком бабочек. Навстречу ей идет мальчуган. Это Алька. Из кармана у него торчит знакомая нам картинка.

ЭМКА. *(показывая на картинку).* Это что?

Алька вынимает картинку и, хитро улыбнувцись, показывает пальцем на всадника.

— Это белый. Это царь.

Эмка отрицательно качает головой.

— Это красный. Это Буденный.

АЛЬКА *(упрямо).* Это белый. Вот сабля.

ЭМКА *(еще упрямее).* Это красный. Вот звезда.

Оба расхохотались.

Алька увидел, чем занимаются ребята, и нахмурился.

— Зачем они безобразничают? Вот глупые рыбаки!

ЭМКА *(шепчет).* Ты потише. А то Владик тебе даст т у м а к а.

Алька смотрит на нее, нахмуря брови.

— Он не посмеет мне дать т у м а к а.

Владик оборачивается и смотрит грозно. Алька смотрит ему прямо в лицо.

У Владика клюнуло, но сорвалось. Алька подошел к бассейну.

Плавают среди водорослей рыбы. Эмка бросила в воду цветок. У Владика клюет.

Лицо Альки напряженно-любопытное. У Владика клюет сильнее. Все затаили дыхание.

Раз... Сорвалось опять.

АЛЬКА *(взволнованно).* Как вы ловите... Ее сачком поддеть было надо.

НАТКА *(нерешительно).* Но это нехорошо — лазить к ребенку под подушку. *(Бросает рыбу в бассейн.)* Если ему вредно читать такие журналы, то зачем же вы ему купили?

— Я купил случайно и не знал, что там есть.

НАТКА. Хорошо. *(Помолчав.)* Скоро вы наконец дадите воду?

— На днях все будет готово. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

НАТКА. Постойте!.. У Альки есть мать?

— Нет.

Владик, Эмка и Алька. Горы над морем. Гуща дубового кустарника.

ЭМКА. Далеко забежали. Как бы не хватились.

ВЛАДИК. До обеда еще долго.

Алька раздвинул кусты и вскрикнул:

— Стойте! Тюрьма!

Развалины старой крепости над морем. Повсюду навалены перевитые плющом глыбы. Внутри густая трава, зеленая площадка.

Владик одобрительно кивает ему головой, вскакивает, отбирает у Эмки сачок и вытряхивает из него бабочек.

Ловят сачком. Шум. Брызги. Мечутся рыбы среди водорослей.

Поймали, вытащили, обступили.

ЭМКА. Вожатая идет, Натка.

ВЛАДИК. Чур, не сознаваться!

Все бросаются врассыпную. Входит Натка. Пусто. На земле мокрый сачок и подпрыгивающая рыба.

Натка наклоняется и хочет взять рыбу. Рыба выскальзывает. Натка наклоняется опять. Оборачивается. Сзади нее стоит инженер. Тот самый, которого она встретила ночью. Смутившаяся Натка стоит перед ним. Инженер удивлен.

НАТКА. Я вас знаю. Вы инженер Ганин... Алькин отец...

— И я вас знаю. Вы вожатая отряда. Где Алька?

Натка, улыбаясь, показывает на рыбу.

— Вот видите. Должно быть, набаловали и убежали.

— У меня просьба. Если вы увидите у Альки журнал, возьмите его потихоньку и передайте мне. Он начитается на ночь чего не нужно и спит плохо.

С любопытством осматривают, осторожно идут ребята.

Какой-то боковой низкий вход. Над входом нависли тяжелые камни. Владик трогает их палкой. Ничего, крепко. Входят и шарахаются. Тяжело махая крыльями, вылетела сова. Прошли дальше.

Коридор раздваивается. Справа — маленькая темная комната. Слева — побольше. В стене пробито небольшое окно, через которое бьет солнце. Здесь сухо и прохладно.

ВЛАДИК. Это не тюрьма, а древняя крепость. *(Помолчав.)* Я бы хотел быть старинным рыцарем, с мечом и со щитом. А ты, Алька?

— Я бы хотел быть не старинным, а теперешним. Со звездой и с маузером.

ЭМКА. Как кто?

АЛЬКА. Как Ворошилов. А ты, Эмка?

ЭМКА *(с опаской оглядывая угрюмые своды).* Я... Я бы хотела пойти домой.

ВЛАДИК *(настораживаясь).* Тише...

ЭМКА *(испуганно).* Чего тебе?

— Кто-то свистит.

Выбираются наружу. Лезут на поросшую кустарником стену.

Внизу по тропке идет человек. Кто, этого не видно, потому что на голове он несет куски фанеры и сверху виден только деревянный квадрат.

Владик бросает на фанеру камешки... один, другой. Фанера остановилась, сползла.

Видно недоуменно-добродушное лицо Баранкина.

❄

Во дворе крепости. Баранкин и ребята.

БАРАНКИН. Ходил на работы. Фанеры выпросил. Насилу дали.

ВЛАДИК. Да на что тебе, чудак, фанера?

— К празднику в подарок танк сделаю. Хороший танк. С пушками.

ВЛАДИК *(решительно)*. Мы будем тебе помогать. *(Подумав.)* Мы посадим внутрь Эмку, и она будет бить по врагу из пушек яблоками.

АЛЬКА. Давайте сделаем тайно, так, чтоб никто не знал.

ВЛАДИК. Мы сделаем тайно. А чтобы никто не знал, мы будем работать здесь.

Берет кусок фанеры, чертит углем и устанавливает вывеску над темным входом.

Вывеска:

1-й танковый завод
имени
Мирового Пролетариата.

Все прислушиваются. Слышен далекий сигнал на обед.

ЭМКА. Та-ра-ра-ра! Пора-пора!

ВЛАДИК. Я забегу надеть майку.

Все срываются и убегают.

Владик, уже в майке, бежит в столовую. Поворот. Из-за кустов пара глаз. Сидит собака и смотрит печально на Владика.

ВЛАДИК *(собаке)*. Фьють-фьють.

Собака подходит и машет доверчиво хвостом.

Проходит парнишка с граблями и лейкой.

ВЛАДИК. Это чья собака?

— А кто ее знает. Какая-то приблудная. Ее вчера и палками и камнями гнали. А она, смотри-ка, опять тут.

Наклоняется, чтобы поднять камень.

ВЛАДИК *(грозно)*. Но, но, это моя собака!

Паренек трусливо отходит.

— Вот тебе начальник покажет, твоя. Чужих собак велено гнать из лагеря.

Владик уводит собаку в кусты. Снимает ремешок, делает ошейник, привязывает ее к кусту и грозит ей пальцем.

— Сиди, дура, смирно. Я сейчас вернусь.

Обед. На коленях у Владика лист бумаги.

Рядом с Владиком знакомый уже толстый мальчуган. Мальчуган отвернулся и потянулся за хлебом. Владик быстро цапнул у него котлету и сунул на колени.

Мальчуган смотрит на тарелку. Мальчуган удивлен. Виновато оборачиваясь, он говорит Владику:

— Вкусно! Съешь и не заметишь.

Владик сталкивает кусок хлеба незаметно себе на колени.

Эмка увидела это и открыла было рот.

Владик прикладывает палец к губам.

Эмке все равно не терпится.

ВЛАДИК *(сердито)*. На. Ешь мороженое.

Эмка хватает мороженое. И пока она его ест, Владик исчезает.

Владик около собаки. Собака с жадностью ест котлету.

ВЛАДИК *(думает)*. Куда я ее спрячу?

Улыбнулся, догадался.

Вечерняя линейка. Стоят ребята. Не очень-то навытяжку. Кто-то кого-то щелкнул, кто-то фыркнул.

НАТКА. Кто ловил в бассейне рыбу?

Молчание. Владик чуть-чуть дерзковато улыбается. Алька облизывает языком губы. Эмка смотрит в потолок.

НАТКА. Чей это сачок?

Эмка увидела и вскрикнула:

— Мой сачок! *(Спохватилась, но поздно.)* Но я им ловила бабочек.

НАТКА. Бабочки в воде не плавают. А сачок лежал рядом с рыбой и был весь мокрый.

Смех. Эмка смущена.

АЛЬКА. Я, например, ловил не бабочек, а рыбу. *(Виновато улыбается.)* Я отчаянный рыболов.

Владик пожал плечами. Смех.

Вдруг среди тишины раздается жалобный вой. Все настораживаются. Владик закусил губу.

НАТКА *(удивленно)*. Это кто же такой в строю балует?

Вой усиливается. Всеобщее замешательство.

ЭМКА *(с негодованием)*. Это не в строю... Это собака воет. Разве же человек так умеет? *(Показывает, как человек не умеет.)* Ав-ав-ав-ав!

Собака воет еще сильнее.

НАТКА. Разойдитесь. *(Альке.)* Ты мне будешь нужен.

Звено рассыпается. Все бросак тся искать собаку.

Владик ныряет под крыльцо, хватает собаку и мчится с нею прочь.

❄

Крепость. Сумерки. Владик сажает собаку под башню. Закладывает вход фанерой и заваливает камнем.

Вывеска: *1-й танковый завод.*

Владик осторожно пробирается в палату, где почти все уже легли в постели.

АЛЬКА *(тихонько).* А мне за всех попадет.

— Зачем вызвался?

— А то бы попало Эмке.

— Пусть держит язык за зубами.

АЛЬКА *(сердито).* Ей держать и нечего. Она не виновата.

Владик засыпает. Алька достает украдкой журнал и, подвинувшись к лунному свету, что-то рассматривает.

В дверях показывается закутанная в простыню фигура.

Алька услышал шорох и обернулся. Алька грозным шепотом:

— Это еще что за привидение?

— Это не привидение, а это я. *(Теперь видно лицо Эмки.)* Ты не бойся. Я сейчас подслушала, как Натка говорила Нине, что про рыбу она начальнику лагеря ничего не скажет.

АЛЬКА. Я и так не боюсь. Ну, выругала бы! За дело. Подумаешь, беда!

ЭМКА *(кидает ему яблоко).* На. *(Убегает.)*

Алька снова смотрит в журнал... опять услышал шорох... быстро сунул журнал под подушку и юркнул под одеяло.

В дверях показалась Натка. Посмотрела подозрительно.

*

У крепости под вывеской танкового завода надпись:

Предъяви пропуск.

Сидит у входа собака. Бежит Алька и тащит деревянную жердочку. Собака грозно встала.

АЛЬКА. Тебе пропуск? Сейчас.

Достает кусок сахару. Собака забрала пропуск и съела.

Идет внутри крепости работа. Там Баранкин, Эмка, Владик и Алька. Но Владику что-то не работается.

Он пошел в коридор. Свернул в узкий проход. Темно. Владик зажигает огарок свечи. Мрачные своды. На стене чернеет надпись:

ТЫСЯЧУ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД
ЗДЕСЬ Я ТОМИЛСЯ В ПЛЕНУ
У ЗЛОГО КОРОЛЯ ТРУМБАРАКСА.

Нарисована стрела и под ней написано:

О ДОВЕРЧИВЫЙ ПУТНИК!
НЕ ХОДИ НАПРАВО!

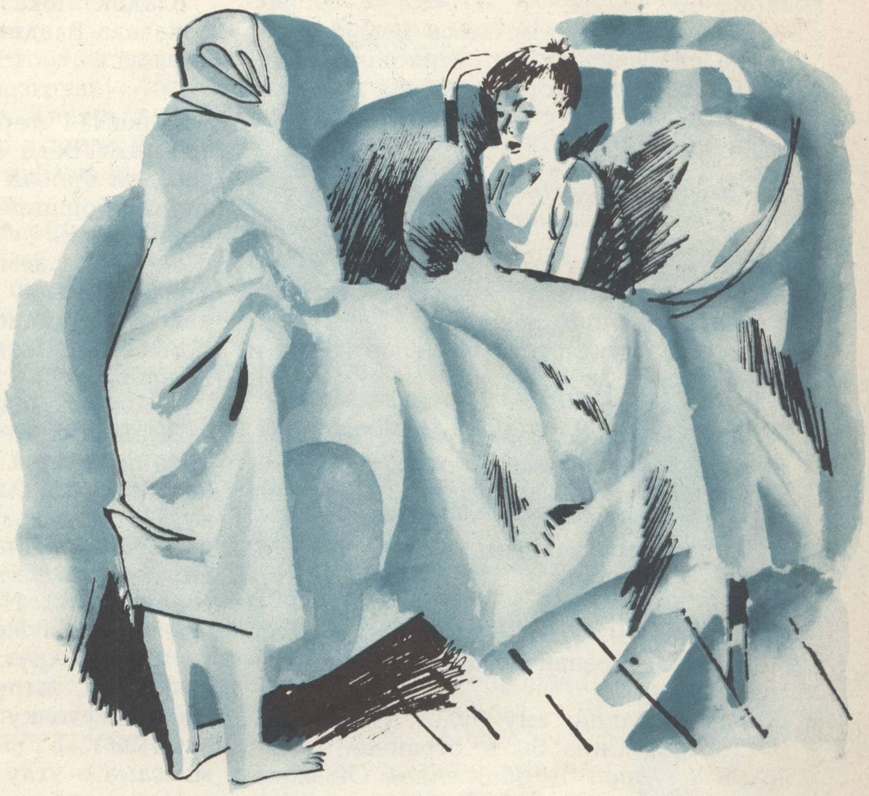
Лицо Владика. Владик нахмурился и повернул направо. На стене надпись:

О НЕСЧАСТНЫЙ!
ТЫ ВСЕ ЖЕ ПОШЕЛ? БЕРЕГИСЬ
И НЕ ХОДИ НАЛЕВО.

Лицо Владика нахмурено. Он поворачивает налево. Надпись под стрелой, указующей на уступ стены:

БЕЗУМЕЦ!
НЕ ПОДНИМАЙ ЭТОТ ТЯЖЕЛЫЙ
КАМЕНЬ!

Владик сталкивает камень. Под ним отверстие. Достает консервную коробку. Внутри записка. Укрепляет свечку на камне. Нетерпеливо разворачивает записку. На записке нарисована страшная рожа с высунутым языком. Под ней стихи:

— Это что еще за привидение?

Дураков, как ты, немало
Эта рожа повидала.
А теперь тебе понятно:
Положи портрет обратно.

Подпись: Узник царя Трумбаракса
уч. 5-го класса Иван Башмаков.

Владик плюнул и бросил записку. Остановился. Передумал. Поднял банку. Положил обратно записку и завалил камнем. Усмехнулся.

ВЛАДИК. Что я... Один, что ли?

Идет работа над танком. Алька держит за ошейник собаку.

АЛЬКА. Ты куда пропал? А мы что придумали!.. *(Показывает на собаку.)* Это будет мотор.

ВЛАДИК. Как мотор?

БАРАНКИН. Мы затолкаем собаку внутрь танка, и танк пойдет самоходом.

ВЛАДИК. Так она же опять выть будет.

БАРАНКИН. Не будет. Мы у нее недалеко от носа кусок колбасы привяжем.

*

НАДПИСЬ: **На экскурсию к озеру.**

Горная тропка. Карабкаются среди кустарника ребята. Опять горная тропка. Идут среди высокого соснового леса.

Озеро. Отражены в воде облака, деревья, пышная зелень. В общем, красота неописуемая. Идут ребята. Окрик:

— Стой! Кто идет?

Замерли ребята. Выходит человек с винтовкой.

— Обойдите кругом. Здесь нельзя.

Натка сворачивает с притихшими ребятами. Слева меж кустов колючая проволока. Другой человек с винтовкой. Столб.

Надпись:

Не курить, огня не зажигать.
Склад взрывчатых веществ.

Открывается вид на работы. Под скалой что-то рубят, строгают. В скале бурят шурфы для подрывных патронов.

Спиной к Натке стоит инженер Ганин и говорит что-то десятнику.

АЛЬКА. Папа!

Ганин обернулся, улыбнулся. Подошел. С Алькой поздоровался за руку.

Показывает Натке в сторону, где торчит тяжелая скала.

— Все это мы взорвем.

НАТКА. Откуда?

ГАНИН. Вот отсюда

Показывает на углубление за скатом горы, где стоит бревенчатый стол с динамомашиной.

ЭМКА. Страшно ему будет, Натка?

НАТКА. Должно быть, страшно.

АЛЬКА *(гордо и обиженно)*. Он взрывал уже 10 тысяч раз. Однажды мы на границе... *(Замолчал и взглянул на отца.)*

Отец добродушно покачал головой.

Натка перехватила их взгляд и спрашивает с улыбкой:

— Тайна?

ГАНИН. Тайна.

НАТКА. Военная?

ЭМКА *(нетерпеливо)*. А у нас тоже есть и тайна и военная.

Баранкин дернул Эмку за рукав. Владик толкнул ее кулаком в бок. Эмка подскочила. Оборачивается Натка. Эмка ревет.

ВЛАДИК. А пусть помалкивает.

Натка пристально смотрит на Владика. Владик отворачивается.

НАТКА. Что с тобой?

ВЛАДИК *(резко)*. Скучно мне.

— Но послушай, если тебе весь день будет скучно, то ты и до вечера драться будешь. (Смех.) Ребята, развеселите, пожалуйста, Владика. А то он вас всех переколотит. (Смех.)

Владик отходит. Ребята окружили инженера. Подошла Натка к Владику.

НАТКА. Если ты не будешь хулиганить, я возьму тебя после обеда в порт. Туда пришел большой пароход, и на нем капитаном мой дядя. Беги!

Подходит Ганин.

— А как Алька?

НАТКА. Ничего. Балует, как и все. *(Помолчав.)* Но дежурная говорила, что ночью спал он неважно. Бормотал что-то.

ГАНИН *(тихо)*. Отберите у него журнал.

Натка молча кивнула головой.

Владик показывает Эмке палец. Эмка показала Владику язык и сквозь слезы засмеялась.

*

Знакомая терраса. Стоит садовник со шлангом. Вода еле-еле бежит. Садовник с досадой бросил шланг возле клумбы и говорит уборщице, которая выколачивает из ковра пыль.

— Пропадаем без воды! Совсем пропадаем! Человек квасу напьется. А цветы квасом не напоишь.

Выбегает Натка. Она в юбке и кофточке. Кричит:

— Владик, идем! А то опоздаем.

Вынырнул Владик. Быстро бегут они вниз по тропке... опять бегут вниз по тропке. Поворот. Раз! Зацепившись за колючку, Натка отхватила от кофточки полрукава. Стоит в отчаянии: подниматься наверх ей неохота. Увидела домик, где живут сотрудники... На террасе физкультурница моет голову. Подошла Натка. Показывает на рваный рукав.

— Валя, выручи. Дай на час какую-нибудь кофточку.

ФИЗКУЛЬТУРНИЦА. Я мокрая. Возьми сама в углу на вешалке.

Натка забежала в комнату. Быстро скинула рваную кофточку. Сняла с гвоздя первую попавшуюся... Быстро надела. Крикнула:

— Спасибо! — и выбежала догонять Владика.

Вдруг увидела на кофточке парашютный значок. Неловко замявшись, остановилась... Ага, придумала! Сорвала розу, закрыла значок и приколола цветок булавкой

Порт. Трубы. Мачты. Парусные лодки. У причала большое судно.. Подъемный

кран. Идет разгрузка. Снизу вверх (глазами Натки и Владика) видна большая опускающаяся кипа. Вот она болтнулась. Голова Натки чуть отклонилась.

НАТКА. Капитан. Владик. Идут по палубе.

Попадается навстречу боцман, передал капитану какую-то бумагу.

КАПИТАН. Сейчас подпишу. *(К Натке.)* Сегодня кончаем выгрузку, завтра начинаем погрузку.

Владик в это время стоит и смотрит на плакат с развалинами и пулеметчиком.

НАТКА. И потом...

КАПИТАН. ...И потом прямо в Испанию.

ВЛАДИК *(быстро обернулся)*. Куда?

КАПИТАН. В Испанию. В Аликанте. Зайдем ко мне в каюту, Натка, я бумагу подпишу.

НАТКА. Идем, Владик.

ВЛАДИК *(отрывисто)*. Я побуду здесь. Я все посмотрю. *(Капитану.)* Можно? *(Вытирает влажный лоб.)* Там жарко. *(Натке.)* Ты иди. А я тут.

Капитан и Натка уходят.

Пока они идут, Владик стоит, и похоже на то, что он смотрит на разгрузку.

КРУПНО: **Лицо Владика. Теперь видно, что никуда он не смотрит, а глаза его бегают. Вот они скосились, наблюдая, ушли ли капитан и Натка. Ушли.**

Владик повернулся и нырнул вниз по лестнице.

Теперь, в зависимости от величины и устройства парохода, надо показать Владика во многих местах и уголках.

Вот он смотрит вниз, в пролет, откуда поднимают тяжелые грузы.

Вот он стоит в облаке пыли и смотрит в тот же пролет, но уже из среднего трюма вверх, и мимо него ползут мешки, ящики, бочки.

Вот он заглянул сверху в машинное отделение и видит могучие блестящие машины. Пренебрежительно махнул рукой.

Вот он приоткрывает какую-то загадочную дверцу. Но там лежат веревки и цепи.

Вот он столкнулся на узкой лесенке с толстым поваром, который тащит за шею убитого гуся. Повар хватает Владика за рукав.

— Ты кто? Откуда?

ВЛАДИК *(резко)*. Пусти. Я сын капитана.

Повар посторонился. Владик исчез.

ПОВАР *(недоуменно)*. Сын капитана, а глаза бегают, как у жулика.

Появляются Натка и капитан.

НАТКА *(осматриваясь)*. Куда он пропал? *(Кричит.)* Владик, где ты?

Точно в ответ, слышен гудок парохода.

КАПИТАН. Подходит пассажирский. Я пошел наверх, Натка. Провожать придешь?

— Обязательно. Ты только позвони когда.

Владик на верхней шлюпочной палубе. Висят затянутые брезентом шлюпки.

Владик отстегивает край брезента.

Заглядывает внутрь. Задумался. Застегнул. Прислушался. Бежит вниз.

НАТКА *(сердито)*. Ты куда пропал? *(Гудок.)* Идем посмотрим, как подходит пассажирский.

Большой белый красавец теплоход тихо подходит к усыпанной встречающими дамбе. В толпе Владик и Натка. Владик отошел и пьет у киоска воду.

Кто-то толкнул Натку. Роза упала, значок открылся. Но Натка этого не замечает.

Прямо перед Наткой в форменке инструктор-парашютист, а с ним веселая девушка.

НАТКА *(удивленно)*. Откуда вы здесь?

ИНСТРУКТОР. Я-то в отпуску... *(Смотрит на Наткин значок.)* А вы что здесь делаете?

Натка с ужасом увидела свой открытый значок. Очень смутилась. Говорит:

— До свиданья. Мне некогда.

ИНСТРУКТОР. ...Но постойте...

Натка исчезла.

Владик смотрит на нее от киоска. К киоску подходят инструктор и девушка. Пьют воду.

ДЕВУШКА *(инструктору)*. Отчего она так смутилась?

ИНСТРУКТОР. Она отказалась прыгнуть с парашютом, а на груди у нее значок.

Девушка смотрит на Натку с сожалением.

— Бедняжка. *(Помолчав.)* Но она не похожа на труса.

Владик, который все это слышал, подходит к Натке.

Идут дорогой молча. Владик хмуро что-то шепчет и высчитывает на пальцах.

НАТКА *(поворачиваясь)*. Ты что?

ВЛАДИК. Ничего.

Идут дорогой молча. Натка задумчива. Она тихонько засвистела и покачала головой.

ВЛАДИК. Ты что?

НАТКА. Я... ничего... *(Помолчав.)* Я забыла у дяди на столе книгу.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Небесный скороход

У НАС В ГОСТЯХ ИСПЫТАТЕЛИ НОВОГО ЛАЙНЕРА

— Попросите, пожалуйста, к телефону инженера-испытателя Бендерова... Владимир Николаевич, говорит «Пионер». Вопросы для вас готовы, когда присылать корреспондента?
— Не надо посылать, мы с Эдуардом Вагановичем к вам едем. Будем в 19. Ждите.

Ждать не пришлось. Стрелки часов, громко щелкнув, показали семь. И в ту же минуту появились на пороге наши гости. Завтра утром им опять улетать, а сегодня, сегодня — вечер наш.

— Сто вопросов — не шутка,— сказал Владимир Николаевич, усаживаясь.

— Придется нам сегодня потрудиться,— добавил Эдуард Ваганович.

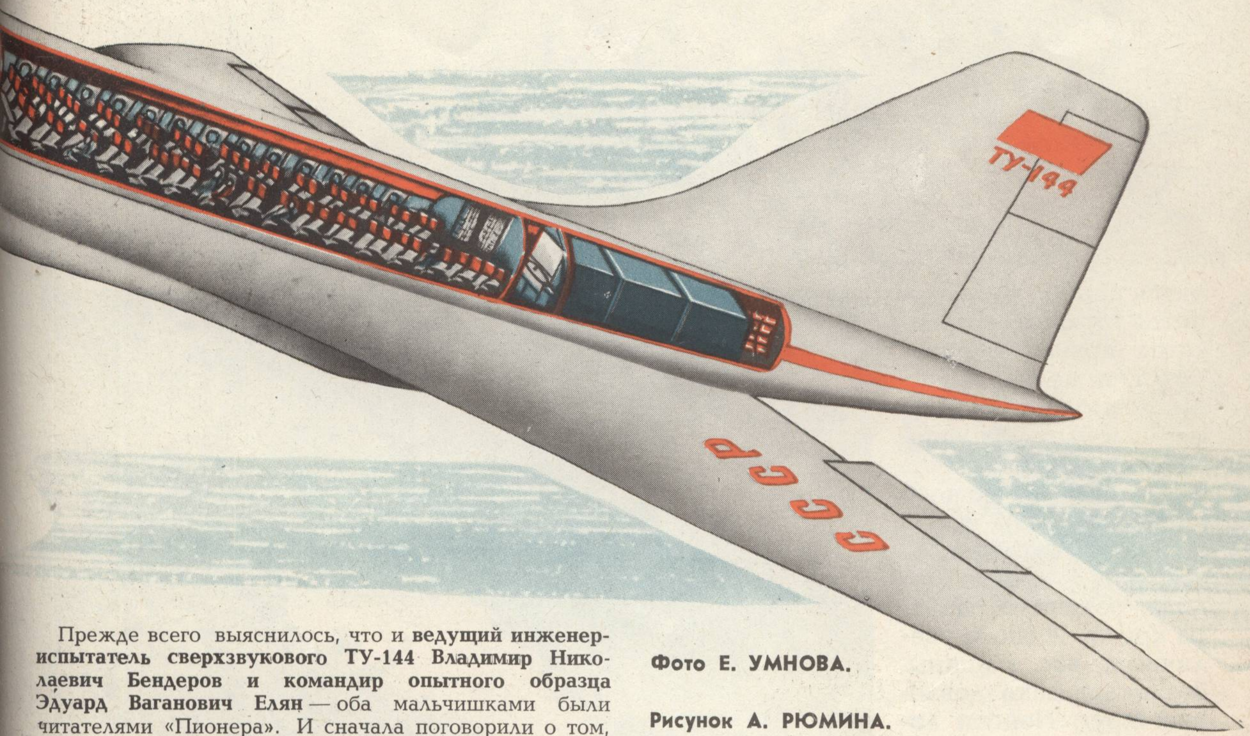

Фото Е. УМНОВА.

Рисунок А. РЮМИНА.

Прежде всего выяснилось, что и **ведущий инженер-испытатель сверхзвукового ТУ-144 Владимир Николаевич Бендеров и командир опытного образца Эдуард Ваганович Елян** — оба мальчишками были читателями «Пионера». И сначала поговорили о том, что было в «Пионере» интересного раньше и что будет интересно ребятам сейчас.

Потом наши гости принялись рассказывать, отвечать на наши вопросы, а мы тщательно записывать их рассказ.

«ПИОНЕР». Зачем нужен такой самолет — пассажирский, сверхзвуковой? Ведь летаем же мы на ТУ и на ИЛах, и прекрасно летаем!

В. Н. БЕНДЕРОВ. И верно, казалось бы, куда лучше! А все-таки очень нужна сверхзвуковая машина. Судите сами, страна наша большая, и миллионы людей ежегодно пересекают ее из конца в конец. Зачем же им тратить девять часов вместо трех? Девять часов — время полета из Москвы в Хабаровск на обычном реактивном самолете, и три — на ТУ-144!

Один из наших гостей, опытный летчик-испытатель Э. В. Елян, на своем рабочем месте. В кожаном костюме, в защитном шлеме с забралом он «обживает» кабину нового самолета. Перед ним — десятки приборов, но не видно главного помощника, ЦВМ,— а ведь ЦВМ возьмет на себя в полете большую часть работы. Что такое ЦВМ? Читай рассказ испытателей.

Кроме того, при полете на высоте 9—11 километров нет-нет да и угодишь в грозу, в облака, в болтанку. А ТУ-144 летит над погодой — на высоте 18—20 километров не бывает облаков.

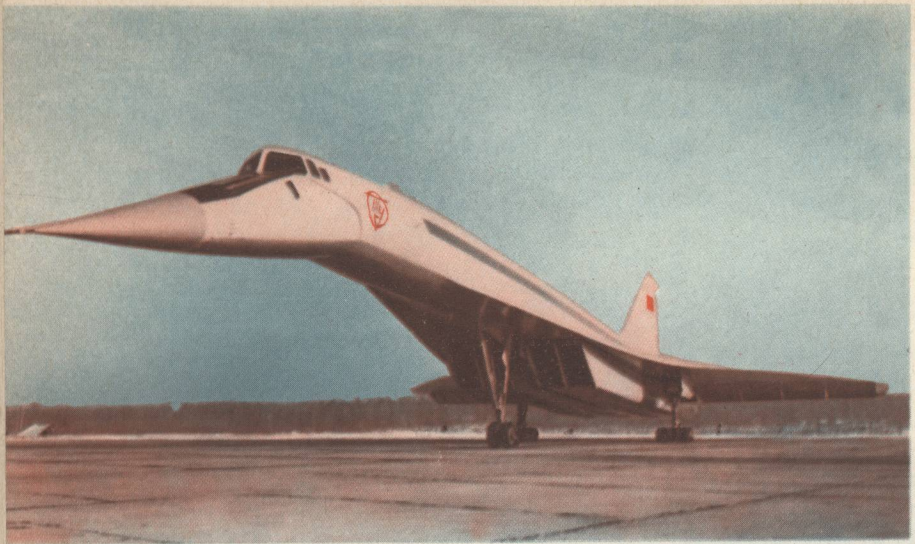
Да и техника не стоит на месте. То, что вчера было немыслимым, завтра становится возможным и прямо-таки необходимым.

Вот почему было принято решение создавать новый самолет. Поручили это опытно-конструкторскому бюро Генерального конструктора Андрея Николаевича Туполева. Ведущим конструктором по этому самолету был назначен Алексей Андреевич Туполев, доктор технических наук, профессор, сын и ученик Андрея Николаевича Туполева.

«ПИОНЕР». Расскажите, как все это было, как рождался новый ТУ. Наверное, многое пришлось делать заново? Ведь таких машин не было еще?

Э. В. ЕЛЯН. Сначала два слова о замысле. Важно понять, в каких трудностях и противоречиях рождается новая машина. Чтобы резко повысить скорость, взять побольше пассажиров и чтобы эта машина была надежной, двигатель нужно сделать необычайно мощным. Но мощный двигатель — это значит больше топлива. Так? Больше топлива — увели-

Небывалая птица готова к первому полету. Все многократно проверено на земле.

«Задание выполнено!» — докладывает экипаж. Первый полет позади, придет время и миллионы пассажиров будут, обгоняя звук, бороздить небо.

чится крыло *(там находится горючее)*. Увеличится крыло, машина будет тяжелее, и тогда, возможно, ей уже не подойдет прежний двигатель. Понадобится новый, мощнее прежнего. А он снова потянет за собой всю цепочку — больше топлива, большего размера крыло. И снова увеличится вес машины. Возникает заколдованный круг. Поиски новых конструктивных решений, стремление создать мощную и вместительную машину оборачиваются на практике излишками веса. А килограмм веса современного самолета стоит очень дорого.

И начинается борьба за уменьшение веса машины. Идут поиски иных, радикальных решений конструкции. А как добиться этого, не приходя в тот же тупик? Как сочетать прочность, надежность—это ведь главное для пассажирского самолета — с легкостью и вместительностью?

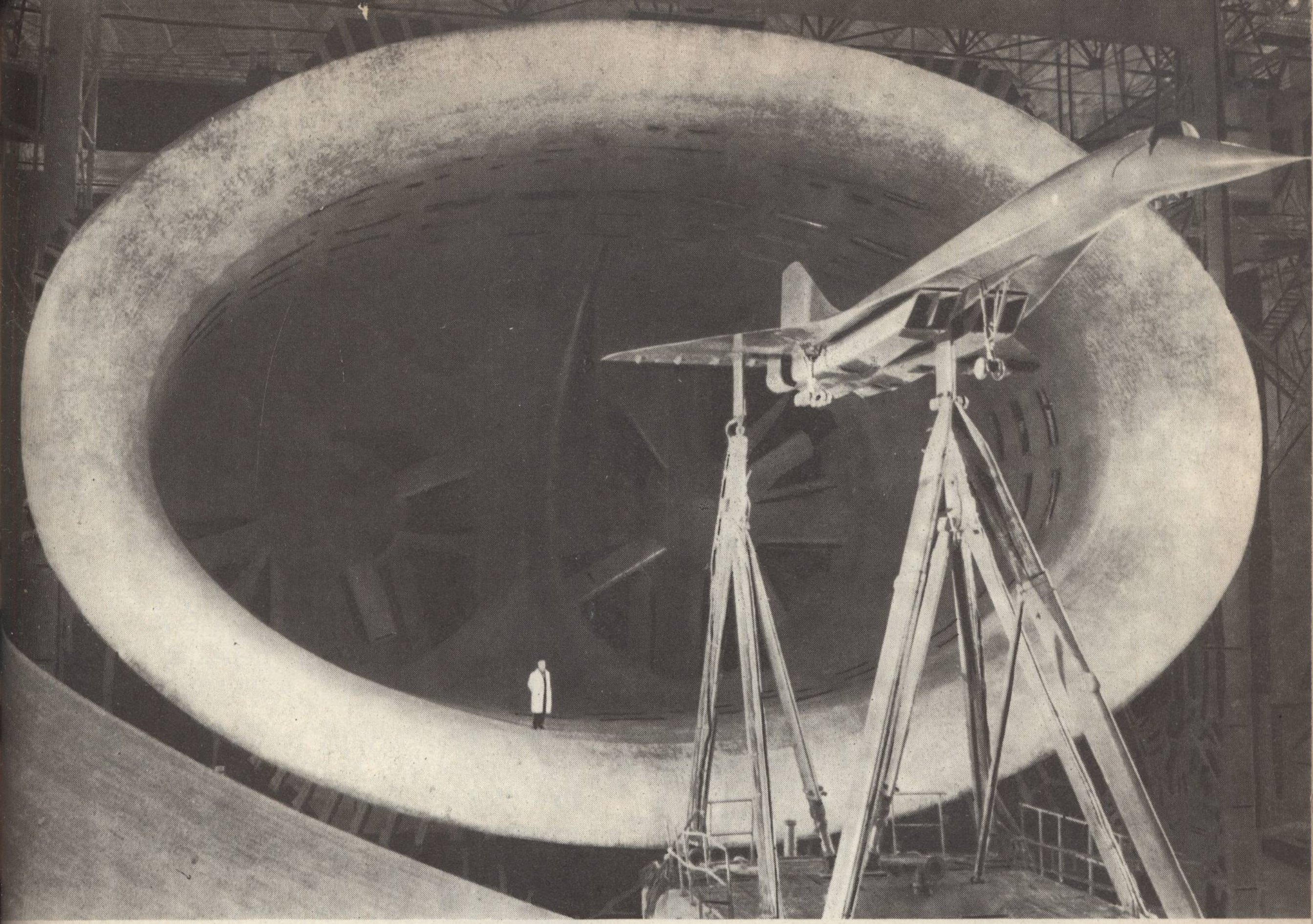
И так всегда. Самым серьезным, самым великолепным по глубине и смелости замыслам приходится вступать в борьбу с реальными возможностями техники. Всегда в чем-то уступать, но так, чтобы ценой минимальных уступок добиться максимальных конструкторских побед.

Некоторые конструкторы лет так десяти-одиннадцати говорят: «Смотрите, какой самолет я построю»,— и показывают свой рисунок. Им кажется — любую мечту можно осуществить. Более опытные ребята лет двенадцати-тринадцати уже иногда сомневаются, удастся ли осуществить все, что рождено фантазией.

Ну, а те, кому приходилось задумывать

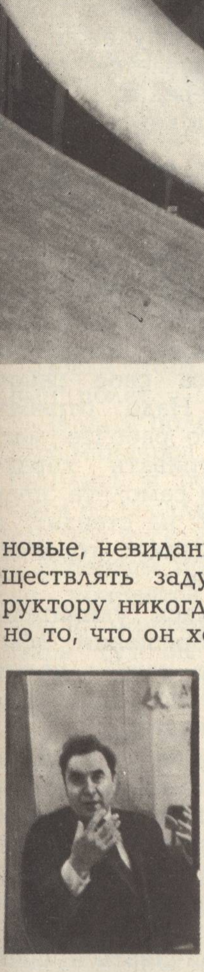
Вот каким небывало сложным должно быть крыло, чтобы нести машину одинаково легко и на сверхзвуковых скоростях и на малых, посадочных.

Продувка модели ТУ-144 в гигантском зеве аэродинамической трубы.

новые, невиданные доселе машины, и осуществлять задуманное, те знают: конструктору никогда не удается создать именно то, что он хотел бы...

В. Н. БЕНДЕРОВ. Так как же создается новый самолет? Что для этого нужно, какие в него вкладываются исходные данные?

Сверхзвуковая скорость — 2 500 километров в час — не могла быть достигнута на основе известных конструкторских схем.

Быстрее девятисот — тысячи километров в час на крейсерской скорости нынешние пассажирские реактивные машины летать не могут. Для них это предел.

Начались длительные поиски. Были построены и «продуты» в аэродинамических трубах десятки моделей, создавались различные схемы. Искали новое аэродинамическое решение, новую конструкцию, новые материалы и систему управления. Обо всем не расскажешь. Давайте посмотрим, как был решен один из важнейших вопросов — конструкция крыла.

Известны разные варианты крылатых машин: бипланы с двумя крыльями, монопланы с одним крылом, самолеты со стреловидным крылом, как у ТУ-104, с треугольным, как у истребителей, и т. д.

Какое крыло годится для сверхзвуковой пассажирской машины?

После долгих исследований остановились на самолете с треугольным крылом.

Итак, одно треугольное крыло — стрела, но стреловидность его переменна. В передней части крыла стреловидность больше, у задней меньше.

Такое крыло называется крылом двойной стреловидности.

Стабилизатора у машины нет — принята схема «бесхвостка». Это значит, что крыло самолета будет не только нести машину в воздухе, но и управлять полетом.

В задней части крыла с каждой его стороны расположены по четыре управляемые секции — элевоны. Во время полета они работают в воздушном потоке, отклоняясь вверх или вниз. Это одновременно и элероны, и рули высоты.

Крыло поражает своей сложной кривизной, особенно в срединной части. Оно не плоское, и, если посмотреть спереди, ви-

дишь, как оно закручено. Передняя кромка — острая. Это та единственная форма, при которой крыло наконец-то смогло удовлетворить таким небывалым требованиям:

оказывать наименьшее сопротивление воздушному потоку,

обладать максимальной подъемной силой,

одинаково легко нести самолет и на скоростях, обгоняющих звук, и на малых скоростях взлета и посадки.

Посмотрите на снимок: словно огромная птица перед взлетом выгнула свои сильные и послушные крылья.

Чтобы уменьшить лобовое сопротивление самолета, его поверхность выполнена идеально гладкой. Панели, из которых собран самолет, тщательно шлифуются и идеально стыкуются друг с другом. Фрезеруется и закрашивается самая малейшая складочка.

Те, кто видел машину в полете, заметили, наверное, как, взлетая, огромная птица поднимает, а собираясь сесть, опускает свою умную голову. Так пилотам лучше видно — лучше обзор.

Вот как был задуман небесный скороход. Таким он был в планах и чертежах создателей.

«ПИОНЕР». Все знают, что самолет испытывают летчики-испытатели. Но ведь прежде чем доверить жизнь человека новой машине, надо уже как-то испытать ее?

В. Н. БЕНДЕРОВ. Да, новому самолету предстоит проверка на земле, и не одна, а целая серия. Сначала строится макет. Первый макет машины строится сразу после того, как закончена работа над проектом. Строится точно по чертежам, в натуральную величину — 60 метров длины,— но из фанеры. Каждая деталь на своем месте, в салонах все 120 кресел, в кабине все приборы, рычаги и тумблеры. Конструкторам очень важно увидеть свое детище в натуре, а не в чертеже.

Специальная комиссия внимательно осматривает каждую пядь фанерного макета и решает, надо ли что-нибудь добавить или изменить.

После этого можно браться за рабочие чертежи. По ним строится первый опытный экземпляр самолета. И одновременно обязательно сооружается другой, такой же точно самолет. Он никогда не полетит. Это экземпляр для статических испытаний. Его будут разрушать, на него взвалят нагрузки значительно больше тех, которые ждут машину в полете.

Потом построят третий экземпляр — для испытаний на повторные нагрузки. И эта машина не полетит, ее задача — вынести все испытания на прочность и выносливость. Срок ее жизни решит, долговечен ли будущий лайнер.

Ее испытывают, предвидя все возможные нагрузки.

Одновременно идут испытания двигателя, на специальном стенде отрабатывается управление.

Постепенно приближаются летные испытания. Но еще некоторое время самолет бегает по земле, выполняет рулежки и пробежки. Скорость увеличивается, самолет начинает поднимать переднюю ногу,— если все в порядке, выполняется первый полет.

«ПИОНЕР». Эдуард Ваганович, когда летчик-испытатель включается в работу конструкторского бюро?

Э. В. ЕЛЯН. Экипаж самолета все время участвует в его создании. Ведь мы несем ответственность за свое рабочее место. Надо отрабатывать это рабочее место, просматривать характеристики самолета, проверять их на стендах, давать оценку: годится — не годится, хуже — лучше.

Новая машина оказалась удивительно послушной, легкой в обращении. Мы в этом убедились с самого начала испытаний, и вот об одном из секретов этой легкости я и хочу вам рассказать.

На самом-то деле какая уж там легкость — тяжелая, многотонная громадина. Человек физически не может управлять такой машиной, полагаясь только на силу своих рук. Ведь даже за рулем тяжелого самосвала водитель выдохнется уже через час, если его мышечные усилия не будут многократно увеличиваться специальными устройствами.

Тем более — на ТУ-144. В сверхзвуковом полете на рулевые поверхности машины приходятся такие гигантские нагрузки, что пришлось поставить в помощь летчику целую систему усилителей-бустеров. «Бустер» по-английски и означает «помощник».

Пилот делает движение штурвалом управления, и бустера передают на рулевые поверхности это движение, в сотни раз усиливая его.

Повинуясь такому мощному приказу,

элевоны — плоскости в задней части крыла, или рули направления — способны сопротивляться давлению воздушного потока, отклоняясь в заданном направлении.

Для надежности работа бустеров дублируется. Если откажет одна система — полет не прекратится. Полет продолжается даже при двух отказах. Вот почему летчик-испытатель может сказать: «Машина удивительно послушна».

Но я понимаю, что вам хочется узнать, как прошли первые испытательные полеты.

Прежде чем поднять самолет в воздух, надо побегать по земле, проверить все системы.

Надо проверить работу тормозов. Бетонная полоса не полированная поверхность, на ней есть неровности. Как их почувствует самолет?

Испытываемый самолет бегает по земле все быстрее и быстрее. Тем временем мы смотрим, как слушается машина руля.

На ТУ-144 мы бегали необычно мало, потому что все было сделано очень точно. На земле самолет оказался устойчивым, мягким, с отличной амортизацией.

Делаем заключение: самолет отвечает поставленным требованиям и может летать.

После этого дается разрешение на первый полет.

Первый полет не включает особо сложных маневров. Задача такая: взлететь, определить в полете, как машина должна идти на посадку, и произвести эту посадку.

В первом полете никогда не убирается шасси. Это закон, принятый во всем мире. Тут вы работаете в основном только с управлением и с двигателями. После такого полета начинается тщательный анализ того, как вела себя машина в воздухе.

Этому анализу помогает богатый материал, полученный с помощью большого количества контрольно-записывающей аппаратуры и радиотелеметрической системы измерений.

Постепенно задания в полетах усложняются. В испытания включается еще несколько машин, и у каждой — своя задача. Если бы все проверки делались на одном самолете, на это ушло бы много лет. А на пяти-шести машинах мы успеваем все испытать гораздо быстрее.

Генеральный конструктор Андрей Николаевич Туполев и ведущий конструктор самолета ТУ-144 Алексей Андреевич Туполев.

Алексей Андреевич Туполев, ведущий конструктор ТУ-144, беседует с теми, кто испытывал машину на земле и в воздухе.

«ПИОНЕР». Расскажите, какой экипаж будет на новой машине. Как он будет работать? Видимо, на людей лягут огромные нагрузки?

Э. В. ЕЛЯН. В экипаже ТУ-144 два пилота и бортинженер. На опытном самолете еще и ведущий инженер. Штурмана и радиста теперь не будет. На сверхзвуковых скоростях невозможно работать при помощи счетной линейки. Штурман просто не будет успевать делать то, что делал раньше: вычислять силу ветра, угол сноса, расстояние и т. д.

Было принято решение: поручить штурманскую работу ЦВМ — центральной вычислительной машине. По существу, это маленький вычислительный центр.

Он принимает сигналы о скорости, высоте, силе ветра и выполняет все штурманские расчеты. Летчик же получает от ЦВМ уже готовую информацию.

К примеру, в полете по маршруту Москва—Хабаровск или Москва—Дели кому-нибудь из пассажиров стало плохо. Нужно немедленно садиться. Вычислительный центр в любой момент полета готов решить и эту задачу — подсказать наикратчайший путь до нужного пункта и сделать посадку.

ЦВМ помогает нам и, можно сказать, меняет характер нашей работы. Штурвальный вид вождения самолета, когда летчик прикован к баранке, сведен до минимума. Большая часть полета осуществляется автоматически. Летчик же должен быть в любую минуту готов к резкому изменению условий полета, готов принять необходимое решение. Вот почему пилоту сейчас нельзя без квалификации инженера — автоматику надо знать и уметь с ней работать...

Что же касается радиста, то его аппаратура стала теперь такой миниатюрной и надежной в работе, что нет необходимости в специальном члене экипажа.

В полете на таких скоростях нагрузка на каждого достаточно велика и ответственна. Внезапная болезнь одного человека может осложнить работу экипажа. Поэтому и летят трое: летчик, его дублер и инженер. В нашем экипаже опытного самолета четыре человека. Вторым летчиком-испытателем является Герой Советского Союза Михаил Васильевич Козлов. В кресле бортинженера Юрий Трофимович Селиверстов.

...Встреча подходит к концу. Сто вопросов так мы и не задали, но узнали очень много интересного. Мы благодарим наших гостей.

СЧАСТЛИВЫХ ВАМ ПОЛЕТОВ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Георги СТРУМСКИ

Мужчина и мальчик

Мужчина
учит жизни малыша.
Мужчина мальчика ведет за руку.
Они идут по свету не спеша,
два человека,
нужные друг другу.

Вы столько раз
их на пути встречали.
Малыш и взрослый —
словно два звена
одной надежды
и одной печали,
и тема разговора так важна!

Они идут,
разглядывая травы,
их цель лежит
далеко-далеко.
Их путь не ради шутки и забавы —
понять друг друга,
право, нелегко.

Беседуют внимательно и чинно,
на дерево,
на бабочку глядят.
Два человека — мальчик
и мужчина —
с достоинством о чем-то говорят.

Они глядят
на небо и на землю,
для них, как книга,
каждый новый куст,
и есть ли что
важнее их веселья
и есть ли что
надежней этих чувств!

Вращается земля
под их ногами.
Шумит над ними
голубой простор.
Их путь далек.
Годами и веками
они никак не кончат
разговор.

Рисунок В. НЕКЛЮДОВА.

Атанас СТОЯНОВ

Ветры

Чем пахнут шальные ветра,
когда из далеких скитаний
вернутся в родные места?
Чем пахнут? — Конечно, цветами.

О чем они шепчут, ветра?
О том, чтобы сны не нарушить,
чтоб дети могли до утра
во сне колыбельную слушать.

Куда улетают они?
Наверно, к морям-океанам,
где в гаванях спят корабли
в тоске по неведомым странам.

А где обитают ветра?
На Старой горе их хоромы,
в которых века и века
хранятся тайфуны и громы.

А где же играют ветра?
Они, поднимаясь на кручу,
пускают бог знает куда,
как змея воздушного, тучу.

Они автострады метут,
приносят дожди с небосвода
и песни по свету несут,
а это — большая работа!

Иван ДАВЫДКОВ

Память

В детстве, что живет во мне,
словно блеск снегов во сне,
бескорыстно я любил,
чтобы поезд ранним утром
пролетал и звонким гулом
ото сна меня будил.

Вижу, вижу, он летит
из глубокого ущелья,
задыхается, блестит,
дымом обдает деревья.

День блестящий, как река,
приближается по рельсам.
Целый мир лежит за лесом,
но дорога далека.

Шпалы стонут. Роща спит.
Пустота.... Огни... Дорога...
А моя мечта летит
вдаль от милого порога.

Безбилетница она,
не желает постоянства —
все стояла б у окна
да глядела бы в пространство.

Звезды. Рельсы. Города.
Расставания. Просторы.
Я любил вас, поезда!
Я любил вас, семафоры!

Набегающий гудок
дальним эхом прокатился.
Остывающий дымок
в темной роще растворился.

Шум колес и рельсов стон
улетел с печальным эхом...
Выхожу я на балкон —
никуда я не уехал.

К черной кромке дальних гор
солнце, словно мальчик, мчится.
За последний за вагон
ухитрилось прицепиться.

Перевел
Станислав **КУНЯЕВ.**

Л. ПОДВОЙСКИЙ

ПИОНЕРСКИЕ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Первый парад

Зной стоял над Красной площадью густой, как туман. Раскаленные булыжники мостовой обжигали пятки. На свой первый пионерский парад 23 мая 1924 года многие ребята пришли босиком: с обувью в ту пору было туговато.

По Тверской через Иверские ворота (их давно уже нет и в помине), с Лубянки и Замоскворечья выходили на Красную площадь пионерские колонны, всего шесть — по числу тогдашних районов столицы.

То ли Сокольники, то ли Хамовники —
Издали не видно, пыль только идет... —

звучало с одной стороны. С другой гремело:

С веселым другом барабаном,
С огнем большевистским в груди...

Друзья-барабаны выбивали оглушительную дробь. Трубили горны, пугая извозчичьих лошадей.

В тот день в Кремле открывался XIII съезд партии большевиков. Первый съезд после смерти Ленина. «Ленин умер—жив ленинизм»—висели повсюду плакаты.

Комсомольцы-вожатые говорили, что парад будут принимать делегаты съезда партии.

— Вот это, да! Ради нас съезд прервет свою работу! Здорово, факт! — толкал меня в бок долговязый друг мой Женька Трусевич.

Наш 15-й отряд Хамовников встал против Ленинского мавзолея — тогда еще деревянного. Ребята нетерпеливо поглядывали на часы Спасской башни.

* «Пионерские были» Л. Подвойского, сына видного деятеля Октябрьской революции Николая Ильича Подвойского, наш журнал печатал в № 5 за 1952 год и № 9 за 1962 год. В этом номере автор возвращается к своим пионерским воспоминаниям.

БЫЛИ

Поднявшись на цыпочках, я посмотрел поверх голов.

— Ого, Женька, а нас много!

Еще бы! На площади собралось десять тысяч ребят. Все пионеры Москвы!

— Идут! Идут! — полетело вдруг по отрядам.

Мы выровняли строй и замерли.

Ленинская гвардия — делегаты XIII съезда встали по обе стороны мавзолея.

Президиум съезда обходил пионерские ряды. Знаменитые революционеры здоровались и дружески разговаривали с ребятами. С мягкой, доброй улыбкой подошел к нам Калиныч — так ласково называли в народе Михаила Ивановича Калинина, за ним— всеукраинский староста Петровский и старый товарищ Владимира Ильича седой Миха Цхакая.

Прошли Дзержинский и Орджоникидзе, герои гражданской войны Фрунзе, Ворошилов, Буденный... Скромно, после других, подходила к ребятам Надежда Константиновна Крупская.

Руководители съезда поднялись на трибуну мавзолея. Секретарь ЦК комсомола Васютин торжественно объявил о присвоении пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина. Делегаты и почетные гости съезда стали нас поздравлять. Запомнилось мне выступление Клары Цеткин. Она говорила по-немецки, и ее речь сразу же переводили.

— Всегда оставайтесь примером для всего мира и неизменно отвечайте на возглас «Будьте готовы!»...

—...Всегда готовы!!! Ура Кларе Цеткин! — грянула площадь.

Никогда раньше не слышал я такого могучего дружного хора. Будто гром раскатился по ясному летнему небу.

Вслед за Кларой Цеткин выступил старейший коммунист Феликс Кон.

— Товарищи,— сказал он,— мне, как одному из старших, поручили привести вас к торжественному обещанию. Повторяйте за мной: «Я, юный пионер СССР... перед лицом своих товарищей... торжественно обещаю... что буду твердо стоять... за дело рабочего класса... в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира... буду честно и неуклонно выполнять... законы и обычаи юных пионеров и заветы Ильича...»

Тысячи взволнованных ребячьих голосов произносили слова пионерской клятвы. Им вторило гулкое эхо, и казалось, за кремлевской стеной, за зданием ГУМа вместе с нами клянутся великаны.

Потом раздалась команда к торжественному маршу.

Поотрядно, приспуская знамена у мавзолея, мы, теперь уже не просто пионеры, а юные ленинцы, прошли через Красную площадь.

Костры Ильича

Пионерская комната у нас была в подвале. И днем и вечером под потолком горели лампочки. Но мы гордились своим клубом и ко дню рождения Ленина в 1925 году решили зажечь в нем электрический «вечный костер».

— Владимиру Ильичу при жизни ни на одном пионерском костре не пришлось побывать,— сказала со вздохом отрядная «поэтесса» Тося Петрова, худенькая, носатая девочка.

— Интересно бы знать отношение Ленина к кострам с марксистской точки зрения,— важно вставил бритоголовый Додька. Он у нас слыл оратором.

— Конечно, хорошее! — воскликнула Тося.— Ленин, как и Маркс, любил борьбу, красный цвет и огонь. Значит, и костры тоже.

— Но бывал ли Владимир Ильич на каких-нибудь кострах? Вот в чем вопрос! — настаивал Додька.

— Да. Бывал. И не раз! — вмешался я.

— Откуда ты знаешь, Левка? — набросились на меня ребята.

Я рассказал, что однажды ходил с отцом в гости к Василию Васильевичу Старкову — близкому другу

Ленина по Петербургскому Союзу борьбы и сибирской ссылке — и тот вспоминал, как в 1897 году Ленин, Кржижановский и он плыли на пароходе из Красноярска в Минусинск — к месту ссылки.

Шесть суток шел «Святой Николай» вверх по своенравному Енисею. В первую же ночь — это было как раз перед 1 Мая — пароход встал на якорь. Бакенов на реке не было, и капитан боялся плыть в темноте мимо порогов и мелей. Все пассажиры высыпали на берег и развели костры...

После долгой разлуки Василий Васильевич и Глеб Максимилианович не могли наговориться с Лениным. Они пели ему у костра «Варшавянку», сочиненную Кржижановским в московской тюрьме, вспоминали борьбу с жандармами в Петербурге, оставшихся на воле товарищей. Говорили и про Енисей.

— Енисей красивее Волги, недаром Чехов писал, что он в своей жизни не видел реки величественней Енисея,— поддразнивал Василий Васильевич друзей-волжан.

Кржижановский сердился, но, как инженер, признавал, что энергетические ресурсы Енисея больше, чем у Волги.

— Использовать бы эту энергию для освоения Сибири! — восклицал он.

— Правильно, Глебася! — поддерживал друга Владимир Ильич.— Удивительно богатый край — и какая дикая отсталость: лучины, самопряды, сохи...

Ребята слушали мой рассказ, не переводя дыхания. Все было для них новым и необыкновенным. Ведь при жизни Владимир Ильич ни под каким видом не разрешал печатать о себе воспоминания.

— Эх, записать бы рассказы тех, кто сидел с Лениным у костров! — размечтались ребята.

И мне тогда поручили организовать встречу со старыми большевиками в санатории «Чайка», где лечилась моя мама. Там же лечился и секретарь ВЦИКа Алексей Семенович Киселев — бывший иваново-вознесенский рабочий. Мы с ним как-то незаметно подружились и часто ходили вдвоем на лыжах по лесу. Он сказал мне, что в санатории сейчас Анна Ильинична Елизарова — старшая сестра Ленина, а к ней по субботам приезжают друзья. И мы можем, пожалуй, их повидать.

— Будете готовы к субботе?

— Всегда готовы! — ответил я в ту же секунду.

— Значит, решено!

С ребятами мы сговорились идти в «Чайку» на лыжах. Была уже середина марта. Днем подтаивало, но к вечеру по насту лыжи скользили отлично. По записке отца нашему звену выдали на базе инвентарь, как настоящим гонщикам. На зависть деревенским ребятишкам, съезжавшим с гор на досках, привязанных к валенкам, мы лихо катили по пригоркам, ложбинам мимо дачных поселков и деревушек.

У санатория «Чайка» стоял закрытый черный автомобиль.

— На этой машине ездит Надежда Константиновна! — шепнул я ребятам, пока мы снимали лыжи и отряхивали с пьексов снег.

— Нет, Надежда Константиновна прихварывает, не приехала сегодня,— сказал вышедший на крыльцо Киселев. Он позвал нас всех в столовую.

Там на круглом обеденном столе, покрытом клеенкой, уютно кипел самовар. Полная седая женщина с ласковым улыбчивым лицом разливала чай. То была близкая подруга Надежды Константиновны, одна из самых старых большевичек — Зинаида Павловна Кржижановская-Невзорова. Рядом с ней сидела за столом Анна Ильинична. По комнате, помешивая ложечкой чай в стакане, прохаживался член ВЦИКа Александр Васильевич Шотман. Отец рассказывал, что до революции Шотман был рабочим. В конце лета 1917 года по заданию ЦК партии он переправлял Владимира Ильича из Разлива в Финляндию.

— Проходите, товарищи пионеры, садитесь. Будем чаи гонять,— пригласила Зинаида Павловна.

— Что ли мы чай прибыли пить?! Нам серьезными делами заниматься надо! — неожиданно выпалил Додька.

Мы остолбенели. Тося покраснела, а горнист Ленька Лукомский в отчаянии пихнул Додьку под столом ногой.

— Вот как,— рассмеялась Анна Ильинична.— А знаешь, когда большевики до революции собирались для серьезных политических бесед, они почти всегда устраивали или «чаепития» или «блины». Так, Зиночка? — обратилась она к соседке.

Зинаида Павловна кивнула головой. Завязался разговор.

Много нового узнали мы в тот вечер.

— Мальчиком Володя очень любил костры,— рассказывала Анна Ильинична,— бегал на Волгу к кострам бурлаков, на хуторе Кокушкино под Казанью ездил с деревенскими в ночное.

Александр Васильевич Шотман заметил, что он сидел вместе с Лениным у костра в Разливе.

— Ох, как я ругал себя, что не записывал тогда бесед с Владимиром Ильичем!—признался Шотман.— Ленин в те дни много говорил о том, как будет развиваться революция в России. Диву даешься, как точно он все предвидел...

Хотели мы расспросить и Зинаиду Павловну, но она наотрез отказалась рассказывать.

— Поздно, ребятки, дома о вас беспокоятся. Да и товарищ Гиль заждался. Как-нибудь в другой раз.

К нашему удивлению, старые большевики специально, чтобы мы не шли по лесу в темноте, задержали машину.

Пока мы сидели в столовой и пили чай, шофер Степан Казимирович Гиль привязал наши лыжи к верху машины.

— Когда мы с Владимиром Ильичем ездили зимой на охоту,— сказал он,— лыжи так возили.

— Владимир Ильич на охоте тоже у костров сидел? — не преминул полюбопытствовать Додька.

— Конечно. Какая же охота без костров? Зимой холодно, летом комары заедят. Спросите у товарища Крыленко, как Владимир Ильич смеялся у костра над охотничьими небылицами...

К 55-летию со дня рождения Ленина мы зажгли в пионерской комнате «вечный костер» и положили в звеньевом уголке дневник с записями рассказов старых большевиков. Дневник назывался «Владимир Ильич у костров». Его прочла наша почетная пионерка Елена Дмитриевна Стасова.

— А вот о главном ленинском костре вы почему-

то ничего в дневнике не написали,— сказала она нам.

Какой же это главный ленинский костер?

Больше двух лет мы искали его. Ходили в походы по ленинским местам Подмосковья, которые нам указал Гиль. Были в Болшеве, в совхозе «Лесные поляны», куда Владимир Ильич приезжал к Бонч-Бруевичу. В деревне Костино, где некоторое время жил Ленин, осмотрели знаменитую болшевскую коммуну правонарушителей, изображенную в кинофильме «Путевка в жизнь». Ездили в деревню Кашино, где зажглись первые лампочки Ильича.

Летом 1925 года я с отцом и старшей сестрой комсомолкой Олесей плавал по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани и обратно. Вниз по реке шли бесконечные плоты. Вверх по Волге маленькие пыхтящие буксиры тянули тяжелые баржи. Пароходы ходили тогда медленно и подолгу стояли на пристанях. Мы могли часами бродить по торговой Казани и пыльной Самаре. Казалось, они остались такими же, какими были до революции.

— Смотрите, дети, всюду новое борется со старым и побеждает,— говорил нам отец.

В Казанский университет, откуда по приказу властей был исключен Ленин, шли учиться рабочие парни с рабфака. В купеческих особняках открывались детские сады и ясли. Из деревни Алакаевки под Самарой, где жил на хуторе Владимир Ильич, прибыл в город красный обоз с хлебом. На головном возу ветер надувал кумачовый плакат: «Смычка города с деревней».

В деревянном Симбирске, только что переименованном в Ульяновск, местные партийцы повезли нас на чуть ли не единственном в городе легковом автомобиле к домику, где провел детские годы Ленин.

— Будем открывать здесь музей,— обещали они.

Тогда нигде еще не было музеев и памятников Владимиру Ильичу. Не было их и в Ленинграде, куда я попал зимой 1926 года с комсомольским поездом москвичей, ехавших на Волховстрой, первую гидростанцию, строившуюся по ленинскому плану ГОЭЛРО.

Только в Сибири, на месте ссылки Ленина, мне не пришлось побывать в те годы. Уж очень долго было туда добираться: больше двух недель.

В середине двадцатых годов нас с сестрой Олесей временно поселили в тесной комнатке деревянного флигеля во дворе Института Ленина. Там тогда работала наша мама.

Рядом с нами жила сотрудница института Мария Игнатьевна Гляссер. К этой маленькой, горбатой, тихой женщине, которая в первые годы Советской власти работала секретарем-стенографисткой у Ленина, наши родители относились с большим уважением.

Застенчивую Марию Игнатьевну почти невозможно было вызвать на воспоминания, и, только привыкнув ко мне, она рассказала, что один раз застала Владимира Ильича в кабинете у карты мира. Он стоял у карты и вполголоса напевал: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...»

— Так вот о каком главном ленинском костре говорила нам Елена Дмитриевна! — сразу подумал я и бросился со всех ног к ребятам.

Дождливым летом

Лето двадцать восьмого года выдалось дождливым. Нам, нескольким начинающим вожатым, трудновато было в лагере каждый день поднимать настроение шестидесяти пионеров. Все, чему нас обучали перед выездом, относилось, как правило, к хорошей погоде.

Особенно плохо было с кострами, которые тогда разжигали в лагерях каждый вечер. На кострах мы вели самые главные разговоры, пели песни, устраивали выпуски живой газеты. Дождь портил все.

Накрапывало и 15 августа, когда «Пионерская правда» вышла со статьей Н. К. Крупской.

— Будет наконец костер сегодня или не будет? — в упор спросил на совете Андрей Енютин.

— Костер будет при любой погоде! — решительно объявил я.

Андрей удовлетворенно мотнул стриженой головой. Он был ярым сторонником суровой военной закалки и даже внешне хотел походить на красноармейца.

Четко, будто рапорт, читал Андрюша на костре статью Надежды Константиновны. Крупская призывала пионеров к борьбе.

«...Вы уже, ребята, не малыши, не слепые,— писала она, отвечая на многочисленные вопросы ребят.— Вы живете не под колпаком, а жизнь не по рельсам катится кругом, много в ней еще плохого: безграмотности, пьянства, угнетения женщин. Богатые притесняют бедных, сильные слабых, люди не помогают друг другу, не организованы, верят в бога и чертей и т. д. Вы не слепые, а думаете, что мне интереснее знать, сколько пьес вы разучили, сколько экскурсий сделали, сколько бесед провели, чем то, что вы заметили в окружающей жизни, что вас волнует, **что вы делаете для того, чтобы жизнь изменить к лучшему.**

...Вы не бары, вы — дети трудового народа, вы — ленинцы, пионеры и не к лицу вам подражать барчатам. Вы — подростки, а подростки уже много могут сделать, чтобы сообща работать над улучшением жизни».

В тот вечер на костре мы не пели песен. Мы составляли план общественно полезных дел. Главным в этих делах была помощь беднякам соседней деревни Дунино.

Скоро там открылись детские ясли «Дунины сосунки». В саду под яблонями пионерки-«мамаши» утирали носы малышам, пока их настоящие мамы работали в поле. Ну, а мальчишки, те быстро научились орудовать вилами и граблями не хуже своих деревенских приятелей.

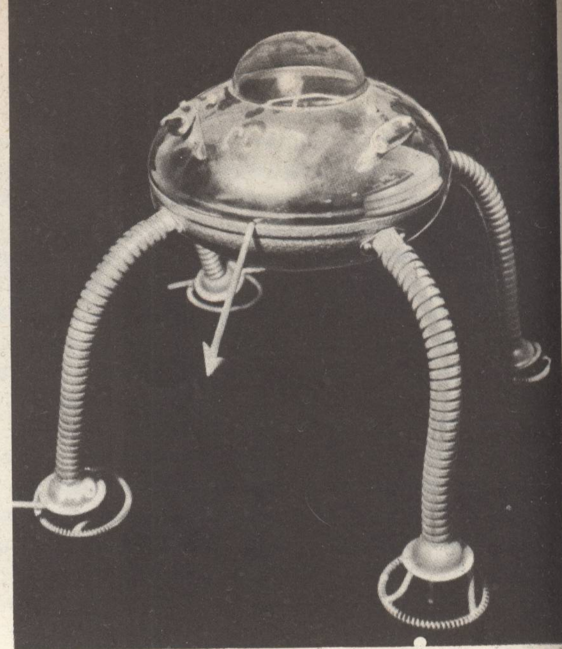
«Наперекор стихии и богам уберем хлеб беднякам назло мироедам-кулакам!» — под такой шапкой выпустил стенгазету «Красный галстук» редактор Гога Стуруа.

И хотя дожди здорово мешали нам на уборке урожая, настроение у ребят было боевое. Работа спорилась.

А. ПАНТЮШИН

Фото В. МИТЬКОВСКОГО.

Как помог Леонардо да Винчи

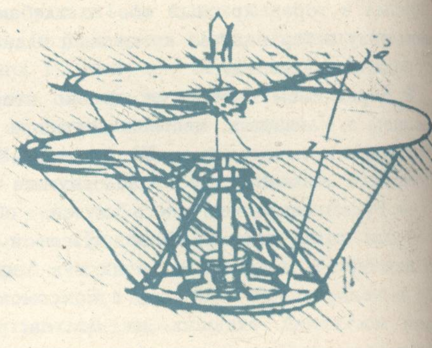

Крабоход ребята придумали сами. Без него не обойтись при высадке на Луну или Венеру.

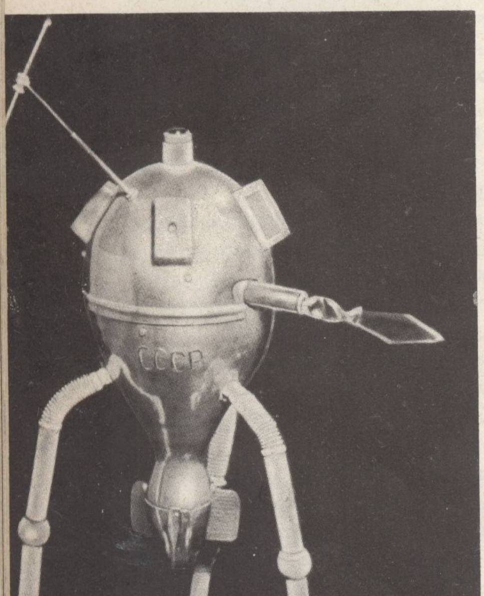
Словно на фантастическом космодроме, стоят перед нами звездные корабли... Впрочем, здесь не только плоды фантазии. Сразу узнаешь знаменитую «Луну-13» с ее лепестками, да и «Венера-4», такая глазастая от обилия датчиков, похожа на ту, настоящую, что прикоснулась-таки к планете загадок.

Зато планетоход на мягких лапах весь целиком родился в воображении московских ребят-конструкторов.

Ракета Циолковского воссоздана по схемам Константина Эдуардовича. Точно так же — по схемам и фотографиям — сделали ребята жидкостно-реактивный двигатель Цандера,

А это рисунок Леонардо да Винчи. Так он представлял себе летательный аппарат.

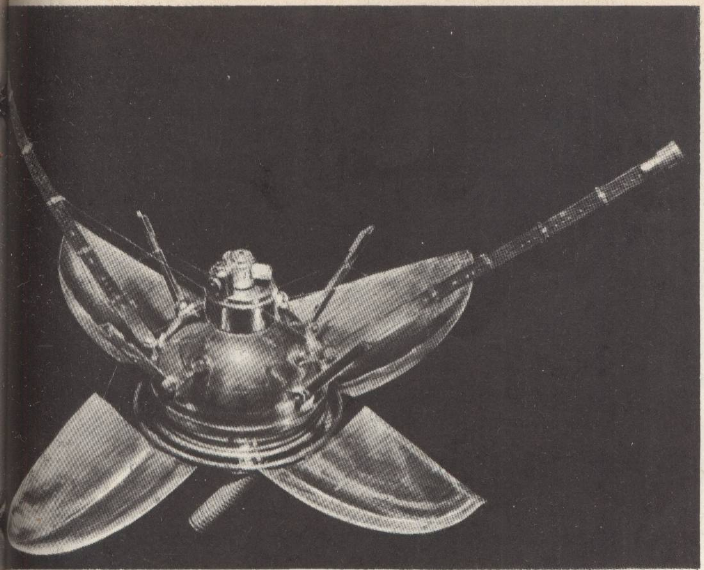
Ракета Циолковского. Она начинает космический парад.

сердце советских ракет тридцатых годов. Так начинается парад моделей звездных кораблей, созданных руками ребят-конструкторов из клуба «Орленок» при МГУ.

Вот уже пять лет они стараются шагать в ногу с космическим веком. Иногда, правда, приходится туго — никак не поспевают. Легко ли было им, когда в начале этого года сразу ушли в большой космос и «Союз-4», и «Союз-5», и «Венера-5», и «Венера-6»! Но ничего, наверстывают. Стыковку они даже еще раньше показывали на ВДНХ, теперь дело за моделью с космонавтом-монтажником.

Модели у ребят получаются похожие, красивые, отлично сработанные — это все признали. Не одну медаль на ВДНХ получили и за границу посылали свои работы.

Но тут важно другое, то, чего вы не видите на снимках. Все модели у ребят «живут» — движутся, сигналят, вращаются и топают по столу туда, куда захотят конструкторы. Крабоход мягко ступает, как бы примериваясь к неровной неземной поверхности, и бросает вперед мощный сноп света из двух прожекторов. На «Венере-4» вращается телекамера, укрепленная наверху, и разноцветно перемигиваются датчи-

«Луна-13» получилась совсем как настоящая — четыре подвижные лепестка, две телекамеры, штыревые зеркала.

А это две «Венеры»: известная всем «Венера-4» и фантастическая «Венера-10». В куполе станции — «космонавт».

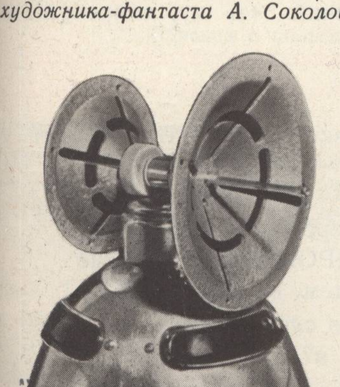

ки. Мягко кружатся локаторы станции связи «Земля — Луна»...

Тут ребятам приходилось додумывать самим. Как оживить модели? Рассказывая об этом, кружковцы вспоминают историю с «Луной-13». Никак, ну никак не могли заставить лепестки равномерно двигаться. Все, что под рукой было — книги, журналы,— перерыли, и ничего. И тогда отрядили старосту в Ленинскую библиотеку. Возвратился он радостный. Нашел... у Леонардо да Винчи! Нашел совсем простую систему блоков. Так помог ребятам великий Леонардо, мечтавший научить человека летать.

На выставках ребята показывали не только звездные корабли. Володя Бурцев, Володя Соколов и Алеша Янов управляют роботом тоже собственного производства.

Это модель лунной станции связи. Локаторы все время в движении: отыскивают в пространстве сигналы с Земли. Сделали модель по рисунку художника-фантаста А. Соколова.

Януш КОРЧАК

ДРАКИ

ИЗ СЕРИИ «ШУТОЧНАЯ ПЕДАГОГИКА»

«Шуточной педагогикой» называл свои беседы по радио «старый доктор», польский писатель и педагог Януш Корчак.

Ты, милый мой, не зловредный, не скандалист. Ты вспыльчивый. По правде говоря, я тоже... До сих пор веду борьбу со своей несдержанностью... И сам себе придумал наказание: если повздорю с кем, три раза обязан на трамвае объездить всю Варшаву. Или же полдня не имею права курить.

Не спорю, в порыве злости можно сделать много хорошего, и тогда вспыльчивость — достоинство. Например, в гневе стиснешь зубы и... черт побери, берешься за учение...

Однажды приходит ко мне женщина. С нею три сына. Парни один к одному. Но что это? У одного шишка на лбу, у другого подбит глаз, а третий и вовсе синяк на синяке... Мать руки заламывает: «Спасайте, психолог!»

Спрашиваю: «Сколько раз в неделю деретесь?» Не знают, не считали.

Ошибка! Считать надо обязательно, считать и засчитывать очки! Небольшая драка — одно очко, средняя — два очка, отчаянная — три. Сколько раз вам надо подраться от воскресенья до воскресенья? Записывайте и считайте, считайте. Допустим, ты имеешь право на десять очков, это пять средних драк. Тебе охота драться тут же, сейчас. Но ты думаешь: «Не стоит, неделя только началась, сберегу очко, оставлю про черный день». Ты сам себе твердишь: «Не сегодня — завтра отлуплю его». Словом, ты рассчитываешь, как не выйти из рамок бюджета.

Подходит среда, а у тебя в запасе право еще на пять драк. И опять он первый начал. Руки у тебя чешутся. Если бы ты не вел счета, наверняка бы поддал как следует — не сдаваться же! Но ты думаешь: «В будний день сдержаться легче — весь день занят в школе. Подерусь уж как следует в воскресенье!» Или ты даже начал драться, но взял и перестал, чтобы драка получилась средняя, а не отчаянная.

Но вот и воскресенье. Ты думаешь: «Да нужно ли мне сейчас драться?» Сдерживаешь себя, приструниваешь, закаляешь волю. И копишь неизрасходованные очки вроде сбережений. Ты рассуждаешь: «Лучше один раз подраться вволю, чем три раза кое-как». Ты побрякиваешь сэкономленными драками, как звонкой монетой.

Ты проявляешь благоразумие.

Второй метод — зеркало.

Ты запираешься в комнате на ключ. Происходит инсценировка перед зеркалом. Театр воображения! Ты строишь обиженную мину. «Иди отсюда, а то ка-ак дам!»

Не то как ветряная мельница, не то как сумасшедший, размахиваешь ты руками, молотишь кулаками. Ты раскраснелся, глаза навыкате, нос в поту. Сил уже не хватает, ты сам не рад, что затеял драку. А теперь посмотрись в зеркало. Ну, хорош?! Растерянный, сразу видно, проиграл бой. Надутый, как индюк. Да, недаром говорят: гнев портит красоту. Итак, первый способ — считать драки, второй — зеркало.

Третий — самообладание... Тебе говорят: «Боишься, да? А ну, попробуй! Боишься?» А ты воплощение презрения: «Боюсь, как бы тебе не пришлось «Скорую помощь» вызывать». Он спросит: «Хочешь получить?» — не говори: «Хочу». Это провокационный вопрос. А если он скажет: «Вот как дам в лоб!» — ты не отвечай: «А ну, попробуй!»

Кем уже я не был только!

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Кем уже я не был только!
Перечислишь все не вдруг.
Вот я сразу
ШКОЛЬНИК Толька,
СЫН,
ПЛЕМЯННИК,
БРАТ
и ВНУК.
Я для Вовки — ДРУГ-ПРИЯТЕЛЬ,
в магазине — ПОКУПАТЕЛЬ,
у врача я — ПАЦИЕНТ,
в парикмахерской — КЛИЕНТ,
ПАССАЖИРОМ был в трамвае
(был и зайцем, не скрываю!),
но с трамвая слез, и вот
кто теперь я?
ПЕШЕХОД.

Клянчил рублик — был ПРОСИТЕЛЬ,
получил — стал КИНОЗРИТЕЛЬ,
взял в буфете два битка —
превратился в ЕДОКА.

Он потом скажет, что ты сам захотел, вот он и попробовал.

Принято советовать в гневе укусить себе язык. Непрактично. Зачем? Ты хочешь уничтожить врага, стереть его с лица земли — и вдруг сам себя укусишь! Есть еще способ: прежде чем пустить в ход кулаки, произнеси про себя: «Худой мир лучше доброй ссоры».

Четвертый способ, видишь ли, общеизвестен — это сильная воля. Тебя подначивают, дразнят, а ты в ответ: «Нет. У меня железная воля. Я не щенок, а мужчина».

Подумать только: человек без воли — ничто, паяц (прыгает, если дернуть за веревочку). Человек без воли — былинка, нюня, тряпка, шляпа, студень из телячьих ножек...

Ты вспыльчивый. Но я и не думаю читать тебе нотации. Не люблю вмешиваться. Ваши дела сложные и запутанные. Я знаю, как это бывает: какое-то происшествие, столкновение, короткое замыкание, словесная вспышка — драка. Бывает так, что ее невозможно избежать. Но три раза на дню тузить друг друга — это уж чересчур! Злоупотребление!

Я бы не запрещал драться мальчикам, если силы равные, если наступает слабый и никто не применяет недозволенных приемов. Такие драки я наблюдаю, но не разнимаю. Зачем? Схвати я одного за руку, второй воспользуется заминкой и поддаст еще больше. Я прерву драку, а они потом в другом месте закончат. Или испугаются, второпях схалтурят, и вместо классической драки по всем правилам получится ерунда.

Знаю: нельзя за горло, в живот, не разрешается выкручивать голову, выламывать пальцы... Драка продуманная, технически правильная — это красота. И вот поэтому нельзя драться часто — не опошлять, не упрощать! — только в исключительных случаях, если невозможно избежать, не из-за пустяковых дел, не кое-как и не за кое-что. И должна быть сильная воля, торможение. Да.

Перевод с польского Е. МОЙТЛИС.

Дома я за книжку взялся,
стать ЧИТАТЕЛЕМ собрался,
но услышал вдруг — звонят:
— Распишитесь, АДРЕСАТ!

Был ТУРИСТОМ
и при этом
РЫБОЛОВОМ,
РЫБОЕДОМ,
ЗАПЕВАЛОЙ,
ГРИБНИКОМ
и к тому ж ОЗОРНИКОМ.

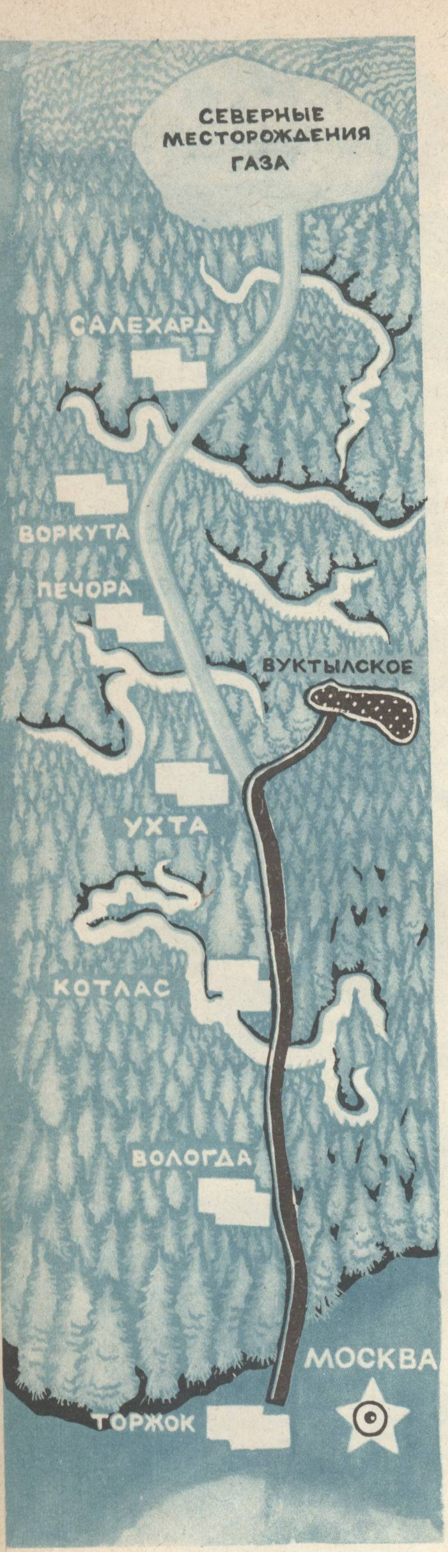
Был БОЛЕЛЬЩИК — на футболе,
был ПРОГУЛЬЩИК — не был
в школе,

и отважный был ОРЕЛ,
и упрямый был ОСЕЛ.

Был ОРАТОР,
был ОРАТЕЛЬ,
был СВОЙ-НОС-ВО-ВСЕ-
СОВАТЕЛЬ...

Как влезает
в одного
столько всякого всего?!

Рисунок Е. МЕДВЕДЕВА.

«СИЯНИЕ СЕВЕРА»

А. НЕКРАСОВ

С тех самых пор, как человек принял огонь на службу, он, сам того не заметив, поступил в кабалу к огню.

Человек заставил огонь греть жилище и светить в темноте, он научил огонь варить пищу и выплавлять металлы из руд. Потом он построил машины, в которых жар огня превращался в механическую силу...

Но чем больше дел поручал человек огню, тем больше приходилось ему заботиться о том, чем прокормить ненасытного работника. Леса и рощи приносил человек в жертву огню, вгрызаясь глубоко в землю, он тяжелым трудом добывал уголь, целые моря нефти сжигал в топках котлов и в двигателях. А огонь пожирал топливо, засорял воздух в городах, засыпал землю пеплом и каждый день, каждый час требовал новых даров.

Не одну тысячу лет знают люди, что не часто, но случается на земле явление, похожее на чудо: из глубоких трещин поднимается невидимое дыхание недр — бесцветный, чуть пахнущий газ — и горит неугасимыми факелами. Веками, как божеству, поклонялись люди подземному огню, а в дело пустить его не умели.

Всего лет полтораста назад в Париже, в Берлине, в Лондоне, в Москве построили фабрики горючего газа. И газ послушно разбежался по трубам и стал служить человеку... Да вот беда: чтобы добыть этот газ, приходилось по старинке копать уголь в шахтах, возить его в города и перегонять на газ... И, конечно, снова и снова обращалась мысль инженеров к тому природному газу, который сам бьет из-под земли.

И вот, как в далекие прошлые годы, шли рудознатцы искать медь, серебро и золото, так в наши дни пошли смелые разведчики искать горючий газ. На Волге, возле Саратова, такие богатые залежи газа нашли наши ученые, что решили в Москву гнать его по трубам. Нелегкое это дело — проложить сотни километров труб от Саратова до Москвы. Но зато один раз построишь газопровод, а потом десятилетиями даровое топливо будет идти само с Волги в столицу. И когда фашистские армии еще стояли у самой Волги, наш народ, недоедая и недосыпая, строил первый большой советский газопровод Саратов — Москва. И пришел в Москву саратовский газ, и теперь даже странно представить, как прежде жила наша столица без этого чистого, дешевого, удобного топлива.

А разведчики не унимались, и одно за другим ложились на карту Родины новые разведанные природные газохранилища. И уже не тысячи, не миллионы кубометров готового к работе газа числились в подземных бункерах, а триллионы кубометров.

Самые крупные в мире запасы газа обнаружили ученые в недрах нашей земли. И настала пора вскрыть природные бункера, отправить газ на работу.

Из республики Коми, с далекого Вуктылского месторождения, дойти до Москвы и то нелегко, а попробуй-ка проложи через болота и тайгу, через вечную мерзлоту и тундру, через горы и реки трубу такой толщины, что, чуть пригнувшись, внутри нее может идти человек? Таких труб еще нигде в мире не клали строители газовых магистралей. А мы уже больше тысячи километров труб диаметром 1 220 мм уложили в землю, и уже недалек тот час, когда к московской газовой сети подключится вуктылский газ.

И, может быть, именно для того, чтобы не забывали москвичи о подвиге геологов и строителей, победивших суровую природу Севера, новый газопровод, самый северный, самый совершенный, самый производительный в мире, назвали они «Сияние Севера».

САМОЕ-самое-самое

Посмотрите на рисунок. По этой подземной дороге газ пройдет с Ямала до самой Москвы. Зеленой линией показана готовая часть магистрали, светлой — то, что предстоит сделать. Это нелегко, но нашим строителям по плечу.

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

ОПЕРАЦИЯ «ЧУКОТКА»

Когда часы на Спасской башне, возвещая начало новых суток, отбивают последний удар, в Анадыре уже позднее утро. Там и выспаться люди успели, и умылись, и позавтракали, и на работу пришли. И ребята уже не первый час сидят за партами, и, если доведется им услышать по радио перезвон курантов, думают, наверное, о далекой Москве.

Как не думать? Из Москвы на Чукотку идут радиопередачи, и газеты приходят, и кинокартины, и книжки, и разные товары... Приезжают молодые специалисты: геологи, строители...

Таких далеких, как Анадырь, городов у нас нет. Вот Уэллен разве? Так то не город, а чукотский поселок на самом краю советской земли. Там несколько десятков домиков приютились над низким берегом океана. Антенны, флаги. На берегу вытащенные на гальку вельботы... Живут там рыбаки да охотники.

А Анадырь — город. Асфальтовые улицы, покороче, поуже, чем в Москве, но все же настоящие улицы, и дома в несколько этажей, и школы, и кино, и телевышка. И река. Тоже Анадырь. А за рекой вторая половина города. Там морские причалы и склады. И угольные шахты и аэропорт. Словом, город как город. И не просто город, а столица огромного края, в который иную страну, и немалую, можно вместить без остатка.

Спроси иного: «Чукотка, что это?» И многие так скажут: «Чукотка? Ну, олени там, собаки ездовые. Тундра, горы. Зимой ветры страшные, а летом туманы, гнус, комарье. Холодище там. Полярное сияние. Зимой ночь сплошная, а летом не заходит солнце...»

— А чем,— спросишь,— живут там?

— Ну,— скажут,— рыбу ловят, оленей пасут, по кости режут.

Все это так и есть: и холода, и туманы, и ветры, и горы, и тундра — все это есть на Чукотке. Только многое и переменилось в том краю.

Оттуда, с Чукотки, в Москву в сейфы госбанка немало привозят золота. Там олово добывают в горах и драгоценный вольфрам. Раз есть рудники и прииски — значит, энергия нужна. Построили электростанции. Встали над тундрой мачты электропередач. Построили городки для шахтеров, проложили дороги. У стенок морских портов журавлями поднялись подъемные краны... Даже плавательный бассейн есть, да такой, что не в каждом европейском городе встретишь.

А ведь это — только начало. Чуть ли не каждый день приходят в Анадырь вести от разведчиков: там нашли богатое золото, там уголь, там другие руды... И уже не хватает тех электростанций, которые сегодня стоят на чукотской земле. Приходится атомную станцию строить, чтобы поднять «на-гора́» все богатства Чукотки. Богатый край... но уж больно далекий. Подумать только: солнце десять часов движется из Анадыря в Москву.

Но далекие расстояния не должны мешать дружбе. Может, так подумали пионеры и комсомольцы из 553-й и 57-й школ Москвы. Подумали и решили построить в Анадыре дворец пионеров.

Не сразу, конечно, замахнулись ребята на такое дело. Сперва просто переписку затеяли с чукотскими ребятами, посылали подарки... А потом решили: дарить так дарить. Если всем московским ребятам дружно за дело взяться: поработать на стройках и на почте, организовать сбор металлолома и макулатуры, устроить платные концерты,— то на заработанные деньги можно построить в Анадыре пионерский дворец.

Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина поддержал почин московских ребят. И вот уже счет открыт в Госбанке СССР, и на этот счет поступают со всех концов страны трудовые рубли, заработанные ребятами. Счет растет... А скоро начнут расти стены нового дворца пионеров, самого далекого от Москвы и самого, пожалуй, близкого всем ребятам нашей страны, потому что у каждого из миллионов строителей будет там свой камешек, свой гвоздик, что-то свое, заработанное своим трудом.

Операция «Чукотка» — назвали это большое дело.

Операция продолжается. Каждый пионерский отряд, каждая пионерская дружина могут послать заработанные ими деньги по адресу: Москва, Госбанк СССР. Текущий счет № 70008 Управления по кассовому исполнению госбюджета правления Госбанка СССР.

Дагмара ЦВЕРГ.
НАШ ПРИВЕТ АРМИИ

Ангела ГЕРТ.
СОВЕТСКАЯ ПИОНЕРКА

Манфред РЕМЕР.
ПРАЗДНИК ДРУЖБЫ

ГАЛЕРЕЯ ДРУЖБЫ

Так называется выставка, открывшаяся в Берлине к 20-летию пионерской организации ГДР. Хорошо бы читателям «Кораблика» всем вместе побродить там, посмотреть рисунки, керамику, скульптуру, фотографии. Но раз уж это невозможно, то вот перед вами несколько картинок. Мы получили их прямо из Берлина, с выставки. Они вам тоже о многом расскажут.

Знать бы их язык...

Эх, жаль, занятий много.

А так хочется убежать на опушку леса или на речку. Покататься на лыжах или на коньках. Или просто так походить по лесу. Дятлов манить к себе. Птиц кормить.

Я, когда иду куда-нибудь, беру с собой хлеб или зерна и по дороге кормлю птиц.

У меня под окном всегда их полно. А однажды бросила туда капустных листков, а сама села уроки писать... Под вечер выглянула, а их заяц ест. Я теперь и его кормлю.

Птицы интересные. Переговариваются по-своему. Снегирь другому снегирю перышки почистит. Вот бы знать их язык!

Я синиц немного понимаю. Они прилетят, сядут на подоконник и смотрят на меня через стекло. А сами чирикают. Здороваются...

Нина АЛЕКСЕЕВА, 12 лет.
Тульская область, Ефремовский район,
село Козье.

В море

Быстро плавать я люблю.
Ух, любого обгоню!
Прыгну с горки в вышину,
А потом иду ко дну.
Ух, холодная вода!
Мне бы плавать так всегда!

Коля БАТИЩЕВ, 12 лет.
Краснодарский край, г. Белореченск.

*

Хорошо, что солнце светит!
Хорошо, что дует ветер!
Хорошо, что этот лес
Вырос прямо до небес!
Хорошо, что в этой речке
Очень синяя вода
И меня никто на свете
Не догонит никогда!
Хорошо играть с друзьями!
Хорошо прижаться к маме!
Хорошо жевать траву!
Хорошо, что я живу!

Аня ПОТОЦКАЯ, 12 лет.

Считалки

Дверь скрипела, дверь скрипела,
Песенку тихонько пела:
«Скрип-скрип-скрип,—
Выходи, Филипп!»
Под луною, под луной
Подняли собаки вой:
— У-у-ууууу!
Выходить комууууу?

Катя САМСОНОВА, 4-й класс.
г. Оренбург.

Клаус МЕНЗЕ.
ПРЫЖОК С ШЕСТОМ НА ОЛИМПИАДЕ В МЕХИКО

Коллектив 8-го класса школы в г. Галле.
ВЕЛОСИПЕДИСТЫ

Мой друг рыжий

Этого мальчишку я увидела осенью на пляже. Он сидел на поваленном грибке, подперев кулаком подбородок, и что-то чертил прутиком. Моя собака подбежала к нему и тронула его носом. Он не испугался и не закричал на нее, он просто протянул руку и потрепал ее за уши. И тогда я поняла, что вот на поваленном грибке, подперев кулаком подбородок, сидит очень хороший человек. Я подошла к нему, и он спросил: «Это твоя собака?» «Моя». «Большая!» — улыбнулся он. Я села рядом, и мы поговорили о собаках. А потом я спросила: «Почему ты здесь сидишь один?» «Да видишь,— сказал он,— как-то так получается...» И я поняла, что у него нет приятелей.

Мой друг рыжий. У него узкое лицо, очки и длинные ноги. Такому не доверишь клюшку или защиту футбольных ворот. А нашим мальчишкам в первую очередь только это и важно.

Он совсем не умеет драться, но иногда лезет в драку первый и может взрослому сказать: «Вы не смеете...» Он ходит по перилам моста и запускает змеев с самой высокой крыши. Мой друг смелый.

Учителя считают его индивидуалистом, но я-то знаю, что это не так. Когда грустно, никто лучше его не может утешить и развеселить.

С ним интересно всегда: интересно бродить по улицам и интересно слушать музыку, интересно кататься на трамвае и интересно решать задачки, интересно считать звезды и интересно кормить воробьев, интересно сидеть на полу и смотреть на его рыб.

Мне повезло: у меня есть друг. Но этот друг сейчас очень далеко. Да, мой рыжий друг, очень хороший и смелый; он уехал, и моя собака на прогулках тянет меня к его дому, и я не могу ей объяснить, что его там нет, что он уехал и совсем незачем нам идти теперь к этому дому.

Он оставил мне своих рыб, огромный аквариум с лампочкой, и моя мама еще не знает, что я часто не сплю ночью, лежу и думаю, что он приедет еще очень не скоро—летом, и мы отправимся в поход на лодке с моим папой — «трое в одной лодке, не считая собаки». И я возьму с собой краски и нарисую моего рыжего друга в головном уборе индейца, хотя настоящие индейцы никогда не бывают рыжими...

ПОТОЦКАЯ Аня, 12 лет.

❄

Когда я училась в 4-м классе, у меня была собака — забавный черный щенок. Ему посвящается это стихотворение.

Собаку мою отдали
Чужим, незнакомым людям
И долго меня убеждали,
Что псу у них лучше будет.

Неправда, неправда, неправда!
Ему хорошо у нас было.
Зачем вы его отдали?
Ведь я его так любила!

Пускай он был непослушным.
Пускай он к чужим ласкался,
Но мне он всегда самой лучшей
Собакой в мире казался.

Он плакал, когда я плакала,
Смеялся, когда я смеялась,
Он был еще слабым, но смелым,
Я с ним ничего не боялась.

В квартире вдруг неуютно
И пусто как будто стало...
Чужим, незнакомым людям
Собаку мою отдали.

НЕЧИПОРЕНКО Наташа, 14 лет.
Волынская область, г. Луцк.

РИСОВАТЬ — ХОРОШО!

Этих людей нетрудно увидеть в любую погоду на вокзалах, на автобусных станциях. Прохожие смотрят им вслед всегда с интересом и некоторой завистью. А они в раннее утро выходного дня разъезжаются по заветным уголкам Подмосковья, унося на ремнях на плечах плоские ящички из фанеры или просто картонные папки под мышкой... Это художники с этюдниками. Едут рисовать природу.

Весной и летом, осенью и зимой послушная кисточка кладет на бумагу то молоденький лес на закате, то утреннюю темную и молчаливую речку, влажно блещущую в разрывах тумана.

Вы видите здесь два этюда: пейзаж с весенним днем и натюрморт с айвой. Это работы Сергея Георгиевича Громушкина, он художник и типографский мастер, с умелой рукой и безошибочным глазом.

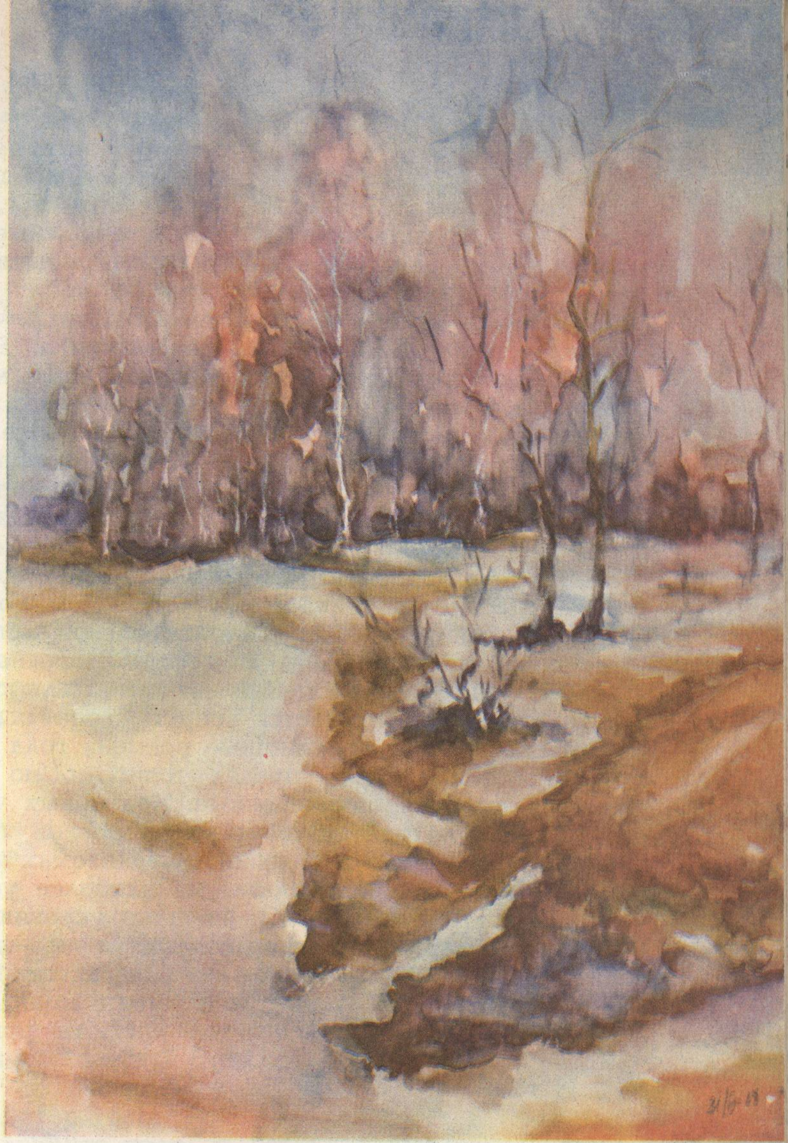
Красивые и яркие рисунки в нашем журнале и четко отпечатанные фотографии — это его ежедневный труд, его будни, а два этюда, что перед вами,— это выходные дни мастера и художника.

Есть очень много ребят, которые рисуют, любят рисовать и от рисования получают удовольствие, но есть и такие, кто только мечтает рисовать. Вот им мы и говорим: не нужно долго собираться и далеко ехать вовсе не обязательно. Все просто: бумага, набор красок или карандашей да пару бутербродов в карман — и на простор!

Как правило, у художников есть свои давно излюбленные места. Вот и весенний этюд Сергея Георгиевича помечен словечком «Ромаш». Это значит Ромашково — есть такое местечко по Усовской ветке железной дороги на западе от Москвы. И здесь едва ли не всякое воскресенье можно найти Сергея Георгиевича, занятого счастливым делом, которое сродни чуду. Разве не чудо владеть ромашкинскими закатами и восходами или увезти с собой в электричке утренние тени или особую белизну снега?

И, наконец, следует тут сказать, что способностью к рисованию наделены многие-многие люди, часто об этом и не подозревающие. Советуем поэтому пробовать и еще пробовать, настойчиво и терпеливо, тогда выйдет. В это надо всегда верить.

С. АРТАМОНОВ

Второе рождение секунды

Физика

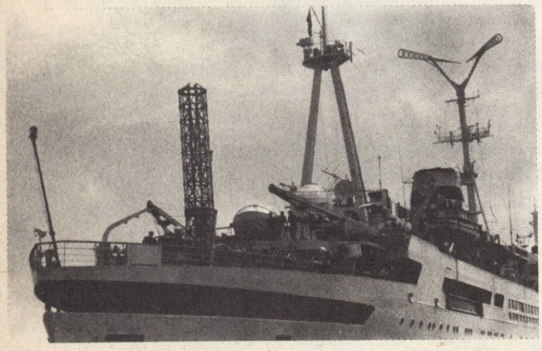
Как точнее измерять время? Люди издавна думали об этом. Многие столетия служили человеку солнечные, песочные и водяные часы, хотя даже для того времени были грубы и несовершенны.

Точные часы появились только в XVI веке, когда Галилей открыл закон колебания маятника. Впервые был найден надежный механизм, и теперь можно было все точнее и точнее отлаживать его ход. Маятниковые часы есть и в наше время, причем не только с кукушкой. У наиболее точных из них — астрономических — ошибка за сутки не превышает одной сотой секунды! Но для современной техники такой точности уже мало. И появляются часы с суточным отклонением в десятитысячную долю секунды. Место маятника занимает здесь тонкая кварцевая пластинка. Она тоже колеблется, но число ее колебаний огромно — до десяти тысяч в секунду! Именно эти кварцевые часы помогли установить, что Земля вращается вокруг своей оси не совсем равномерно в различные времена года. Казалось бы, такие часы — предел точности, но нет, уже созданы более совершенные. Ход новых часов регулируется не маятником и не кварцевой пластинкой, а внутренними колебаниями в атомах и молекулах. Эти колебания оказались наиболее устойчивыми — на них не влияют внешние условия.

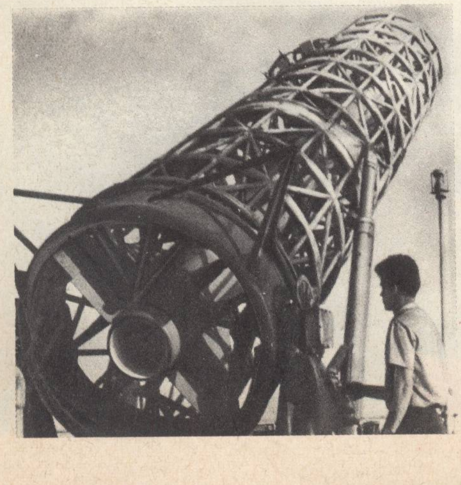
Через миллиарды лет, когда изменится все — даже орбиты планет,— атом цезия в этих часах сохранит ту же частоту колебаний, что и сегодня...

Н. Ануфриева

Во все стороны ощетинился приборами и аппаратами корабль погоды, и все равно сразу замечаешь огромную шахту для запуска метеоракет. А вот как ракету готовят к запуску.

Корабли погоды

Метеорология

Приходилось ли вам слышать о плавающих полигонах? Так можно назвать новые корабли, созданные для ученых-метеорологов. Палуба такого корабля по совместительству еще и небольшой полигон для запуска метеорологических ракет в океанских просторах. Корабли погоды помогут выяснить, как влияют на погоду нашей планеты ее моря и океаны.

Рыбам будет хорошо

География

Уровень Каспийского моря ежегодно снижается. Есть несколько проектов спасения знаменитого моря. Среди них интересен такой — соединить каналом Каспийское море с Азовским. Канал проложить по руслу двух пересыхающих летом речек. Вода сама пойдет по этому руслу — за счет естественного наклона местности. Предполагают, что соленость Каспия не повысится — воды Азовского моря будут удерживаться вдоль западных берегов и не затронут северные, облюбованные большинством рыб.

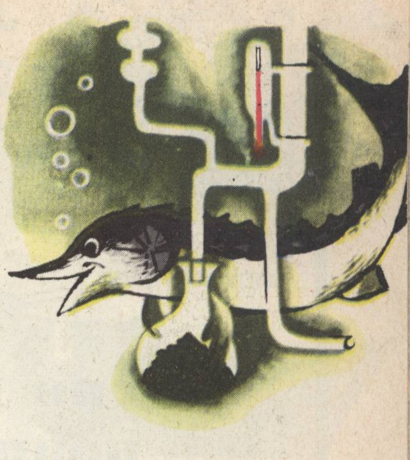
Зернистая синтетическая

Химия

«Прошла все испытания и, вероятно, скоро поступит в продажу искусственная зернистая икра» — такое сообщение можно было не-

давно прочитать в газетах. Значит, успешно закончились многолетние опыты советских химиков. Мы не раз читали о них. И скоро, видно, каждый из нас сможет угоститься аппетитным бутербродом с черной икрой, рожденной в колбах и ретортах. Какая она будет — зернистая синтетическая? Понравится ли она нам? Пока, кроме ученых, пробовали ее только специалисты — рыбники. Попробовали и похвалили: ничуть не хуже настоящей...

А в Институте элементоорганических соединений Академии наук СССР — там, где родилось наше первое синтетическое блюдо,— продолжаются опыты. Ученые думают над созданием новых продуктов, вкусных и питательных, из химического сырья, которого на Земле вдоволь,— из нефти, природного газа, угля.

На всех парах

Техника

Настоящий паровоз — с черной трубой, с тендером для угля, с бегающим у колес шатуном — в наши дни редко увидишь. Разве что возле разъездов и станций, где доживают свой век старенькие маневровые паровозы.

И вот, представьте себе, некоторые инженеры предлагают сейчас делать паровые автомобили, этакие небольшие паровозики на четырех обутых в резину колесах! Еще удивительнее то, что несколько таких автомобилей уже сделано. Конечно, нет у них ни трубы, ни тендера, а есть радиатор, багажник, лакированные дверцы — словом, все, что положено иметь обычному автомобилю. И все-таки эти машины — родственники паровоза: под блестящим капотом у них спрятана паровая машина.

Как же так! Паровозы уходят в прошлое, а паровой автомобиль называют последним словом техники! Дело в том, что обычный автомобиль сильно загрязняет воздух выхлопными газами. «Чистые» машины-электромобили не скоро еще смогут соперничать с привычными бензиновыми автомобилями: перед их создателями стоит много нерешенных проблем. А паровой двигатель давным-давно известен, прост, недорог и, что главное, совершенно безвреден.

Правда, паровая машина не очень экономична — много тепла улетает буквально в трубу. Но и в двигателе автомобиля используется чуть больше десятой части химической энергии бензина. И паровая машина может оказаться выгоднее бензиновой.

Конечно, паровая машина в современном автомобиле намного современнее той, что стояла на первом паровозе. В ее топке горит не уголь, а жидкое топливо, горит чисто, без копоти и дыма. Машина сконструирована так, что из пара «выжимают» все, что можно. Может быть, в недалеком будущем по улицам на всех парах будут бегать «паромобили»...

М. Гуревич, О. Либкин

Наш современник — паромобиль марки «Фольксваген».

Рисунки А. БОРИСОВА.

ПО МОРЯМ ВОКРУГ ЗЕМЛИ

С. САХАРНОВ

Рисунки Э. БЕНЬЯМИНСОНА и Б. КЫШТЫМОВА.

ВЫПУСК ВТОРОЙ

Ясно вижу, понимаю

Посмотри на обложку. Первомайское утро. Порт. На рейде тишина. Город еще спит, а корабли проснулись. Снуют по их палубам матросы, чистят и без того чистый корабль.

Среди матросов — курсанты. Это будущие моряки. Им надо скорее выучиться — море не ждет. Что значит каждый флаг? Почему у подводной лодки несколько перископов? Какую эмблему на рукаве носит боцман?

Когда корабль хорошо разбирает поднятый соседом сигнал, он показывает ему ответный вымпел — красный треугольный флаг с белым шаром. Он означает: «Ясно вижу, понимаю».

Молодому моряку надо видеть и понимать все.

Морской язык

Флагам выучишься, эмблемам выучишься, еще морскому языку тебе придется учиться.

Ждал один паренек на берегу бухты оказии. Он хотел поступить в морское училище и приехал в город сдавать экзамены.

Видит, у причала две корабельные шлюпки с матросами.

— Вы на тот берег? — спрашивает паренек матросов первой шлюпки.— Мне бы с вами: я в училище поступать приехал.

— На тот,— говорят матросы.— В училище — это хорошо!

— А вы под веслами туда пойдете?

Матросы засмеялись.

— Нет, я серьезно в училище,— говорит паренек.— Ничего смешного. Если под веслами... Мне бы как скорее.

Снова смех.

— Понимаешь, ходят НА веслах,— объяснил ему один матрос.— А если скорее, то вот шлюпка с парусом.

Паренек к ней.

— Вы на тот берег?

— На тот.

— На парусе?

Общий хохот.

— Ходят ПОД парусом,— объяснили матросы,— но НА веслах. Ухватил?

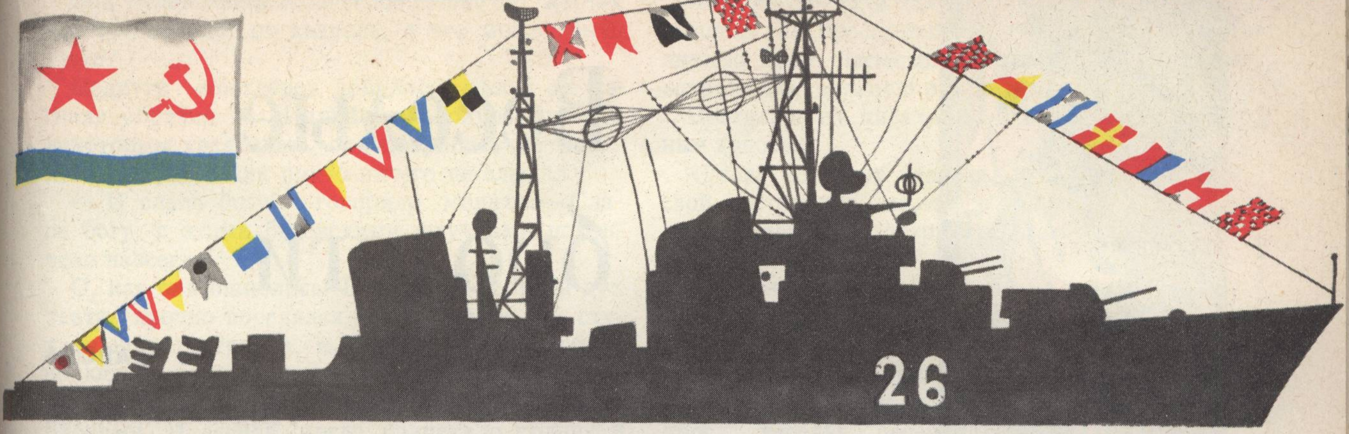
— Ухватил,— говорит паренек.— На веслах, но под парусом. Нет, под веслами, но НАД парусом... Тоже нет...

Махнул он рукой, сел на трамвай и объехал бухту кругом. Посуху.

Сигнальными флагами корабли разговаривают друг с другом. Рядом — флаги-буквы, на странице справа — флаги-цифры. Ну-ка, попробуй прочесть с помощью флажного алфавита, что передают тебе противолодочный корабль № 26 и корабли на обложке.

А эти флаги говорят о «знаках различия» кораблей. Самый главный — флаг Военно-Морского Флота, затем — вымпел корабля ВМФ и вымпел корабля-пограничника.

Идет мимо тебя по праздничной улице матрос. На рукаве красный кружок — эмблема.

Мы нарисовали шесть эмблем. Какую из них носят на рукаве форменной рубахи рулевые и штурманские электрики? Какую — акустики, радисты, операторы радиотехнических станций? Какую — торпедисты, минеры? Какую — артиллеристы, ракетчики? Какую—трюмные машинисты, электрики, мотористы? А боцманы, баталеры, химики?

Определи, чьи это эмблемы.

Атомная подводная лодка

Сотни и сотни лет бороздят океанские воды корабли. И всегда были такие, о которых говорили: лучше и сильнее их нет. Такими были в свое время греческие триремы, испанские каравеллы, парусные линейные корабли, дредноуты и авианосцы.

Теперь самый главный корабль Военно-Морского Флота — атомная подводная лодка с ракетами и торпедами.

Сложное сплетение труб, сотни приборов, машин... Атомная энергетическая установка движет корабль. Наготове ракеты и торпеды.

В центральном посту командир. К перископу он подходит редко: у него много других умных приборов-помощников. Атомная лодка может месяцами плавать под водой, все время зная, где она находится.

В кубриках матросы. Кто отдыхает, кто собирается на вахту. Сложна вахта на каждом боевом корабле, на подводной лодке — вдвойне.

А грянет сигнал боевой тревоги — разбегутся матросы по постам, станут у атомных механизмов, у штурманских приборов, у пусковых пультов ракет и торпед. Команда... И в облаке пузырей, пробивая многометровую толщу воды, устремятся ракеты и торпеды в сторону врага.

Вот для чего создан корабль.

Очень просто. А сложнее корабля нет.

Веселые бродяги

И. УВАРОВА

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

В средневековье во время дождя грязь была непролазная. Города размокали и покрывались плесенью. Дома так тесно срослись боками, будто город не строили, а просто в большом куске глины прокопали улицы, вырыли норы. Горожане сидели у очагов, слушали вой ветра и благословляли судьбу за то, что есть крыша над головой и огонь в очаге. Хотя в доме и сыро и холодно и никто не раздевается, ложась в постель, но все-таки крыша над головой!

А по размытым дорогам брели в город усталые люди, едва вытаскивая ноги из грязи. Одеждой да и лицом они отличались от горожан. Под плащами, набухшими водой, прятали они музыкальные инструменты. Крыши над их головой никогда не было и никогда не будет: они — бродячие актеры. Всю жизнь ходить им из города в город... Экий дождь хлещет!

К утру небо просохло, выглянуло солнце, и на базарной площади кто-то во все горло запел такую веселую песню, что невозможно не побежать посмотреть. Люди вылезали из своих домов. Вот уже целая толпа топчется вокруг пришельцев, глядят во все глаза, как они, ловко закинув короткий плащ через плечо, перебирают ногами, отплясывая дробный танец, а из рук их сами собою вылетают три ножа и послушно возвращаются обратно. При этом они еще поют и отпускают такие шутки!

— Не иначе колдуны,— шептались в толпе.— Вот ведь приворожили, глаз не оторвешь, все бы смотрел.

— Жонглеры, это жонглеры!

Жонглеры по-местному означало «игрецы». Место, куда они пришли, называлось Галлия. Они же называли себя мимами и говорили, что пришли из самого Рима. Они рассказывали, что были из цеха римских актеров, играли в знаменитом римском театре.

Но вот силы Рима истощились, слава его стала меркнуть, театр пришел в упадок, и актерам ничего не оставалось, как собираться стаями и уходить на север. Здесь, в Галлии, они зажили лучше. Галлы полюбили их представления и всегда просили рассказать о себе еще.

Тогда они рассказывали, что их можно называть и гистрионами, хотя слово это не латинское. Они рассказывали, что в давние времена, когда на Рим напала чума, ее решили развлечь и задобрить и дали в театре роскошные представления, но чума оказалась равнодушна к театру римлян. Тогда из Этрурии явились танцоры-гистрионы и танцевали под флейту. Чума пошла на убыль, и с тех пор римских актеров тоже стали называть гистрионами.

И вот мимы, или жонглеры, или гистрионы, появились в Галлии, а за ними по пятам шел театр, невидимый театр-бродяга. Это его встречали на вавилонских реках, это он приходил в Грецию. Сейчас он шел по Галлии, но простодушные галлы еще не знали, конечно, что к ним пришел театр. Они просто очень любили жонглеров за легкий нрав и большую ловкость. Жонглер в те времена не только играл предметами, но знал еще множество иных вещей.

Сохранилась рукопись, в которой записано, как старый жонглер наставлял молодого:

— Умей творить, приятно рифмовать, хорошо говорить, предлагать публике различные забавы, вертеть бубен и играть на десяти инструментах. Умей бросать и ловить ножами маленькие яблоки, скакать через четыре обруча и немножко колдовать. Научи животных забавным проделкам, научись показывать кукол и хорошо владеть своим голосом. Еще сумей рассказать тем, кто захочет тебя слушать, как сын Пелея разрушил Трою...

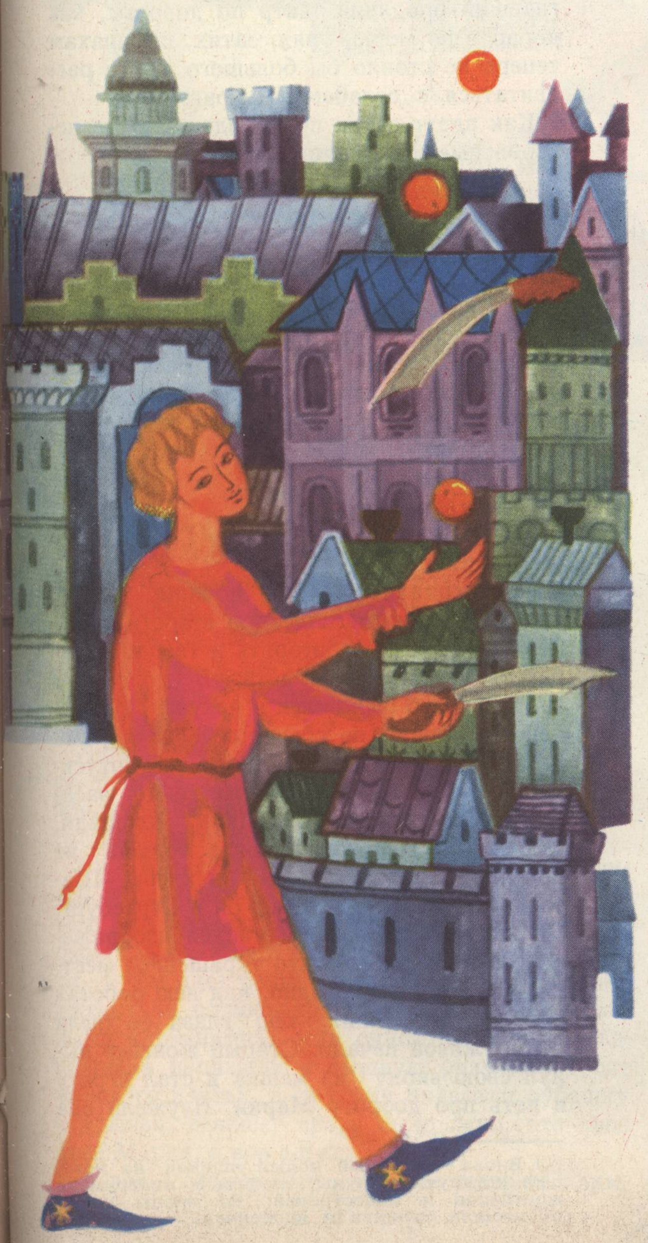
Но когда ты умеешь делать то, чего не умеют другие, добра не жди. Особенно если ты живешь в средние века. У жонглеров появились лютые враги. Это были христианские священники и монахи.

Они невзлюбили жонглеров. Конечно же, их мастерство идет от дьявола, а что может быть хуже?

Недруги жонглеров добились, чтобы их изгнали обратно на Италийский полуостров. По некоторым сведениям, они добрались до Сицилии. Больше о них никто ничего не слыхал.

— И слава богу! — говорили монахи.— Слава богу, с этими бесовскими штучками покончено навсегда.

О, как они ошиблись! Вольный и дерзкий дух театра прочно поселялся на той земле, где ступала нога гистриона, и некоторые так успели полюбить веселое ремесло пришельцев и изгнанников, что сами стали жонглерами и гистрионами. И весной, когда припекало солнце и люди выбирались на площади, радуясь концу холодов, их уже поджидал на углу молодой галл, улыбаясь от уха до уха, плясал, и пел, и бросал в воздух маленькие яблоки. И на голову прохожих сыпался град озорных острот.

Жонглеры стали так популярны, что их приглашали на праздники в гости в весьма приличные дома, несмотря на несколько темную и отчасти скандальную репутацию.

Враги же их писали по этому поводу длинные доносы:

«Разве не знает человек, приводящий в дом свой гистрионов, мимов и плясунов, сколь великое множество отвратительных демонов следует за ними?»

Известно, что демоны только и ждут, чтобы их впустили в дом, где можно раздобыть кучу душ и стащить их в ад. Никому не хотелось, чтобы его душа жарилась в аду, как карась на сковородке, но что делать, если сама душа просит веселья, песен, и плясок, и музыки? Была не была!

— Добро пожаловать, бродячие актеры! Входите в дом мой, мимы, жонглеры и плясуны! Сюда, жонглерессы, ловкие в пляске и острые на язык! А если с вами ученые звери, что ж, пусть и звери войдут в дом. Да будет праздник!

Угрюмо и встревоженно совещались монахи: враг их, бродячий актер, ловкий жонглер, добился невероятных успехов.

— Мыслимое ли дело,— говорили монахи,— не только простой люд, но и знатные господа пускают полный дом этих отвратительных кривляк.

— Мыслимое ли дело,— знатный господин тратит кучу денег, чтобы заказать себе у лучших мастеров нарядное платье, затканное цветами и птицами, расшитое жемчугом по вороту и маленькими алмазами на груди. И вот в замок является какой-то обжора и пропойца, начинает петь, и господин приходит от этого в такой восторг, что тут же дарит ему новое свое платье!

— Что платье? А свадьба Галеаса Миланского? Разве можно забыть, что жених на радостях не придумал ничего лучшего, кроме как подарить своре этих двуногих горластых обезьян семь тысяч совершенно новых, с иголочки, плащей, которые они оставили в ближайших кабаках и харчевнях, ибо зачем им имущество?!

— А знаете ли вы, что творится при дворе короля Богемии? Нищенка по имени Агнесса, привыкшая спать прямо на церковной паперти, если ее оттуда не прогонят, голодная плясунья, протягивающая руку прохожим и просящая медную монету, может быть, даже воровка, бродячая жонглересса, живет теперь в замке, одевается в бархат и носит башмаки из тончайшей арабской кожи. Ей оказывают почести, как знатной даме, ее считают настолько умной, что поручают весьма важные переговоры с чужими послами.

— Что же делается?! — роптали монахи.

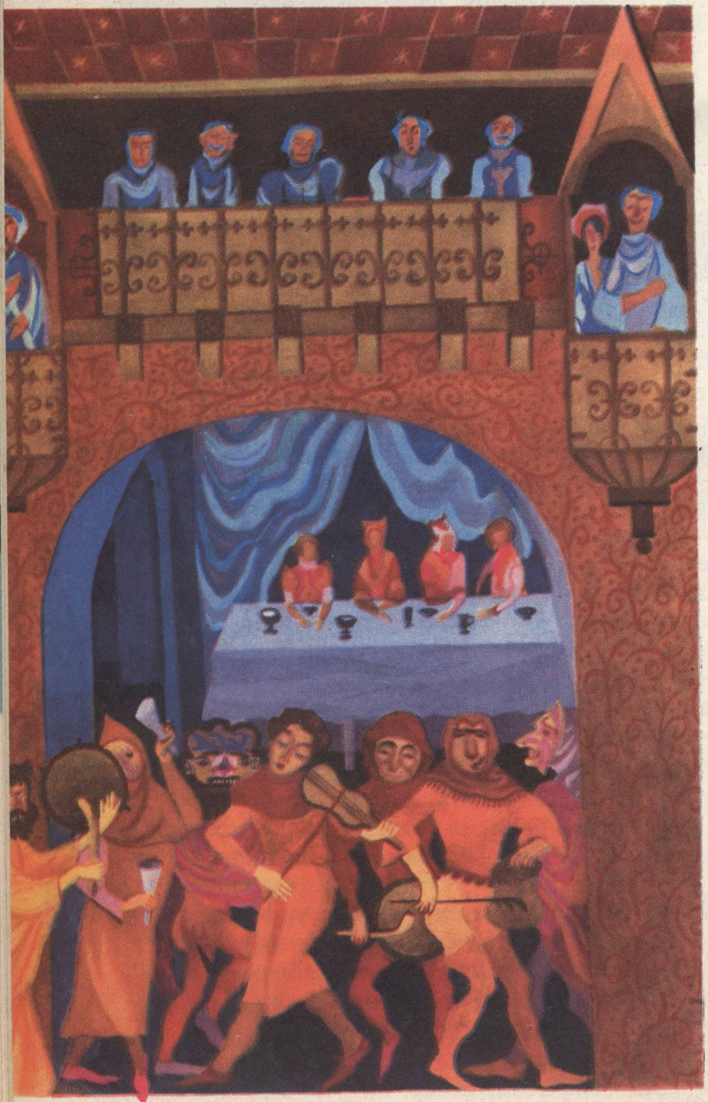
Церковь средневековья любила порядок. Средневековый человек всегда должен был кого-то почитать и кого-нибудь слушаться, а

Ножи и яблоки возвращались в руки жонглера, словно прирученные птицы.

главное — он не имел права жить в свое удовольствие. Всякая радость считалась грехом и прямым преступлением против бога. Монахи от всей души верили, что бог — враг веселья, и служили ему, как умели. Они просили епископов наказывать актеров, запретить им смеяться над добрыми людьми, лучше всего было бы уничтожить их вовсе. Они ставили всем в пример короля Людовика Благочестивого, который ни разу не улыбнулся шутке гистриона, хотя все вокруг покатывались со смеху. Людовик Благочестивый просто был совсем лишен чувства юмора. Но никогда не обижал гистрионов. Другие правители могли обласкать актеров, а после, имея все основания опасаться за свою душу, могли и прогнать их и всячески оскорбить.

Хотя уже при Карле Великом за жонглерами и гистрионами признали кое-какие права. В Германии даже вышел специальный приказ, по которому получалось, что и актер может постоять за себя, хотя и весьма странным образом: если кому-нибудь пришло бы в голову обидеть гистриона (в Германии их называли «шпильманами»), шпильман может отрубить голову тени своего обидчика...

Жонглеры стали так популярны, что их приглашали на праздники в богатые дома.

Если хроники сохранили больше веселых сведений о гистрионах, чем горестных сообщений об их бедах, то случилось это потому, что их веселое ремесло помогало держаться в любой беде. Хотя, по словам одного испанского писателя, «нет такого негра, такого раба, продаваемого в Алжире, которого бы участь была горше участи актера».

И вот среди вольных и вечных странников появились уставшие. Довольно кочевий, почему бы не жить в замке, если тебе предлагают тихую службу? Их назвали «менестрели», то есть служивые: спокойная жизнь пришлась им по вкусу.

Они теперь стыдились родства с рыночными плясунами.

Тут вольный ветер дальних странствий, гнавший бродячий театр по дорогам, как корабль по морю, увял, затих, и монахам теперь не стоило бы большого труда расквитаться с ослабевшим врагом.

Как вдруг стали происходить самые невероятные вещи. Сущие чудеса.

*

В некий прекрасный день обнаружилось, что среди одной группы гистрионов, дававшей представление на масленице, более всех усердствует некий комедиант, в котором узнали монаха. Выяснилось, что он отпросился у властей на волю, потому что не мог жить без театра.

— Монах?!

— В актеры?!

— Немыслимо.

Но так бывало все чаще, в Германии, в Испании.

Происходили вещи и почище. Вдруг кто-то сочинил легенду про старого жонглера, и ее стали повторять и твердить наизусть и взрослые и дети. В молодости этот жонглер был силен и искусен, но беспечен и ничего не сберег себе на черный день. Пришла старость, голос его потускнел, ноги дрожали, и он уже не мог часами выступать на рыночной площади. И никто из горожан никогда больше не протянул ему ни монеты, ни хлеба. Шатаясь от слабости, добрел он в Страсбург. Он зашел в часовню и увидел изображение девы Марии, богато украшенное местными ювелирами. Видно, над нею работал хороший художник, ибо глаза ее были полны живой печали. Старый жонглер вынул свою виолу[1] из мешка и стал играть и петь про доброту Марии. Неужели она

[1] Виола — длинный полый ящичек, на который натянуты струны, любимый инструмент жонглеров и менестрелей. От виолы потом произошли скрипка и виолончель.

Театр завоевал и церковь, а священники как актеры стали играть в мираклях.

оставит его в беде? Еще он сплясал и, говорят, собрав последние силы, сумел перекувырнуться. Тогда-то с картины упал на пол башмачок чистого золота. А когда люди, решив, что бродяга обворовал часовню, схватили его, чтобы предать казни, к ногам жонглера упал и второй башмачок, и это видело по крайней мере пол-Страсбурга...

Легенда гуляла по Европе. Те, кто повторял ее, наотрез отказывались верить, что искусство бродячих актеров проклято и преступно. Ничего подобного!

На этом странные происшествия, коснувшиеся и церкви и актеров, не кончились. Дело в том, что церковная служба велась на латинском языке, и простые люди совсем не понимали, о чем идет речь. Потому священники давно уже стали иллюстрировать богослужения «живыми картинами»: если одного молодого священника наряжали в пышную ризу наподобие женского платья, а другому надевали рубашку и крылья, всякому сразу было ясно, что вон дева Мария, а вон ангел.

И вот... Может быть, это сам театр-невидимка, театр-бродяга подобрался к ним, и они стали играть как актеры? Или это произошло как-нибудь проще, и они увлеклись и уже не могли остановиться, почуяв волшебную силу, заставляющую преображаться в образ?

Когда спохватились высшие церковные власти, было уже поздно,—во всех церквах вовсю развернулся трагический театр, а кое-где по окончании трагедии молодежь учиняла комический праздник ослов и орала на всю церковь «Иа!».

Конечно, театр выгнали из церкви, но вкрадчивый дух гистрионов успел покорить сердца многих священников. По существу, они уже стали актерами, и тут ничего нельзя было поделать.

*

Что ж, новый театр, театр-изгнанник, стал жить на площади, только не на рыночной, а на церковной... Было это по праздникам и под открытым небом. И были там сыграны пьесы о чудесах, описанных в священном писании, эти пьесы назывались мираклями. И было

показано в лицах, как убили Христа и как он воскрес и явился к людям. Зрители приносили к подножию грубо сколоченного помоста ветки и первые весенние растения. Ибо, подобно растению, умирал и воскресал опять герой древних легенд. И как тогда, в Греции, во времена Диониса, снова театр говорил о жизни, смерти и воскрешении. Потому что ни древний, ни средневековый человек не мог поверить, что после смерти он исчезнет навеки, тогда жизнь теряла для него всякий смысл. Нелепо, что какое-то глупое зерно, если его закопать, очнется и вылезет из земли в виде побега, а человек — нет. Хотя бы душа человека после смерти его должна жить. Нет, человек воскреснет, как зерно, как Дионис, как христианский бог.

И мысль эта была так мучительна и такой нужен был могучий толчок фантазии, страстной убежденности и духовного волнения, что не мудрено, если театр трагический возникал всякий раз, когда человек додумывался до всего до этого.

Более всего горожане любили, когда им показывали ужасную историю о жестоком царе Ироде, который проведал, что должен родиться добрый царь, и тогда он приказал уничтожить всех младенцев. Горожане, обычно занимавшие места на площади с вечера, проведшие ночь под открытым небом и изрядно уставшие, могли разволноваться при виде кровожадного царя настолько, что нередко кидались бить актера.

Тем временем дух бродячего театра, растревоживший и церковную площадь, не угомонился. Ему уже было мало, что священники играли перед всем честным людом наравне с простыми жонглерами, он хотел, чтобы весь город, от мэра до последнего нищего, хорошенько поработал на благо театра.

И тогда возникли великие средневековые мистерии. И не было ни одного сословия, которое не приняло бы участия в этом громаднейшем спектакле.

Нужно сказать, что в средние века театр приходил только по праздникам. И всякий праздник раскалывался, как спелый орех, на две половины. Первая половина была серьезная, вторая — веселая. В первой половине были мистерии, во второй — карнавал. И вот для мистерий в центре города, в самом его сердце, возводили громадный помост. На помосте строили домики из холста и досок, и один из них обозначал рай, другой — ад, а третий — землю.

Какие это были богатые и хитроумные постановки! Городские власти не скупились. Однажды даже костюмы нищих сшили из парчи. За сценой работали сложные механизмы: Христос с золотым лицом, в белой одежде летал по воздуху. Дьявол с физиономией, вымазанной сажей, вытряхивал душу из своих жертв, и у них изо рта вылетала маленькая крылатая кукла или живая птица.

Еще в мистерии очень любили показывать зверей. Часовых дел мастера делали поистине чудеса. Громадный зеленый змей полз по сцене, извиваясь и изрыгая огонь; верблюд ростом с настоящего вертел головой и показывал язык; леопард подкрадывался к грешнику и кидался на него, а тигры на глазах у всех превращались в баранов.

И когда он играл на виоле, с картины упал башмачок чистого золота.

Что же касается актеров, то среди них было много неумелых любителей, порой они могли забыть слова роли и при публике начинали браниться с суфлером. Но все это вовсе не мешало бешеному успеху мистерий. А одна девушка из актерской труппы, прибывшей на мистерию в Мец, так прекрасно играла деву Марию, что городской совет решил выдать ее замуж за хорошего человека и снабдить приданым за счет города.

Кто же были эти актеры, с которыми мы с вами повстречались в Меце? То были потомки жонглеров. Они собирались в труппы, разучивали роли, покупали крытую повозку и, взвалив на нее театральный пестрый скарб, отправлялись в путь.

Некоторые стали давать представления прямо в этом балагане-повозке, откинув переднюю стенку. Душа бродячего театра, вечно скитающаяся по разным городам и странам, привязалась к балагану и относилась к нему с нежностью.

Балаган встречали на дорогах Италии и на больших праздниках во Фландрии и Германии, в Испании и Франции. Здесь весною любили справлять масленицу, оставшуюся в Европе с языческих времен, изображали бой колбасы с селедкой, состязание попа с бюргером. Всеобщее веселье охватывало целые народы, и остроумие и шутки не знали границ. По городу шли процессии дураков в коротких желто-зеленых плащах и колпаках с бубенчиками, а король дураков, кривляясь и гримасничая, передразнивал правителей,— в эти дни разрешалось все.

И тогда на городскую площадь, кишащую народом, выезжал потертый, видавший виды балаган и показывал грубые и очень смешные фарсы — маленькие комедии, приготовленные специально для этого праздника.

Балаган странствовал из города в город и из страны в страну, самый маленький, но и самый стойкий из всех бродячих театров. И это о нем написал поэт Александр Блок:

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, покряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

. . . .

Тащитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло!
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло.

Блок хорошо знал театр, но более всего любил этого последнего из могикан, наделенного упрямым характером, одержимого страстью к пути.

В конце концов начинает казаться, что театры — живые существа, подобные людям. И рождаются, и расцветают, и стареют, и гибнут, и оставляют потомство. Среди них есть прославленные любители оседлой и разумной жизни, умеющие ценить порядок и серьезный труд. Бывают выскочки, щеголи, превыше всего ставящие показной блеск и легкий успех. А бывают нищие бродяги, просто дикие какие-то бродяги, которым все бы шататься по площадям и странам, их заносит в самые далекие земли, и они могут появиться где угодно, поражая зрителей дерзким нравом.

Мятежная душа бродячего театра всегда слонялась по миру. Иногда она шла пешком за одиноким актером, а иногда тащилась в повозке.

Полинялый балаган был ее любимым приютом. Он пересекал границы государств. Но он еще переезжал рубежи столетий и продвигался из века в век. Ему пора покинуть средние века: его ждет в Италии век Возрождения. Его ожидает Россия. Его ждет Вильям Шекспир у себя в Англии, чтобы вписать в свою пьесу.

В добрый путь!

Балаган бродячих актеров уезжает из города. Уезжает с наших страниц. Но мы еще встретимся. На этот раз в шекспировской Англии.

Волшебный конкурс начинающих волшебников

Волшебный конкурс начинающих волшебников начался сегодня, сейчас, сию минуту, когда ты читаешь эти строки. И ты среди его участников. Вот тебе на выбор: ковер-самолет, шапка-невидимка, волшебная лампа Аладдина. Он согласился отдать тебе ее до 1 августа.

Не бойся, бери, что хочешь, только уговор: не все сразу!
И, не мешкая, за дела, волшебные, разумеется!
Ну да, конечно, на самом деле их нет у тебя, ни ковра, ни шапки, ни лампы...
Но если они вдруг появятся когда-нибудь? Надо же заранее решить, как с ними обойтись.

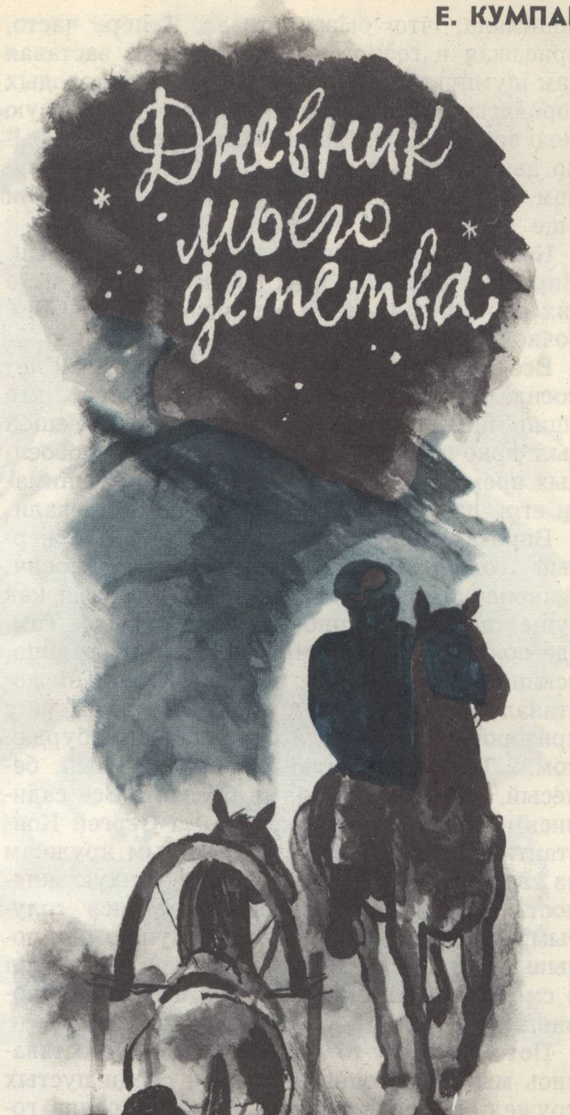
Рассказ о твоих похождениях на ковре-самолете или с волшебной лампой присылай в «Пионер».

Приключений известных волшебников не повторять!
Настоящие волшебники не повторяются.

Моим детям — Лиде и Сереже

Е. КУМПАН

Дневник моего детства

Рисунки В. ПЕРЦОВА

Мне не было еще и пяти лет, когда мама взяла меня в геологическую экспедицию. Оставить меня было не с кем. Шла война. Бабушка умерла в Ташкенте.

Я помню, как принесли телеграмму об этом. Впрочем, кажется, это было письмо. Оно застало тетю Мару на кухне. Я видела, как она плакала навзрыд, положив голову на кухонный стол. Первый раз так плакал при мне взрослый человек. Тетя Мара — мамина сестра. Как плакала мама, я не помню. Наверное, ее не было со мной.

Я помню, как началась эта первая для меня геологическая экспедиция... Мы ехали в телеге. Начинались сумерки. Вокруг была степь, но не широкая. Сопки то и дело подступали к самой дороге. Вот впереди показался всадник, он ехал навстречу. И он и его лошадь были неразличимо-черными, как фигурки в теневом театре.

— Сергей Константиныч!.. Да это же Сергей Константиныч! — выкрикнула мама неожиданно звонким голосом.

Я и сейчас помню этот ее возглас, такой чистый, такой серебряно-радостный в пустой степи. Даже иногда кажется, что тут для меня все и решилось. После этого я стала счастливой в дружбе. Сколько раз, когда я была уже взрослой, как мама, и потом, когда я была сама мамой, меня осеняла самая большая радость в жизни — радость свидания с другом, и неожиданного и ожиданного! В дороге, на пыльных базах экспедиций, уже моих собственных геологических экспедиций, на городских улицах, у порога моей квартиры... Да-да. Все именно потому, что мама так звонко крикнула тогда: «Да это же Сергей Константиныч!..»

Лошадь была действительно черной. Ее звали Карька (Сергей Константиныч нас тут же познакомил), а вот всадник оказался белоголовым, голубоглазым и веселым. Он ехал шагом рядом с телегой и уговаривал меня пересесть к нему в седло. Пересесть мне очень хотелось, но согласиться было почему-то страшно. Потом, когда я уже решилась, было поздно: Сергей Константинович ехал с другой стороны и разговаривал с мамой. Так я и доехала в телеге до базы.

База — пара домиков, несколько палаток и длинный брезентовый навес, под которым варили и ели, — стояла в степи под громадным, посеребренным звездами небом. Около бродили спутанные лошади. Шелестела полынь. Чернела невдалеке юрта.

Теперь я думаю, что именно с тех пор у меня появилась Родина. Во всяком случае, эта степь, небо, палатки, брезентовый навес, лошади и черная юрта — это и стало на долгие шесть лет моей Родиной. Уже кончилась война, уже мне было семь, девять... десять лет, а мы с мамой все путешествовали по казахстанским сопкам.

Мужчин в нашей экспедиции не было. Тогда мне это казалось нормальным, я же не

понимала, что бывает иначе. Теперь часто, приезжая в геологическую партию, заставая там шумную компанию молодых и немолодых бородатых геологов, я вспоминаю ту первую мою экспедицию. Мама была старшей, ей было двадцать восемь лет. Она была начальником, а все остальные девушки-геологи были еще моложе.

Конечно, они мне казались взрослыми. Впрочем, называла я их по именам. Так и до сих пор они для меня остались — Олей, Любочкой, Верой, Симкой, Ритой...

Все ходили в брюках. Я тоже до десяти лет носила комбинезон и куртку. Не помню, кто сшил мне их. Только у мамы среди вещей был ярко-голубой костюмчик, еще с довоенных времен. О нем иногда говорили, вынимали его, разглядывали. Никогда не надевали.

Впрочем, сначала мужчины были. В первый год работал Сергей Константинович. Я, конечно, выделяла его среди женщин как существо единственное и неповторимое. Там, где появлялось его широкое улыбчивое лицо, вскипал смех и шутки. Он каким-то чудом доставал у казахов кумыс и являлся в лагерь с приторoченным к седлу булькающим бурдюком... Тогда на землю стелили плотный, белесый, вымытый дождями брезент. Все садились и ложились по краю его, а Сергей Константинович разливал по жестяным кружкам из своего кожаного мешка белую тихую жидкость. Кумыс был кислым, светился голубым, как вены сквозь кожу, и душно пах полынью. А Сергей Константинович все шутил и смеялся: от кумыса, мол, пьяным становишься.

Потом почему-то на брезенте уже оставались мы с ним одни и лежали среди пустых кружек. И песни пели, и я, взгромоздив голову на грудь Сергея Константиновича, глядела в небо, пока действительно не засыпала...

Помню, как Любочку понесла лошадь. Ее нога, в огромном мужском ботинке, застряла в стремени. И в этот момент лошадь кто-то вспугнул. Она мгновенно вскинулась на дыбы, а Любочка оказалась головой на земле, с застрявшей в стремени ногой. Откуда здесь взялся Сергей Константинович? Кажется, он был далеко, за палатками?.. Он метнулся навстречу лошади откуда-то сбоку, перемахнул через сваленные на землю вьюки и, подпрыгнув с разбега, повис на узде. Лошадь сделала еще несколько прыжков, проволокла его крупное широкоплечее тело и остановилась.

Потом нечто подобное я увидела на Аничковом мосту в Ленинграде. Знаменитая скульптура мне показалась давно знакомой. Я-то знала, что так бывает и на самом деле!..

И все-таки Сергей Константинович был у нас фигурой временной. Это даже я чувствовала. Теперь мне кажется, что он часто задумывался и все прислушивался. Будто до наших сопок за тысячи и тысячи километров мог долететь грохот войны. И действительно он долетал. К нему прислушивались все, а Сергей Константинович скоро ушел на фронт. Уходил он очень просто, прощался обыкновенно. Только на этот раз никто не смеялся. Несколько раз повторили фразу: «Возвращайтесь, Сережа, целым и невредимым».

*

Вслед за Сергеем Константиновичем на фронт уходил Леня. Сколько же ему было лет? Вероятно, семнадцать... или восемнадцать. Все они были молоды, и все они казались мне одинаково взрослыми. Помню, что перед отъездом его мы пошли гулять в горы — Леня, Рита и я. В горах цвели тюльпаны.

Мы, задыхаясь, ползли по уступам, захлебываясь воздухом и удивлением. А тюльпаны — желтые, бордовые, алые — шелестели раскаленными острыми листьями, и я все повторяла: «Ох, Рита!..» — и опять: «Ох, Рита!..» Потом мы примостились на теплых камнях, и Рита, лежа на животе, долго читала вслух какую-то книжку. Может быть, это были стихи... Я тогда еще не вслушивалась, я все смотрела на огромный желтый тюльпан с черным донышком. Заглядывать внутрь его было страшно, как в тигриную пасть. Если не отрываясь глядеть внутрь тюльпанов, они начинают казаться зверями. В них что-то есть от хищников... Я помню, что Рита вдруг громко заплакала...

Меня это удивило, конечно. Я прямо-таки остолбенела. А Леня не удивился. Он лежал рядом и тихо гладил Риту по затылку... Так ли это все было, как я помню? Я, конечно, могу пойти к маме и спросить, так ли это все... Но этого делать, я думаю, не стоит. Было так, как помню я. И было так, как помнит мама. А как было на самом деле, никто не помнит.

Но Риту я помню очень хорошо — у нее были темные косички корзиночкой и крупный мягкий нос. Тогда мне казалась она некрасивой, а сейчас издалека кажется очень хорошенькой. Наверное, она была исполнительной и тихой. Но главное, она пела. Мы с ней вместе пели «Огонек» и «Я на подвиг тебя провожала...». Однажды, когда мы сидели в тени за палаткой, Рита спела мне «Спи, моя радость, усни...». Мама крикнула из палатки:

— Рита! Рита! Что вы сейчас пели? Это же Моцарт!

По странной случайности, мне потом не приводилось слышать эту колыбельную. Сейчас своим детям я пою ее так, как пела мне Рита.

И как Рита еще раз плакала, это я помню тоже.

Это было, когда пришло известие, что Леня ранен. Рита всхлипывала, а сама улыбалась виновато, будто кто-то стоял над ней и укоризненно качал головою...

Помню, что Рита вдруг громко заплакала...

Итак, в экспедиции не осталось мужчин.

Теперь, когда я стала взрослым геологом, мне страшно подумать, какую тяжесть вынесли эти молодые женщины. Попросить помощи им было неоткуда. Мы были одни среди казахстанских сопок.

Но тогда я была маленькой, обо мне все заботились, меня тепло укрывали, мне отдавали вкусное из пайков, и я чувствовала себя в этих крылатых палаточных городках как дома.

*

Мне нравилось все время кочевать. Я научилась на один-два дня располагаться так, будто это на всю жизнь. С тех пор у меня появилось счастливое доверие к месту, где выпало сегодня ночевать. И всегда казалось, что живешь в этом месте сто лет; как будто всю жизнь было так — налево от палатки в пятнадцати шагах натянут на кольях выгоревший брезент, там в чугунном котле с тяжелой деревянной крышкой варят затируху. А дальше — среди высокой полыни — плешина. Здесь расстилают другой брезент, на него садятся по-казахски, ставят на колени миски с едой, а иногда ложатся и ставят миски перед собой. Там после ужина засиживаются до темноты, и посреди черной ночи возникает оазис тихих голосов. Лица обращены к небу, кто-то перечисляет созвездия... (кажется, Оля Белослюдова хорошо знала звезды. Я научилась различать только Большую Медведицу).

Еще дальше, за плешиной, — каменистая тропинка с нависшей скалой. Туда уходят ночью лошади, там река.

И все это надо оставлять.

Вот уже сворачивают брезент, лошадей седлают. Палатки, раньше такие уютные, уныло повисают на кольях.

Сколько раз, глядя на это разрушение, я твердила слова самопридуманных клятв: никогда не забывать, всегда любить!..

А потом меня сажали поверх вьюка на лошадь или на ишака... Иногда на верблюда!..

*

Однажды казахи соседнего аула подарили маме в знак дружбы живую серенькую утку. Утка включилась в нашу кочевую жизнь и чувствовала себя прекрасно. Назвали ее Марьей Ивановной.

Кочевали мы тогда по сухим, безводным местам.

Лето было жаркое, камни раскалились и даже за ночь не успевали остыть. Воду нам возили в большой бочке за несколько километров. Мы с Марьей Ивановной очень страдали от жары. Уходя утром в маршрут, мама наливала нам корыто воды. Целый день мы плескались в этой теплой илистой жидкости, соблюдая строгую очередность.

Но вот как-то вечером, когда мы отыскивали место для новой стоянки, откуда-то из темноты пахнуло сыростью. Рядом была вода. В эту ночь Марья Ивановна исчезла из палатки.

Мы нашли ее утром на болотистом озерке. Переезжать на другое место добровольно Марья Ивановна отказалась. Она считала, что наконец получила законное вознаграждение за свои безводные мытарства. И теперь каждый раз перед очередным перекочевыванием наша экспедиция выходила полным составом на озеро уговаривать Марью Ивановну поехать с нами.

Не оставлять же ее было одну среди сопок!..

Мы зазывали ее ласковыми именами, мы заманивали ее крошками от лепешек и, наконец, устраивали на нее неквалифицированную женскую облаву.

В конце концов Марью Ивановну удавалось поймать и засадить в мешок. Несчастная утка сопротивлялась с таким отчаянием, будто знала, что впереди ее ждут неприятности. Вероятно, крепко ей, бедной, запомнилось корыто с теплой водой, которое приходилось делить с длинноногой девчонкой.

Так продолжалось около месяца.

И вот однажды близ казахского аула на сереньком полузасохшем болоте мы оставили все-таки нашу Марью Ивановну. Мама решила, что ей будет лучше остаться рядом с водой и людьми. Прощание было невеселым. На болоте дотлевала тихая полувысохшая жизнь. Едва-едва шелестела раскаленная трава. Над водой на одиноком стебле качалась худая сонная стрекоза.

Марья Ивановна вышла на берег и долго смотрела на наши сборы. Я боялась ее окликнуть: вдруг бы она решила отправиться с нами!.. Ах, глупая Марья Ивановна! Здесь вода, здесь скоро начнутся дожди.

А мы снова уходим в глухие сопки. У нас впереди жара, раскаленные камни и ненавистное тебе корыто с теплой водой.

Известно, что дети редко находят себе друзей среди взрослых. Взрослые слишком заняты, чтобы дружить с детьми... Я беру взрослых под защиту и утверждаю, что не всегда они заняты суетными делами, как это принято теперь считать. Особенно во время войны.

Моим взрослым было тоже всегда некогда, и я, как и все дети моего тогдашнего возраста, дружила с животными. Утка Марья Ивановна была не единственной моей наперсницей. На базе жила одинокая корова Рябуша, у которой были чудные бархатно-коричневые пятна на боках и мягкие чуткие уши. Мы были друзьями (а ведь я не знала тогда сказку о Хаврошечке).

Стоило мне появиться в поселке, кошки сбегались со всех домов и находили приют в моем спальном мешке. Спальный мешок разбухал, шевелился, мурлыкал, и мама, вернувшись ночью из многодневного маршрута, долго не могла прощупать моего худенького длинного тела.

Но самыми верными, человечными друзьями были лошади.

Между нами было полное взаимопонимание. Лошадиные поступки, привычки, желания мне были внятны и близки. Я понимала их тягу к влажной густой траве, которая росла в низине у реки, и то блаженство, с которым они погружали в нее свои беззащитные морды. Меня волновало их презрение к путам, болтающимся на их тонких чудных ногах. Эти глупые веревки, придуманные моими недоверчивыми занятыми взрослыми, позволяли двигаться только неестественными прыжками.

Сколько раз я улавливала смущение на благородных лошадиных лицах, смущение от этой навязанной им неестественности. Им — грациозным и легким! Весь их вид в эти минуты как бы говорил: «Ну, конечно, мы вам служим, но зачем же унижать нас безобразной неловкостью?»

Я понимала их ночное желание стоять парами, валетом, легко касаясь боками, с человеческой нежностью, положив морды на спину друг другу. Глаза закроют и стоят. Мне было ясно, что так они спят, но удивляло: как это не устают за ночь их длинные ноги?

Мне нравилось их ночное бдение, их широко раскрытые косящие глаза, блестящие в темноте белки, их беспечные, быстро удивляющиеся и быстро забывающие об удивлении уши.

Я привыкла к ночным лошадиным звукам — к сдержанному фырканью, мерному жеванию, глухим прыжкам по траве... Стоило все это услышать за брезентовой стенкой нашей палатки, как на меня нисходили покой и сон... А лошади бродили всю ночь, фыркали где-то у меня в изголовье, спотыкались о веревки, натягивающие палатку... И палатка шумела, как парус.

Они с миролюбивым терпением позволяли мне заплетать в косы их гривы и хвосты...

У лошадей по отношению ко мне было, я думаю, больше снисхождения, чем понимания и привязанности. Они с миролюбивым терпением позволяли мне заплетать в косы их гривы и хвосты. Я ползала у них между ног, а они осторожно переступали копытами, опасаясь задеть меня.

Мне все время казалось, что путы, стяги-

вающие их передние ноги, трут... Я подолгу просиживала на корточках, пытаясь ослабить веревки, и лошади трогали меня влажными губами, терлись о мой затылок своими шерстистыми скулами, а иногда осторожно бодали лбом в плечо.

Чем больше я общалась с лошадьми, тем ревнивее я становилась. Я хотела быть с ними неразлучной. Я не хотела идти спать, мне хотелось смотреть, как стоя спят лошади. Я не хотела идти есть, мне нравилось наблюдать лошадиную застенчивую жадность, как только они добирались до травы и до воды. Я хотела быть конюхом.

И вот однажды...

— Любочка, к маме мне очень неудобно обращаться, она все-таки родственница... Так вот я хочу с вами поговорить...

Так я, подсев к теплой большеглазой Любочке, начала давно мучивший меня разговор. Разговор был действительно не совсем обычный — меня мучило, что я не работаю. И начала я его тоже, как теперь понимаю, не совсем обычно для семилетней девочки...

— Я хочу поговорить с вами, Любочка... Я хотела бы работать!

— А что же ты можешь делать?

Любочка проглатывает улыбку и поднимает круглые брови. Мама всегда говорила про Любочкины глаза — «очи». И лицо у нее загорелое, круглое, как луна...

— Да вот, я могла бы варить...

И тут я представляю себе наш огромный черный котел. Он всегда напоминал мне какую-то деталь от паровоза, а может быть, и сам паровоз. Я вспоминаю его тяжелую, всегда мокро-горячую крышку, до которой я достаю, только поднявшись на цыпочки, и поспешно добавляю:

— Или лучше конюхом!..

Чем кончился этот разговор, не помню. Я заснула. Время было позднее. Запомнилось: то ли склонилось надо мной освещенное костром милое Любочкино лицо, то ли вынырнула из-за палатки луна... Заманчиво клокотала затируха в нашем паровозо-котле. Ни поваром, ни конюхом я, конечно, не стала.

❇

Будут ли мои дети любить стихи?

Я часто думаю об этом, поглядывая на стены своей комнаты, обернутые стеллажами с книгами. Может быть, дело не в стенах и не в стеллажах? Может быть, для этой любви только и нужен тот маленький томик Пушкина в картонном переплете, который сопровождал меня в детстве...

Он был обернут в кальку и ездил во вьюках среди моих и маминых вещичек около четырех лет. Принадлежал, конечно, Любочке, но отдан был мне. Это были сказки и «Руслан и Людмила»...

Недавно читала я сыну стихи. Именно Пушкина... Точнее, «Руслана». Происходило это на прогулке, осенью, вечером... Мы шли по тихой мокрой улице, и я читала ему наизусть главу за главой.

Мне очень хотелось объяснить ему тогда, что эти стихи помню с шести лет, что вычитаны они из того самого в ь ю ч н о г о томика.

Стихи в нашей экспедиции любили. Читала их Любочка. Впрочем, нет, читали все — по кругу, точнее, от стенки к стенке. Бывало это вечерами, даже ночами, когда не спалось. В палатке было черно, как под осенним небом. Все лежали в спальных мешках и различали друг друга только по голосам. Начинала моя мама, которая располагалась у левой стенки палатки. Она читала «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...». В груди начинало щемить. И что мне Смоленщина!.. И что мне Россия!.. Я и слов-то таких не слыхала тогда. Я знала только о войне. Да и то!.. О войне говорили у нас редко. Она просто жила среди нас, как невидимая, непонятная, но всегда с нами. Мы с мамой и... война. Любочка и... война. Лида-чертежница и... война.

Потом вступала Любочка со своей шутливо-таинственной программой. Она читала «Королева Британии тяжко больна...» и «Сеттер Джек». Это было уже совсем непонятно, но я почему-то никогда не спрашивала, про что стихи... Стихи — это стихи... Когда их читают, все понятно, пусть я никогда не слышала о Британии, да и о королевах мне рассказывали редко.

Что читали остальные, я не помню. Зажатая в темноте между мамой и Любочкой, я боялась перевести дыхание или перевернуться на другой бок.

Я росла в глуши. У меня не было книг, меня не водили в балет или кукольный театр. Эти полуночные чтения взрослых стихов (хотя кто это придумал, что стихи имеют возраст!) и томик Пушкина были для меня единственным воспитанием на долгие годы.

Было и еще одно событие.

Как-то раз мои изобретательные подруги подарили мне книжку-самоделку. Это было в мой день рождения. Книжка была как настоящая — большого размера, с картинками...

На плотной чертежной бумаге Лида вывела своими причудливыми буквами стихи Маршака. Вероятно, их чудом восстановили по памяти мои молодые женщины.

Буквы разбегались по страницам, как горсти черных божьих коровок. Стихи были заключены в витиеватые рамки. К каждому были нарисованы картинки, причем они чудесно блестели, смазанные сверху канцелярским клеем.

Эта книжка, изрядно потрепанная, хранится у меня до сих пор. До сих пор, читая стихи, я слышу Любочкины загадочные интонации.

Так шло мое детство. Как все дети, я не подозревала, что можно жить иначе.

СТИХИ Е. КУМПАН

*

Ночью, никем не прошенные,
как сны, с четырех сторон
меня обступают лошади.

Их шаг осторожен и тих.
За тонкою стенкой палатки
я чую дыхание их.

Так чувствуют спящих вокруг,
так в темноте угадывают
движенье любимых рук.

Меня окружают лошади,
словно ночной пароль,
шуршат по траве некошеной.

Ладонь протяни и коснись...
Всю ночь до рассвета лошади
нажевывают мне сны.

Нажевывают, нафыркивают,
натаптывают по траве
и дарят подкову с дырками.

*

Спим, кажется, спим...
Или, может быть, в седлах
качаемся?
Косяки лошадиных спин
где-то там в темноте кончаются.
Сколько снов оставляем
сзади...
Возвращаться бы не пришлось!
Только ветер трогает пряди
наших свесившихся волос.
Только небо трогает лица,
на губах шелестит.
Пусть приснится вам,
пусть приснится
разговорный цокот копыт!
А дорога расходится стами
верстами. Спим. Веки в пыли.
И чуть-чуть качает под нами
сбитую спину земли.

*

Ложусь на землю у огня,
и в жилах сон течет.
И затекает у меня
одно плечо.

И затихает звон в ушах,
и сердце тает.
И вся из угольков душа
к рассвету затухает.

И пальцы у меня в смоле,
и дождь за ворот льет...
И так удобно на земле,
что в пору стать землей.

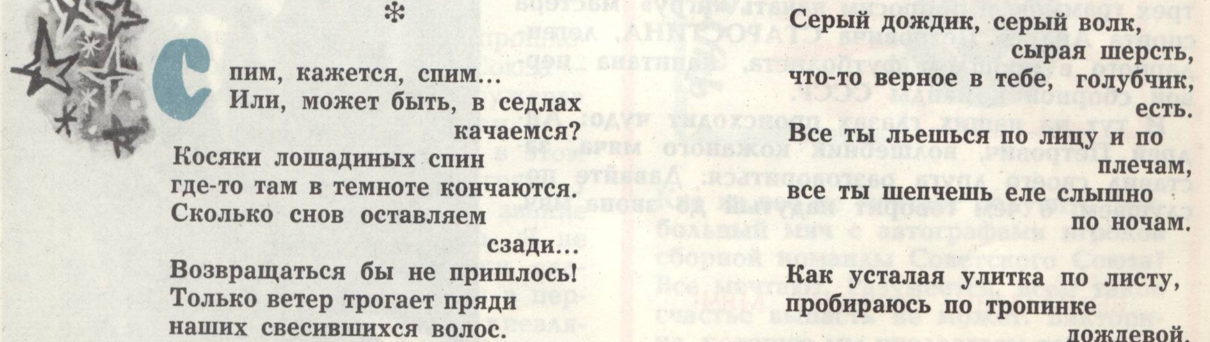
ДОЖДИК

Мы с тобою ходим-
шелестим...
Ежедневно — от шести и
до шести.
Еженощно нас с тобой не
разлучить,
по походке нас не различить.

Серый дождик, серый волк,
сырая шерсть,
что-то верное в тебе, голубчик,
есть.
Все ты льешься по лицу и по
плечам,
все ты шепчешь еле слышно
по ночам.

Как усталая улитка по листу,
пробираюсь по тропинке
дождевой.
Мои волосы струятся по лицу,
мои слезы перемешаны с водой.

И следы мои струятся из-под
ног,
и слова мои — всего лишь
мокрый шум.
И земля мне — как сырая ночь:
погружаюсь, с головою ухожу.

Сегодня в клубе «Три мяча и шайба» выступает футбольный мяч

В футболе все начинается с центра. Игра. Разочарование. Ожидание победы.

Так давайте же поставим на центр пятнистый олимпийский мяч, который по судейским правилам должен весить не меньше трехсот девяноста шести и не больше четырехсот пятидесяти трех граммов, и попросим начать «игру» мастера спорта Андрея Петровича СТАРОСТИНА, легендарного в прошлом футболиста, капитана первой сборной команды СССР.

И тут на наших глазах происходит чудо: Андрей Петрович, волшебник кожаного мяча, заставил своего друга разговориться. Давайте послушаем, о чем говорит надутый до звона мяч.

Андрей Петрович Старостин.

Фото Д. ФАСТОВСКОГО

ВНИМАНИЕ: ГОВОРИТ МЯЧ!

— Все обижаются на меня и клянут за своенравный характер. Не отказываюсь, я трудно схожусь с командами, которые жаждут легкой победы. Не очень я жалую тех, кто любит больше бить по чужим ногам, чем по мячу. От таких горе-игроков убегаю, как говорится, сломя голову.

Но сегодня, в теплый майский день, не хочется вспоминать о футбольных грубиянах. У меня отличное настроение: начался очередной тридцатый футбольный чемпионат страны.

Мне не так уж мало лет, хотя выгляжу я молодо. Тридцать один год меня выносят судьи на футбольное поле. Как видите, возраст у меня солидный и есть что вспомнить.

До начала чемпионата я побывал и на юге и в залах московских команд «Спартак», «Торпедо», «Динамо», ЦСКА и «Локомотив». Эти команды хотят вернуть московскому футболу былую славу. Они поняли: побеждает тот, кто умеет за мячом побегать! Терпеть не могу, когда футбол путают с туристским походом.

Я порою задумываюсь: мог бы я отличить с закрытыми глазами, скажем, московский «Спартак» от московского «Динамо»? Скажу, не хвастаясь, мог бы!

Спартаковцы и торпедовцы обращаются со мной так нежно, что я даже не

знаю, в какой момент я попаду в чужие ворота, они как бы боятся расстаться со мной, плетут, как говорится, «кружева» передач.

А футболистам ЦСКА и «Динамо» лучше не подставлять бока: так намнут, что потом неделю отлеживаешься на складе и приводишь себя в порядок! Тренеры говорят, что эти игроки любят футбол атлетический. Что правда, то правда! Попробуйте оказаться на бутсе Альберта Шестернева, Пономарева, Валерия Маслова или Аничкина, и вы сразу узнаете, почем фунт лиха.

Но больше всего мне нравятся прошлогодние чемпионы Советского Союза — киевские динамовцы. Они и «кружева» плести умеют и играют атлетически.

И все-таки трудно придется им в этом году, все будут стараться выиграть у сильнейших. Отстоять почетное звание чемпиона не легче, чем завоевать. Я не люблю предсказывать, но все-таки скажу: чемпион этого года находится в первой шестерке команд. Станут ли киевляне снова чемпионами? Посмотрим!

И еще меня беспокоят болельщики, и в первую очередь вы, ребята. Частенько слышу я во время игры мальчишеские голоса: «Бей его!», «Дави-и-и!», «Сапожники!» Мне кажется, так могут кричать те, кто совершенно не разбирается в игре. Конечно, стадион не театр, невозможно молчать, когда твоя команда забивает или, наоборот, пропускает гол. Но нельзя все свое внимание обращать только на меня. К примеру, бегу я впереди игрока, и все глядят только на него, никто не следит за другими футболистами. А ведь они перемещаются, занимают выгодные позиции, ждут меня. И я тоже не дремлю, пулей лечу к игроку, который готов принять меня. А многие на трибунах не успевают уследить за мной и потом не могут вспомнить, как был забит гол. Тот не болельщик, кто не умеет следить за всеми игроками. Без этого не поймешь тактический замысел тренера, не раскусишь схему игры команды.

Футбол, ребята, полон загадок и тайн. Ведь бывает так: игра подходит к концу, казалось бы, все ясно, даже спортивный комментатор уже объявил: матч выигран. И вдруг за пять секунд до конца игры я влетаю в ворота, и результат встречи меняется. В такие моменты я всегда радуюсь: люблю тех, кто не сдается до финального свистка...

Ой! Начинается игра... Прощайте, ребята. Лечу, и не спрашивайте, в какие ворота я сейчас попаду. Честное слово, я и сам не знаю...

Рассказ подслушал и записал
Вячеслав СТЕРИН

Кто из вас не мечтает получить футбольный мяч с автографами игроков сборной команды Советского Союза? Все мечтают. Разумеется, всем такое счастье выпасть не может. Викторина, которую мы предлагаем тебе, наш читатель, не из легких. Зато наградой тому, кто правильно ответит на все вопросы, будет мяч.

Вооружившись карандашом, напряги свою память, призови на помощь фантазию, весь свой дар угадывать и ответь на такие три вопроса:

КТО в нынешнем чемпионате займет три первых места?

КАКАЯ команда будет победительницей в своей подгруппе?

КОГО назовут лучшим игроком сезона?

Ответы посылай в редакцию не позже 1 июля.

В Лужниках под трибунами

Прославленные московские Лужники! Даже тот, кто никогда не бывал в столице, благодаря кино и телевидению представляет себе огромную чашу стадиона, его образцовое зеленое поле, на котором сражались команды почти всех стран мира.

Но знаете ли вы, что творится под трибунами Лужников? Там находится целый город. По длинным коридорам-улицам снуют мотороллеры, велосипеды, легковые и даже грузовые автомашины.

Пока мы искали тринадцатый зал, в котором тренируется команда «Торпедо», обладатель Кубка СССР 1968 года, мы посмотрели тренировки прыгунов с шестом и спринтеров, успели заглянуть туда, где готовятся будущие силачи Жаботинские и Власовы.

И когда, потеряв голову, мы уже думали, что никогда нам не разобраться в лабиринтах подземного спортивного города, мы вдруг услышали глухой стук. Ура! Это стучат мячи, ударяясь о пол и стены. Так и есть — перед нами дверь, на ней цифра «13».

Мы переступили порог зала, залитого солнцем. Первое, что бросилось в глаза,— вратарь, стоящий в нарисованных воротах. Справа и слева от него лежали маты. Вратаря хладнокровно «расстреливали» юноши в синих тренировочных костюмах. Глядя на них, я невольно вспомнил фразу из знакомого фильма: «Я еще не волшебник, я только учусь...» Будущие волшебники учились неистово. Удары с левой, с правой, с места, с поворота, с ходу! И все эти удары отражал восемнадцатилетний вратарь Витя Балашов, с непостижимой цепкостью вытаскивал он «мертвые» мячи из углов, из девятки.

Вдруг к мячу подошел игрок в полосатой футболке, разбежался и... Вратарь растерянным взглядом проводил отскочивший от стенки мяч. Гол!

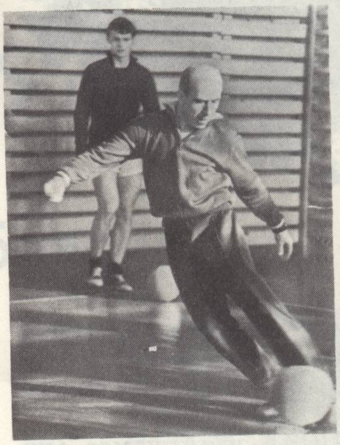
— Валерий Воронин остается Ворониным,— с гордостью сказал второй тренер «Торпедо» Борис Батанов.— Вы заметили, какой ногой он пробил?

— Левой!

Поврежденной ногой! А вы знаете, чего стоило Валерию вернуть спортивную форму?

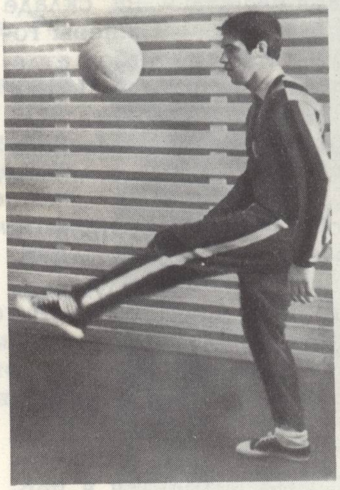
И мы узнали о подвиге спортсмена. О том, как он победил самого себя. Наверно, не стоит рассказывать вам о Валерии Воронине. Бомбардира знают все наши болельщики. Слава его шагала по стадионам Европы и Южной Америки. Его боялись защитники Испании и Бразилии, Португалии и Венгрии.

И вот 30 мая 1968 года все оборвалось. Автомобиль, которым управлял Валерий, попал в катастрофу. Несколько суток Валерий был без сознания. Шесть раз за это время врачи констатировали: клиническая

Борис Батанов готовится пробить по воротам.

Вот Валерий Воронин. Видите, как свободно работает он левой ногой.

смерть! Но они делали все, чтобы спасти Воронина. И наконец смерть отступила. Воронин был спасен. Но после нескольких переломов, после сотрясения мозга какой может быть футбол?

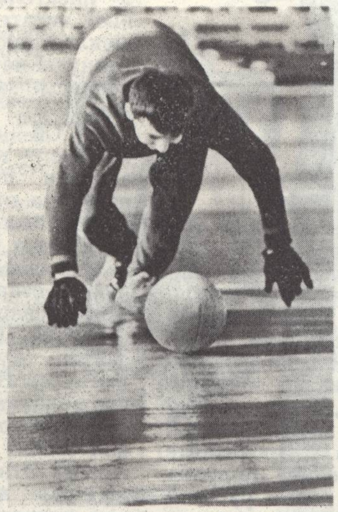
Однако Валерий решил не сдаваться. Кроссы, гимнастика, акробатические упражнения, во время которых хотелось стонать от боли. И наконец первые удары по мячу. И вот результат: Валерий снова в хорошей спортивной форме.

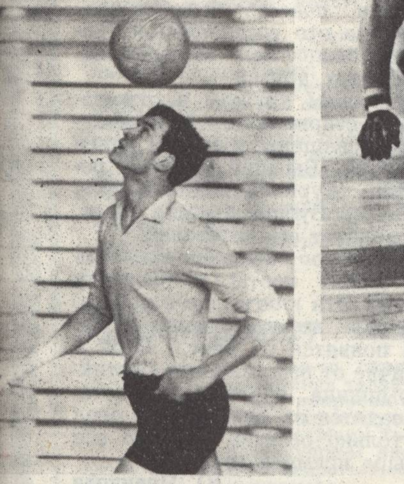
Стучат и стучат мячи. Но какая же тренировка без шутки? И Батанов предлагает «розыгрыш». Вратарь может пропустить только три мяча из пятнадцати. Пропустил больше, становись на четвереньки и кати головой мяч через весь зал к нападающим. А если нападающие не забьют четыре мяча из пятнадцати, тогда они станут на колени.

Когда мы уходили из зала, Витя Балашов, пыхтя, подталкивал мяч головой.

Борис Батанов пригласил нас на следующую тренировку — футболисты будут играть в хоккей с шайбой. Видно, команда «Торпедо» не удовлетворилась бронзовой медалью и Кубком Союза ССР. «Волшебники» учатся всерьез.

Давно ли Володя Бутурлакин гонял мяч во дворе? Теперь он играет в команде «Торпедо» и в юношеской сборной страны.

А это Витя Балашов. Можно посочувствовать ему: пропустив в ворота больше трех мячей, он готовится головой катить мяч к нападающим.

Рисунки А. БОРИСОВА

„СЕКРЕТЫ КОЖАНОГО МЯЧА"

Май — самая горячая пора для тех, кто мечтает выйти в финал всесоюзного розыгрыша приза «Кожаный мяч». Каждый игрок дворовой команды мечтает постичь секреты Большого футбола. Мы идем вам навстречу. Итак:

СЕКРЕТ ПЕРВЫЙ. Оборудуйте футбольное поле. Длина его — 90 метров, ширина — 60. Верхняя штанга ворот должна быть в двух метрах от земли, а расстояние между боковыми штангами шесть метров.

СЕКРЕТ ВТОРОЙ. Подружись с мячом. Для этого научись бить подъемом ноги и головой. Сначала освой удар серединой подъема, потом внутренней и внешней частью его. При ударе не отклоняйся назад.

Добивайся, чтоб мяч «приставал к ноге». Бей сначала по неподвижному мячу, потом отрабатывай удары по катящемуся, а уж потом по летящему мячу. Старайся бить с обеих ног. При ударе головой старайся смотреть на мяч, не зажмуривая глаз. Голову под мяч не подставляй, а, отклонив корпус назад, старайся ударить по мячу головой.

СЕКРЕТ ТРЕТИЙ. Разучи приемы остановки мяча. Запомни: катящийся мяч останавливают подошвой, круто падающий — бедром, а высоко летящий — грудью в прыжке. Если мяч падает сверху отвесно, подними ему навстречу подъем ноги и, коснувшись мяча, опусти ногу. Если мяч быстро катится по полю, подставь ему навстречу расслабленную ногу и немного оттяни ее по направлению движения мяча. Мяч должен «приклеиться» к ноге.

СЕКРЕТ ЧЕТВЕРТЫЙ. Учись вести мяч, толкая его подъемом ноги. Увеличивая скорость бега, увеличивай заодно и силу толчка. Заодно разучи вбрасывание мяча из-за боковой линии: бросай из-за головы, не отрывая ног от площадки.

СЕКРЕТ ПЯТЫЙ. Учись отбирать мяч у противника. Наиболее верный способ — подкаты. Выбивай мяч броском в шпагате из-под ног противника. Можно совершать подкат броском вперед к мячу обеими ногами. Но смотри не ударь противника по ногам. За это судья оштрафует тебя.

СЕКРЕТ ШЕСТОЙ. Разучи простейшие финты для обмана противника. Знаешь, как делать ложный замах? Противник выставил ногу, чтобы преградить путь мячу. Замахнувшись, не спеши ударить, лучше толкни мяч в сторону и гони его дальше. Если у тебя мяч, а противник бежит на тебя, ты можешь в последний момент поворотом стопы откинуть мяч в сторону. Умеешь ли ты «убирать мяч» под себя? Для этого, выманив на себя противника, придержи мяч сверху подошвой, а потом продолжай движение.

Эти секреты раскрыл нам мастер спорта, заместитель начальника всесоюзного штаба «Кожаный мяч» МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ СУШКОВ.

...е, книжки смешные, и книжки

КНИГИ УЖЕ В ПУТИ...

Что обещают тебе писатели Литвы

Писатель Ластик-Перышкин садился за письменный стол только в ясные осенние дни: золотистая медовость литовской осени настраивала его на рабочий лад. При этом он надевал на ноги деревянные башмаки — клумпы. Клумпы тоже были золотисто-желтые и пахли деревом, напоминая о детстве, о старых сказках...

Правда, клумпы стучали, но это было не так уж важно, хотя бы потому, что Ластик-Перышкин был не настоящий писатель, а придуманный. Его придумал и вывел в своей фантастической повести «Волшебная чернильница» Миколас Слуцкис.

— А что вы сейчас пишете для ребят? — спросили мы.

— Видите ли, я стал теперь «взрослым» писателем, пишу толстые романы. Но о своих читателях-ребятах я не забываю и никогда не забуду. По-прежнему я придумываю для них сказки, хотя бы несколько в год. Недавно у нас, в Литве, вышла моя сказка «Девочка — железные коготки», в ней говорится о любви и преданности. Возможно, что к концу года у меня получится целый сборник сказок... И еще я подумываю о продолжении «Волшебной чернильницы», о новых приключениях героев этой повести Колобка и Колышка.

Колобок и Колышек пришли к Слуцкису из народных сказок, фольклора. Это неистощимый источник тем для многих литовских писателей. И если Слуцкиса привлекают сказки задумчивые, лирические, то Витаутасу Петкявичусу по вкусу веселая, озорная сказка. Прочитайте книгу «Приключения Жолудя» (она переведена на русский язык), и вы, наверно, от души полюбите ее героя — Жолудя.

— Расскажите, пожалуйста, о рукописи, что лежит у вас на рабочем столе,— такой вопрос мы задали писателю Витаутасу Петкявичусу.

— Сейчас я работаю над новой повестью на фольклорном материале,— рассказывает Петкявичус.— Называется она «Глиняный Матвей — король гончаров». Этот Матвей хоть и слеплен из глины, но всегда горячо отстаивает справедливость. Он и ожил-то потому, что увидел несправедливость и захотел с ней бороться...

У Витаутаса Петкявичуса есть верный помощник в работе художник Эдмундо Жяуберис, оба они трудятся рука об руку, вдохновляя друг друга. Когда Жяуберис нарисовал наконец «настоящего» Жолудя, Петкявичус повесил этот рисунок над своим столом и, глядя на лукавое мальчишеское лицо, стал писать новые главы повести.

Народные сказки вдохновляют и поэта Мартинаса Вайнилайтиса, автора «Свирели скворцов», «Дома ежика» и других книг, хорошо известных литовским ребятам.

— Теперь, — сказал Вайнилайтис,— я задумал веселую поэму-сказку о Луне, куда попадает фантастический герой Друлис-Пумпадрулис.

Мартинас Вайнилайтис пишет главным образом для ваших младших братьев и сестер. У писателя Витаутаса Бубниса иной читатель — школьник-старшеклассник. Такого читателя волнуют не сказки, а серьезные вопросы: как достойно жить на земле.

— Об этом,— рассказывает Бубнис,— говорит и моя последняя повесть «Арберона», название это составлено из сокращенных имен четырех неразлучных друзей.

Вопросам дружбы и отношений со старшим поколением будут посвящены и новые книги писателя. Бывший педагог, редактор журнала «Школьник», Витаутас Бубнис хорошо знает, что волнует его читателей.

Вот что обещают написать для ребят поэты и писатели Литвы. Эти книги еще в работе, «в пути», но, несомненно, скоро они появятся на свет... Ведь в отличие от выдуманного Ластик-Перышкина настоящие писатели садятся за письменный стол не только осенью, но и во все четыре времени года.

Ю. Новикова

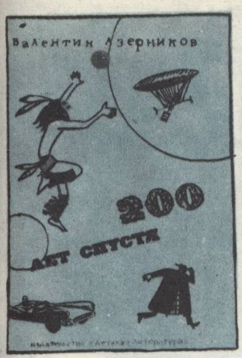
Советуем вам прочитать эти книги литовских писателей, они вышли на русском языке.

Бартушкайте В. «Дневник пионерки».
Борута Казис. «Небо рушится», «Приключения Юргиса Пакетуриса».
Маркявичус Анелюс. «Выстрел в лесу», «Призраки подземелья».
Мерас И. «Желтый лоскут».
Петкявичус Витаутас. «Приключения Жолудя».
Сая Казис. «Деревянные башмаки».
Слуцкис Миколас. «Волшебная чернильница», «Добрый дом», «Дорога сворачивает к нам», «Сигите снится море».

Про книги о...

...и-малышки, и книги большие,

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ЧТО ОН ВНЕЗАПНО ИСЧЕЗ: РАЗ! ДВА! ТРИ!

И тотчас все вокруг резко изменилось.

Тысячи автомобилей, троллейбусов, автобусов, только что бежавших по улицам и проспектам, вдруг как-то сразу осели и остановились. Мчавшиеся по обочине шоссе велосипедисты все как один попадали в кювет. Уже спускавшийся было на аэродроме самолет неожиданно взмыл кверху и вместо посадки начал описывать в воздухе круг за кругом. По электрическим проводам промелькнули ослепительные вспышки коротких замыканий, и мгновенно в домах погас свет, в цехах заводов и фабрик, на стройках остановились все станки, машины и механизмы.

Все это я, конечно, сейчас придумал. Но именно такие необычайные события произошли бы на самом деле, если бы повсюду исчез один удивительный материал, с которым мы сталкиваемся сегодня на каждом шагу, но знаем о котором очень немного.

Этот материал — каучук.

Из каучука делают не только шины велосипедов, автомобилей и самолетов, изоляцию электрических проводов, мячики и шайбы, но и множество всего другого, без чего современный человек не может уже обойтись.

А между тем история этого необходимейшего материала началась лишь немногим более двухсот лет назад. Но какой поистине драматичной была эта история!

В ней соединилось все: опасные путешествия и случайные находки, ночные похищения и таинственные грузы, жизнь в нищете и внезапные обогащения, угрозы войны и освобождение от зависимости. Словом, одного рассказа о происхождении этого материала хватило бы на несколько увлекательных романов.

Однако писатель **Валентин Азерников** сумел вместить всю необычайную и насыщенную событиями историю каучука в одну небольшую книжку. Называется она **«200 лет спустя»**. Начнешь ее читать — и уже не отложишь в сторону, пока не прочтешь до конца.

Очень советую прочесть эту небольшую, но очень интересную книжку.

А. Дорохов

ЛЮБИМАЯ ПАПКА ПРОФ. М. П. КОЛЛЕКЦИАНИ-СОБИРАЙЛОВА

В оперной ложе

Дама из высшего нью-йоркского общества пригласила Марка Твена почетным гостем в свою оперную ложу. Во время спектакля хозяйка без умолку болтала, к великой досаде Марка Твена, которому хотелось послушать оперу.

Когда гости стали расходиться, она обратилась к Марку Твену:

— Я была бы очень рада, если бы вы согласились быть нашим гостем и в следующую пятницу. Вы получите большое удовольствие. Пойдет опера «Тоска».

— Весьма польщен,— ответил Клеменс [1]. — Я уверен, что никогда не слышал вас в этой опере.

Поклоннику таланта

Как-то один из поклонников таланта Марка Твена попросил его написать что-нибудь ему в альбом. Марк Твен был в благодушном настроении, с готовностью согласился и написал:

«Живите так, чтобы, когда вы умрете, даже гробовщик об этом пожалел».

[1] Настоящее имя Марка Твена Самюэль Клеменс.

Марк Твен и банкир

Марк Твен терпеть не мог банкиров и всегда смеялся над ними. «Это люди,— говорил он,— которые одолжат вам зонтик, когда сияет солнце, но немедленно потребуют его обратно, как только пойдет дождь». Он рассказал об одном банкире, у которого был стеклянный глаз, сделанный знаменитым парижским ювелиром. Банкир очень этим гордился.

— Мистер Клеменс,— сказал он Твену,— я дам вам пять тысяч долларов, которые вы у меня просите, если угадаете, который из моих глаз стеклянный.

— Конечно, левый,— сказал Твен,— только в нем сохранилась искра человеческой доброты.

Само собою разумеется, что левый глаз был стеклянный.

Детский билет

В конце 90-х годов Марк Твен отправился в Новую Зеландию читать публичные лекции. Поезда ходили там очень медленно. Раз Твен попал на поезд, который невыносимо медленно полз. Когда пришел кондуктор проверять билеты, писатель протянул ему полбилета, которые предназначались для детей. Кондуктор пристально посмотрел на седого старичка с пышными белоснежными усами и язвительно спросил:

— Вот как, значит, вы ребенок?

— Теперь уже нет,— вежливо ответил Марк Твен,— но я был ребенком, когда садился в ваш поезд.

(Продолжение смотри на 75-й странице.)

читайте на этих страницах

...странах, животных и птицах

Приключения Гомера Прайса

Роберт МАККЛОСКИ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

«Задéсный чýпах»

В двух милях от городка Сентерберга, штат Огайо, на развилке дорог номер 56 и 56-А, живет мальчишка по имени Гомер. Отец Гомера — владелец небольшого кемпинга для автотуристов, а помощницей у него мать Гомера. Целыми днями жарит она цыплят, отваривает сосиски и прибирает туристские домики, пока отец заправляет машины бензином или моет их Гомер тоже не остается без дела: он протирает ветровые стекла, а иногда подметает комнаты и помогает матери накормить проезжающих.

Когда же Гомер не в школе, не помогает по хозяйству и не играет во что-нибудь с друзьями, тогда он занимается своим главным и любимым делом: собирает радиоприемник.

Однажды вечером, как всегда, Гомер скатился по перилам лестницы на кухню, открыл дверцу холодильника, взял бутылку и налил молока — в блюдце для Тебби и в стакан для себя. В это время послышались легкие шаги, что-то мягкое задело Гомера по ногам, и он наклонился, чтобы погладить благодарного Тебби... Но это был совсем не Тебби!

Животное, которое увидел сейчас Гомер и которое лакало из блюдечка молоко, вовсе не было кошкой! Вы спросите: а кем же?!. Да, Гомер определил сра-

Перевод с английского Юрия ХАЗАНОВА.

зу — это был скунс, или, как его еще называют, и не напрасно, вонючка!

Гомер чуть-чуть перепугался от неожиданности, но не сделал никакого резкого движения, потому что вспомнил про то, что читал в книжках. Ведь скунсы, или вонючки, если их разволновать, могут разбрызгивать метра на четыре такую жидкость, что не обрадуешься! Ее запаха не выдерживают ни люди, ни животные... Но это бывает только для защиты, а вообще, когда их не задеваешь, они очень дружелюбны, эти зверьки с длинным пушистым хвостом, похожие на хорька.

Пока неожиданный пришелец с аппетитом допивал чужое молоко, Гомеру пришла в голову интересная мысль — приручить его. Он слышал от кого-то, что скунсы очень легко дрессируются. Если, конечно, с ними хорошо обращаться... Итак, Гомер задумал стать скунсо- или вонючковладельцем, а своего нового питомца назвать Аромат. Приняв это решение, он налил еще молока скунсу, а заодно и себе.

Аромат вылакал и второе блюдце, облизал мордочку и спокойно двинулся к выходу. Гомер осторожно пошел следом и обнаружил, что живет Аромат у них под домом, прямо под окном его комнаты.

Несколько дней Гомер обдумывал, как лучше наладить отношения с Ароматом, чтоб и толку было больше и мама чтобы не заругалась.

Каждый вечер, когда никто не видел, он относил Аромату блюдечко с молоком, и не прошло и нескольких недель, как они со скунсом стали закадычными друзьями.

И тогда Гомеру захотелось, чтобы Аромат пришел к нему в гости. Ведь разве плохо, если зверек будет рядом, когда Гомер возится со своим приемником? Конечно, нет. Даже веселей... И вот что Гомер придумал. Он взял старую корзинку и привязал к ее ручке веревку. Это был скунсоподъемник. Потом Гомер опустил корзинку из окна, и тут началось самое трудное: нужно было приучить Аромата по свистку забираться в корзину. Но и этого добился настойчивый дрессировщик, и наступила минута, когда Аромат, поднявшись на «лифте», очутился в комнате Гомера. Находясь в гостях, Аромат большую часть времени спал на своем любимом месте — в маленьком чемодане из-под инструментов. Гомер же усиленно трудился у стола, заваленного отвертками, пассатижами и радиолампами.

В один из вечеров Гомер сказал:

— Ну вот. Еще один проводок припаять — и все. Приемник готов. Поставлю новые лампы — и можно пробовать...

Аромат приоткрыл один глаз, но больше ничем не проявил своего интереса, даже когда приемник действительно заработал и голос диктора произнес:

— ...Еще сообщаем, что Н. В. Блотт из Сентерберга стал обладателем главного приза — две тысячи долларов — в конкурсе на лучшую рекламу «Крема для бритья». Конкурс проводился фирмой «Дреггз»...

— Ой, я знаю, этого Блотта! — сказал Гомер.— Он живет неподалеку от дядюшки Одиссея.

Аромат же оставался безучастным даже в тот момент, когда диктор объявил, что на следующей неделе будет транслироваться специальная программа прямо с центральной площади в Сентерберге — вручение победителю двух тысяч долла-

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ров и двенадцати бутылок с «Кремом для бритья» за лучшую рекламу этого крема. Награду вручит сам мистер Дреггз...

— Слышишь, Аромат? — сказал Гомер.— Передача из нашего Сентерберга. Надо обязательно поехать и посмотреть!..

И вот торжественный день наступил, и Гомер отправился в город на велосипеде.

Сначала мистер Дреггз произнес речь о том, что благодаря мистеру Н. В. Блотту и его таланту будущее крема для бритья видится в самых радужных красках. Затем он зачитал строки, которые принесли их автору первый, и единственный, приз:

«Друзья, от крема для бритья
В восторге ты, и он, и я!
Его наносишь тонким слоем —
И чувствуешь себя героем!»

После этого мистер Дреггз вручил победителю чемоданчик с двумя тысячами долларов и с двенадцатью бутылками крема для бритья—того самого, от которого все должны приходить в восторг. Гомер обратил внимание, что этот чемоданчик как две капли воды похож на тот, что стоит у него в комнате на полу и в котором так любит спать Аромат.

Тем временем Н. В. Блотт сказал несколько слов перед микрофоном, и передача закончилась. И тут вперед вышли четверо мужчин, и один из них проговорил:

— Одну минуту!..

А другой добавил:

— Если позволите...

Третий же взял из рук Н. В. Блотта чемоданчик с деньгами и кремом.

Все были поражены — мистер Дреггз, Н. В. Блотт, диктор, звукооператор и многие другие. Они были поражены, а также напуганы, потому что у грабителей в руках были пистолеты и даже автоматы. Но раньше чем кто-либо пришел в себя от изумления и страха, четверо мужчин скрылись... Да, они вскочили в машину и исчезли из виду задолго до того, как местный шериф воскликнул:

— Эй, люди, я объявляю тревогу! Мы отправимся в погоню!.. Я не допущу, чтобы в нашем городе безнаказанно действовали вадиоророры... то есть, я хотел сказать, радиоворы!..

В тот же вечер за ужином Гомер рассказал родителям о том, что произошло сегодня в городе. Потом он помог матери убрать посуду и отправился к себе в комнату, куда через некоторое время был поднят в лифте-корзинке его молчаливый собеседник Аромат.

Наступил час последних известий, Гомер включил радио и услышал, что «недавнее ограбление поставило полицию в тупик. След грабителей потерян. Мистер Н. В. Блотт предлагает половину выигранных денег и шесть бутылок с кремом тому, кто поможет вернуть утерянную награду».

Но Гомер был разумный малый и поэтому решил вместо того, чтобы понапрасну мечтать о поимке воров, просто пойти и лечь спать: ведь завтра суббота, и он собирался чуть свет отправиться на рыбалку.

Он проснулся на рассвете, натянул штаны, поел наскоро овсяной каши, разыскал свою удочку и вышел на улицу. Здесь он тихонько свистнул — хотя это было излишним: Аромат уже поджидал его в корзинке возле своей норы. Гомер привязал корзинку к багажнику велосипеда, и они двинулись по дороге.

Все утро просидел Гомер с удочкой в руках, но напрасно: рыба в этот день ни разу не клюнула.

В обратный путь они с Ароматом отправились не извилистым берегом, а прямиком через лес, по старой, давно не езженной дороге. Не прошли они и полмили, как услышали какие-то голоса, и Гомер мог бы с уверенностью сказать, что запахло жареной грудинкой. Это показалось ему странным—не жареная грудинка, нет, а то, что кто-то надумал поехать по этой заброшенной дороге. Из кустов выглядывал блестящий бок автомобиля. И тогда Гомер решил разузнать, что там за люди.

Когда они с Ароматом подкрались и выглянули из-за большого валуна, то увидели четырех мужчин. «ГРАБИТЕЛИ!» — сразу мелькнуло в голове у Гомера. И действительно, это были они. На земле рядом с ними лежал раскрытый чемодан — в нем две тысячи долларов и двенадцать бутылок с кремом. Грабители, видно, только что проснулись и собирались закусить: над костром жарилась грудинка, а щеки у них были в мыльной пене.

Гомер так разволновался, увидев совсем рядом с собой настоящих грабителей — стоило протянуть руку, и он мог почти коснуться их намыленных щек, он был так возбужден, что совершенно позабыл об Аромате.

А тем временем Аромат смело вылез из-за укрытия и двинулся прямо к раскрытому чемодану с деньгами. Ведь этот предмет был так похож на тот чемодан в комнате у Гомера, в котором Аромат провел не один приятный вечер, пока его хозяин возился со своим приемником. Аромат забрался в чемодан, свернулся клубочком на денежных пачках и моментально уснул. Грабители же ровно ничего не заметили, потому что были заняты бритьем и давалось им это отнюдь не легко: у них было всего лишь одно зеркало, а бриться они желали все одновременно.

— Хочу уж поскорей закончить бритье,— сказал один из них,— и попробовать наконец этот знаменитый крем, который наносишь тонким слоем — и чувствуешь себя героем.

Второй грабитель (он стоял скособочившись, потому что так удобнее было бриться, а еще оттого, что у него разыгрался радикулит после ночевки в лесу), этот грабитель с трудом выпрямился, повернулся... и тут он заметил Аромата.

— Эй, глядите! — сказал он.— Улегся на наших деньгах, как на своих. Какой наглец!

Все обернулись, увидели Аромата и были очень удивлены.

— Это, друзья мои, не наглец,— сказал третий грабитель,— это млекопитающее семейства куниц, отряда хищных, то есть «мефитис мефитис», а в просторечии скунс, или попросту вонючка.

— А мне наплевать,— сказал менее образованный грабитель,— мефитис это или вонючка... Пусть он не валяется на наших деньгах. Не то я приготовлю из него жаркое!

И он взял свой пистолет и прицелился в Аромата.

— Я бы не делал этого,— сказал грабитель с высшим образованием.— Выстрелы могут привлечь полицию.

После этих слов грабители насадили кусок грудинки на палку и попробовали выманить Аромата из чемоданчика. Но Аромат только фыркнул несколько раз и продолжал спать.

Тогда четвертый грабитель поднял камень и сказал:

— Думаю, это его немного испугает...

Камень просвистел в воздухе и с треском влетел в чемодан. Тррах! Он не попал в Аромата, но зато добрая половина бутылок с кремом разлетелась на кусочки, и воздух наполнился его резким запахом... Но этот запах был ничто в сравнении с другим — с тем, который испустил разозленный Аромат и от которого хотелось закрыть глаза и не дышать!.. Выдержать его было невозможно!

Грабители с криком разбежались кто куда, и Гомер едва успел отскочить за кусты и лечь там, чтоб его не увидели. Шум стоял такой, что Гомер мог смело посвистеть Аромату. И Аромат услышал знакомый свист и прибежал к Гомеру. Но Гомер не стал брать зверька на руки: это было невозможно. Просто он помчался через лес к тому месту, где оставил велосипед, и Аромат бежал за ним, постепенно теряя свой запах.

Обратный путь они проделали в рекордное время.

Дома была только мать. Отец уехал в дальний город за покупками и собирался вернуться лишь позд-

но вечером. Гомер уже хотел было рассказать матери обо всем, что сегодня видел, как вдруг она сказала:

— Что это? Кажется, запах скунса? Надо сказать отцу, когда он вернется. От этого животного необходимо немедленно избавиться, иначе люди не захотят останавливаться в нашем кемпинге...

И тогда Гомер очень испугался за Аромата и решил ничего не говорить. По крайней мере матери... А отцу обязательно расскажет... Хотя грабителей и так поймают... Без них... Гомер в этом не сомневался. Ведь все книжки так кончаются...

Около восьми вечера, когда уже стемнело, в ворота кемпинга въехала машина, и из нее вышло четверо путешественников.

— Хотим заночевать у вас,— сказали они.— Нам нужна большая комната.

— Пожалуйста,— ответил Гомер.— Пойдемте за мной.

И он проводил их к туристскому домику.

— Думаю, вам здесь будет хорошо,— вежливо, как его учил отец, добавил он.— Пожалуйста, четыре доллара задатка.

— Вот тебе пять, парень,— сказал один из путешественников.— Сдачи не надо.

Гомер поблагодарил, сунул деньги в карман и выбежал из комнаты, потому что со стороны бензоколонки слышались настойчивые сигналы — кто-то очень спешил заправиться...

Гомер уже собрался положить пятидолларовую бумажку в кассовый ящик, как вдруг ему почудился знакомый запах. Запах этот был смешанный... Пахло наполовину кремом — тем, который «наносишь тонким слоем», наполовину Ароматом... Откуда идет запах? Гомер понюхал свой рукав, пальцы...

Все стало ясно: эти четверо — грабители! Как он сразу не догадался?! Наверно, потому что у них низко надвинуты шляпы.

Теперь уже Гомер знал, что делать: он позвонит в город шерифу и все расскажет. Гомеру было хорошо известно, где застать шерифа в это время — конечно, в сентербергской парикмахерской; там он каждый субботний вечер играет в шашки и толкует с друзьями о политике.

— Алло,— громким шепотом сказал Гомер, когда шерифа наконец подозвали к телефону.— Вы слышите? Эти грабители остановились на ночь в нашем кемпинге... Все четыре, да... Слышите?.. Почему бы вам не приехать и не забрать их?

— Разрази меня гром! — сказал шериф.— А день-

ги и эти... кутылки с бремом... то есть, я хотел сказать, бутылки с кремом, тоже там?

— Да, да,— ответил Гомер.— Все с ними.

— И оружие, наверно? Много? — спросил шериф.

— Ой, точно не знаю,— сказал Гомер.— Не кладите трубку — я сбегаю и посмотрю...

Он выскользнул из дверей и подкрался к домику, который отвели четырем грабителям. Он осторожно заглянул в окошко и увидел, что грабители собирались ко сну, как самые обыкновенные люди. Они раздевались, и повсюду были разбросаны их брюки и рубашки, а также пистолеты и даже один автомат.

Гомер помчался обратно к телефону и прошептал в трубку:

— Там, наверно, штук десять, если не больше!

— Хм, десять, говоришь? — переспросил шериф.— Очень хорошо... Слушай, сынок, что я тебе скажу... Я уже начал стричься, понимаешь?.. Я достригусь, а ты последи за ними. Пускай они заснут, а через часок я пожалую со своими ребятами, и мы их застанем тепленькими... Прямо в постельке...

— Хорошо, шериф. До встречи,— ответил Гомер.

Потом, когда пришла мать, Гомер сказал ей, что пойдет к себе в комнату позаняться с приемником, а сам снова подкрался к окошку, за которым были грабители, и снова заглянул в него. Он увидел, что воры уже легли в свои постели, но пребывали в очень плохом настроении и все время переругивались. По доносившимся к нему словам Гомер понял причину их недовольства: они никак не могли поделить между собой деньги и шесть бутылок с кремом, а главное, боялись уснуть — чтобы кто-нибудь из них не удрал среди ночи с заветным чемоданчиком.

В конце концов они решили улечься вчетвером в одну кровать — так будет вернее: уж если кто-то вздумает сбежать, то обязательно разбудит остальных... Как же иначе?..

Они даже накрылись одним одеялом, положив его поперек. А чемодан с деньгами и кремом лежал у них в ногах.

Они потушили свет, и долгое время было совсем тихо. Гомер уже подумал, что они заснули, как обыкновенные люди, но вот один из грабителей сказал:

— Вы знаете, а не очень-то удобно тут спать.

— Но все-таки лучше, чем в лесу,— сказал второй,— где комары и всякая мошкара.

— И некоторые другие животные,— добавил третий.

— Да, нужно честно признать, что наше теперешнее состояние можно определить словами: и в тесноте и в обиде.

Это сказал, конечно, грабитель с высшим образованием.

— Точно сказано. Не в бровь, а в глаз,— произнес первый.— По-моему, нам уже давно пора срываться в Мексику. Чего ждать, не понимаю? Шум уже прекратился, полицию мы обманули, спать все равно нельзя в таких условиях...

— Не люблю ездить в машине по ночам,— сказал второй.— Это действует мне на нервы.

— И мне тоже,— сказал третий.— Кругом темень, тени... Кажется, что везде прячутся полицейские...

И затем грабители надолго заспорили о том, ехать им все-таки сейчас в сторону мексиканской границы или дожидаться рассвета. Пока они спорили, Гомер усиленно думал. Он понимал, что необходимо срочно что-то предпринять, иначе грабителей может и след простыть, прежде чем шериф прибудет сюда... И Гомер, кажется, кое-что дельное придумал.

Стараясь не производить шума, он покинул свой наблюдательный пост и помчался к дому, к той стенке, под которой находилось жилище Аромата. Гомер тихонько посвистел, и Аромат, как всегда, вылез и забрался в свою корзинку. Гомер вернулся на прежнее место, поставил корзинку возле окна и прислушался.

Четверо на одной постели были так увлечены спором, что не заметили и не услышали, как Гомер протянул руку через низкое окошко и водрузил корзину с Ароматом на табуретку возле окна... Конечно, Аромат сейчас же вылез из корзины и перелез в чемоданчик, стоявший на постели в ногах у грабителей. Ведь там было его любимое место.

— Перестань щекотаться! — проворчал самый долговязый из грабителей, чьи ноги далеко вылезли из-под одеяла.— Что за шутки! С ума сошел?!

Не мог же он знать, что это пушистый хвост Аромата прошелся по его ногам.

— Никто тебя не щекочет! — сказал ему сосед по кровати.— Эй, слушайте! По-моему, опять пахнет этим проклятым животным... Зачем я его не убил тогда в лесу?!

— Да, теперь и я начинаю чувствовать,— сказал третий.

А четвертый потянулся к выключателю и тем временем проговорил:

— Ну, вот вопрос решен! Сейчас оденемся — и вперед, в Мексику. Не оставаться же здесь, чтобы всю ночь нюхать эту вонь!

Он зажег свет, и в тот же момент Гомер собрался с духом и закричал:

— Она будет еще хуже, если вы пошевелитесь! Он сейчас так запахнет — не обрадуетесь! Лучше не двигайтесь!

Грабители, не поняв как следует, в чем дело, и видя, что здесь всего-навсего мальчишка, накрылись с головой и замерли. Они-то, наверно, думали, что

— Как? Прямо в пижамах?! — вскричал один.

— И босиком? — ужаснулся другой.

Но это неприлично! — завопил самый образованный.

— Аромат волнуется, не кричите,— напомнил Гомер.

И грабители прекратили споры и покорно поплелись в ночных пижамах и босые.

Так они и шли: сначала первый грабитель с поднятыми руками, за ним второй грабитель с поднятыми руками, за ним третий грабитель с поднятыми руками, и только у четвертого была поднята одна правая рука, а левая опущена — в ней он нес чемодан с деньгами и кремом. Аромат, конечно, ковылял рядом со своим любимым чемоданчиком, а сзади всех шагал Гомер, и у него были заняты обе руки: в правой он держал пистолет, а в левой — корзину с оружием...

Они вышли на дорогу, промаршировали около двух миль и ступили на главную улицу Сентерберга... Вот и парикмахерская, где в кресле все еще сидит и никак не дострижется шериф, а вокруг его друзья — беседуют и играют в шашки.

Когда шериф увидел, кто подходит к парикмахерской, он прервал на полуслове свои рассуждения о политике и закричал:

— Разрази меня гром, если это не ваши норы... то есть, я хотел сказать, наши воры! Конечно, это они!

И шериф вскочил с кресла, хотя половина головы у него так и осталась недостриженной, и моментально надел наручники на грабителей.

На следующий день в газетах можно было увидеть такие заголовки: «Мальчик и его ручной скунс выслеживают грабителей по запаху!», «Похитители крема обезврежены!..». В последних известиях по радио тоже много говорили об этом.

А родители Гомера сказали ему, что нечего таиться, он может теперь открыто держать своего скунса. Теперь их дело из-за него не пострадает, наоборот, люди со всех сторон будут нарочно приезжать к ним, чтобы взглянуть на Аромата, а заодно заправиться бензином и поесть сосисок.

Вскоре после этого, когда Гомер отправился в

Гомер хочет забрать своего зверька — и все тут... Но Гомер сделал совсем другое!

Если бы только грабители видели, как он начал собирать сначала их оружие и складывать его в корзину, а потом туда же запихнул часть их одежды, а другую часть выкинул за окошко.

Но когда они выглянули из-под одеяла, было уже поздно. На них глядело дуло самого большого пистолета, а тот, кто держал его в руках, говорил:

— А теперь вставайте и руки вверх!.. Близко не подходить! — скомандовал Гомер.

Но они и так старались держаться подальше и от оружия в руках Гомера и от Аромата.

— Мы не хотели этого делать, мальчик... Совсем не хотели,— пробормотал один.— Честное слово!

— Во всем виновато общество, в котором мы живем,— сказал образованный грабитель.— Оно и должно отвечать за нас.

— Да, наверно,— сказал Гомер.— Но шерифа долго нет, и лучше, если мы пойдем ему навстречу. Только не думайте бежать — тут везде полицейские в засаде... Ну, вперед!

Сентерберг постричься, он встретил там шерифа, и тот сказал ему:

— Вот люди говорят, что, мол, от скунса плохой запах... А я утверждаю и буду всегда утверждать: это задесный чупах... То есть, я хотел сказать, чудесный запах!

Пончиковый автомат

Это случилось уже в ноябре, в одну из пятниц, под вечер. Но сначала Гомер услышал, как его мать разговаривала по телефону с тетей Агнессой, женой дядюшки Одиссея — того самого, у которого небольшое кафе в центре города Сентерберга. Мать сказала, что через полчаса заедет за тетей Агнессой, и они вместе пойдут на собрание... Как, на какое?! Неужели Агнесса позабыла, что сегодня в женском клубе обсуждение плана их дальнейшей деятельности, а также занятия кружков шитья и вязания?..

Когда мать положила трубку, Гомер сказал:

— Можно поехать с тобой? Я посижу у дядюшки Одиссея, пока вы с тетей Агнессой будете обсуждать ваши планы.

Разрешение было получено, и после того, как Гомер пригладил обеими руками свой ежик, а мать проверила, не забыты ли учебники по шитью и вязанию, они сели в машину и отправились в город.

Кафе дядюшки Одиссея стояло на единственной городской площади, как раз напротив здания суда. Сам дядюшка Одиссей был человеком с передовыми научными взглядами и пуще всего на свете любил технические новшества. Поэтому помещение его кафе ломилось от автоматических приборов: тут был автомат для поджаривания гренков, автомат для варки кофе, автомат для мойки посуды, автомат для изготовления пончиков.

Тетя Агнесса меньше доверяла технике, и каждое нововведение дядюшки Одиссея она встречала всплеском рук и тяжелыми вздохами. И можно без большого преувеличения сказать, что руки ее почти никогда не опускались вниз, а в воздухе почти не прекращался шелест от вздохов. В перерыве же между вздохами тетя Агнесса ругала дядюшку Одиссея и говорила, что лучше бы он поменьше торчал в парикмахерской и болтал там со своими дружками, и тогда не потребовалось бы тратить столько денег на все эти автоматы и полуавтоматы, будь они неладны — только помогают бездельникам еще больше бездельничать...

Вскоре уже машина въехала в Сентерберг, и мать Гомера остановила ее возле кафе дядюшки Одиссея, откуда сразу появилась тетя Агнесса и, как обычно, воскликнула:

— Боже мой! Как этот мальчик подрос!

Последний раз эти слова она говорила две недели назад.

После чего тетя Агнесса села в машину и уехала с матерью Гомера на собрание. Гомер же вошел в кафе и крикнул:

— Привет, дядюшка Одиссей!

— А, племянник! Как раз вовремя, лучше и прийти не мог,— сказал дядюшка Одиссей.— А я вот, понимаешь, вожусь битый час с этим пончиковым автоматом... Смазываю, разбираю, чищу... Шикарная штука, скажу тебе!

— Ага,— согласился Гомер.

Он взял тряпку и начал протирать металлическую обшивку, ножки, стойки, а также разные штоки, шестерни, цилиндры, желоба и лотки. Дядюшка Одиссей тем временем вооружился разводным ключом и стал копаться во внутренностях машины.

— Ох,— сказал он наконец.—Послушай, Гомер. У тебя, я знаю, хорошая техническая сметка... Видишь вот эти две штуки?.. Куда их надо прикручивать, ума не приложу?.. Вроде они лишние, что ли?.. Посмотри, пожалуйста... А я сбегаю на минуточку в парикмахерскую: очень нужно с шерифом перекинуться парой слов... Ты уж без меня наладь машину... И если кто придет, налей кофе. Ведь ты все тут знаешь...

И уже от самых дверей дядюшка Одиссей добавил:

— Да, Гомер, чуть не забыл... Когда наладишь, тебе не очень трудно будет замесить тесто для пончиков? Рецепт лежит здесь, на шкафу... А потом залей тесто в машину... Вон туда, ты знаешь... После нажмешь эту кнопку — и пошел... Пусть у нас будет небольшой запас пончиков. Ладно?

— Хорошо,— сказал Гомер.— Я все сделаю, не беспокойтесь...

Минут через пять после ухода дядюшки Одиссея в кафе вошел незнакомый человек и сказал:

— Привет, парень!

Гомер в это время как раз определил место для последней детали и уже начал прикручивать ее.

— Здравствуйте, сэр,— ответил он.— Что вы хотите?

— Я бы выпил чашечку кофе и съел несколько пончиков,— сказал вновь пришедший.

— К сожалению, мистер, пончики будут не раньше чем через полчаса. Надо еще замесить тесто и пустить машину. Могу пока предложить сладких булочек. Они тоже вкусные.

— Ладно, парень, спешить мне некуда,— сказал посетитель.— Налей-ка чашку кофе, а пончики я могу и подождать. Свежие пончики стоят того, чтобы их дождаться.

Гомер налил кофе из кофейного автомата.

— А неплохое тут местечко,— продолжал посетитель, оглядывая комнату со всеми ее техническими новинками.

— Да, ничего,— согласился Гомер.— Автоматы что надо!

— Наверно, дела у хозяина идут?—спросил незнакомец, прихлебывая кофе.— Я тоже деловой человек. Имею отношение к сандвичам. Меня так и зовут человек-сандвич. Приходится очень много разъезжать. А вообще-то я Габби.

— Очень приятно, мистер Габби,— сказал Гомер и тоже назвал свое имя.— Рад с вами познакомиться... Это, наверно, страшно интересно — повсюду ездить и рекламировать свои сандвичи.

— Совсем нет,— сказал мистер Габби.— Я не делаю никаких сандвичей... Наоборот — из меня делают... Вешают спереди какую-нибудь рекламу, сзади еще одну... А посередке я... Понятно? Как сандвич...

— Ага,— сказал Гомер. Он уже разыскал муку и дрожжи.— Но все равно интересно... Сколько вы ходите, ездите...

— Порядочно,—сказал мистер Габби.—И на своих на двоих и на поезде. Правда, больше на товарном. На крыше. Понятно?

— Да,— ответил Гомер.— Только это очень опасно, верно?

— А что сейчас не опасно? На чем ни поедешь, все равно только и жди аварии. Возьми, к примеру, самолет... Понятно?

Гомер только собрался ответить, что понятно, как вдруг у дверей кафе остановился шикарный сверкающий черный автомобиль, огромный, как железнодорожная платформа, и из него выскочил шофер. Он открыл заднюю дверцу, и оттуда вышла женщина. Они с шофером зашли в кафе, и женщина сказала:

— Мы бы хотели слегка перекусить. У вас найдется кофе и пончики?

На что Гомер ответил, что с удовольствием, но, к сожалению, он только-только собирается замесить тесто, а потом еще надо включить вот эту машину... Так что кофе, пожалуйста, хоть сейчас, а пончики...

— Какой милый и умный мальчик! — воскликнула женщина.— Просто прелесть. Он даже знает, как делать пончики.

— Ну, я не очень-то знаю,— сказал смущенно Гомер.— Я их раньше не делал. Но у дядюшки Одиссея записан рецепт...

— Ах, милый мой мальчик! — закричала женщина.— Умоляю, разреши помочь тебе... Уже тысячу лет я не делала пончиков — с тех пор, как разбогатела... А я всегда ведь знала такой изумительный рецепт... Просто прелесть.. Позволь мне замесить тесто по собственному рецепту?!

— Но, мем, я не знаю... Дядюшка Одиссей...

— Вы все заговорите по-другому, как только попробуете мои пончики!.. Но дай же мне какой-нибудь передник!

И владелица шикарного автомобиля сняла свое шикарное меховое пальто, сняла часы, браслеты, сдернула кольца и закатала рукава платья.

— Чарльз,— сказала она шоферу,—передай-ка мне дрожжи... Так. А ты, молодой человек, разыщи мускатный орех. Он должен быть у вас на полке!

С этой минуты и Чарльзу и Гомеру некогда было скучать: они беспрерывно что-то приносили, убирали, подавали, смешивали, взбивали или посыпали. Сама женщина тоже не оставалась без дела. И только человек-сандвич, мистер Габби, спокойно сидел на своем стуле, попивал кофе и с интересом взирал на все происходящее. Наверно, бедняге не часто выпадали такие безмятежные вечера.

— Ну вот! — сказала женщина, когда все, что нужно, было наконец смешано, взбито и посыпано.— Тесто готово. Теперь заправляй свою машину, и скоро вы увидите, что я умела делать, когда еще не была богатой.

— Ой, что-то очень много теста получилось! — сказал Гомер.— Никогда не видел, чтобы оно так всходило.

— Вся штука в рецепте,— ответила женщина.

Гомер влез на стул и с помощью шофера стал заправлять тестом пончиковый автомат. Потом он спрыгнул на пол и нажал на боку у автомата кнопку со словом «пуск». И машина заработала. В ее нутре начали штамповаться колечки из теста и одно за другим падать на противень с горячим маслом. Там они подрумянивались с одной стороны, потом переворачивались на другую — и готовая продукция выталкивалась в желоб и аккуратно скатывалась по нему в пончикоприемник.

— Какая милая машинка,— сказала женщина, когда первый пончик выскочил из желоба и ударился о дно ящика.— Просто прелесть. Я куплю десять таких машин.

Она достала первый пончик и угостила Гомера, а другие раздала шоферу и мистеру Габби, и каждого она спрашивала:

— Разве не вкусно, а? По-моему, просто прелесть!

И все соглашались с ней, потому что, и правда, пончики были на славу.

— Старинный семейный рецепт,— с гордостью сказала женщина.— Все дело в том, как замесить тесто.

Гомер налил взрослым по чашке кофе, себе молока, и все присели на высокие стулья у прилавка и с удовольствием закусили.

Но вот женщина поднялась и объявила, что им пора ехать.

— Забирай свой передник, мальчик,— сказала она Гомеру,— и уложи мне в пакет две дюжины пончиков... Чарльз, не забудьте уплатить за них.

Она сняла передник, опустила закатанные рукава платья, надела все свои кольца и браслеты, а шофер накинул на нее шикарное меховое пальто.

— Спокойной ночи, молодой человек,— сказала на прощание женщина.— Я давно не получала такого удовольствия...

И, не попрощавшись с Габби, она вышла из кафе и хлопнула дверцей своего шикарного автомобиля.

А пончиковый автомат продолжал равномерно выбрасывать пончики. Десять... двадцать... тридцать... пятьдесят...

— Пожалуй, довольно,— сказал Гомер.

И он нажал кнопку со словом «стоп». Раздался щелчок, но больше ничего не произошло. Машина не остановилась. В ее нутре продолжали штамповаться колечки из теста и падать одно за другим на противень с горячим маслом. Там они подрумянивались с одной стороны, переворачивались на другую, и готовая продукция продолжала выталкиваться в желоб и аккуратно скатываться по нему в пончикоприемник.

— Интересно,— сказал Гомер.— Что такое? Я ведь нажал правильно.

Он снова надавил на кнопку «стоп», и снова ничего не произошло: автомат продолжал свое дело.

— Может, я не туда прикрутил что-нибудь? — сказал Гомер.— И получилось наоборот?

— Попробуй нажать на «пуск»,— предложил Габби.

Гомер последовал его совету, но это ничему не помогло: автомат по-прежнему автоматически выталкивал пончики.

— Ничего, продадим и эти,— бодро сказал Гомер.— Но все-таки лучше я позвоню дядюшке Одиссею.

Гомер попросил парикмахерскую и, пока ждал ответа, насчитал еще ровно тридцать семь пончиков, скатившихся по желобу в ящик.

Наконец на другом конце провода подняли трубку, и Гомер услышал голос:

— Алло! Марикпахерская... то есть я хотел сказать парикмахерская...

— Здравствуйте, шериф,— сказал Гомер.— Это Гомер Прайс. Я хочу поговорить с дядюшкой Одиссеем. Можно?

— А он как раз играет в карты. Сейчас его ход... Он думает... Ему что-нибудь передать?

— Ага,— сказал Гомер.— Передайте, что я нажал кнопку «стоп», а машина продолжает делать пончики. И никак ее не остановишь!

— О'кей,— сказал шериф.— Не тради клубку... то есть не клади трубку, я сейчас ему все скажу...

Гомер посмотрел через плечо и насчитал еще ровно двадцать два новых пончика, скатившихся по желобу, пока не услышал снова голоса шерифа, который говорил:

— Алло, ты слушаешь? Он сказал, что сейчас придет. Только закончит этот кон.

Уже весь подоконник был заставлен пончиками, и теперь Гомер и Габби носились по кафе и раскладывали новую продукцию по тарелкам и подносам, а когда и там не хватило места, то начали загружать прилавок.

— Да, что-то очень много,— сказал Гомер.— Никогда такого не было.

— Еще бы,— ответил Габби.— Я насчитал семьсот семьдесят семь и бросил. А это было уже минут пять назад.

Снаружи, перед витриной кафе, начали собираться люди, и кто-то сказал, что пончиков тут, наверно, больше, чем населения в городе Сентерберге, и что интересно, как собирается этот хитрец Одиссей все их продать и кому... До того, как они зачерствеют и покроются плесенью?

Правда, время от времени кто-нибудь входил в кафе и покупал два-три пончика, чтобы съесть их тут же и штук десять—двадцать, чтобы взять домой, но пока он это делал, машина выдавала еще раз в тридцать больше.

К тому моменту, когда дядюшка Одиссей и шериф, с трудом протолкавшись через толпу, вошли наконец в кафе, это было уже не кафе, а склад пончиков! Пончиковое царство! Они лежали повсюду.

А новые пончики все продолжали скатываться по желобу в ящик с завидной равномерностью часового механизма.

— Ой, дядюшка Одиссей! — закричал Гомер.— У нас тут не все в порядке!

— Я это вижу, чтоб меня поколотили! — отвечал ему тот.

— Это может случиться на самом деле,— сказал шериф,— когда твоя Агнесса вернется домой... Впрочем, очень неплохие пончики, а?.. Только вот что ты с ними будешь делать?

Дядюшка Одиссей застонал.

— О боже!—проговорил он.—Что скажет Агнесса? Мы ведь их ни в жизни не продадим!.. А почему вы не отключили ток?

— Давно отключили,— сказал Гомер.— Посмотри... Он сам работает. По инерции. Ведь это автомат...

И тут мистер Габби, который с прихода дядюшки Одиссея не сказал еще ни слова, проглотил остаток пончика и произнес:

— Знаете, что вам нужно? Я скажу... Вам нужна хорошая реклама... Человек, умеющий делать рекламу... Поняли меня? У вас есть пончики — и вам необходим рынок сбыта... Чтобы спрос сравнялся с предложением. Ясно? Чтобы не было инфляции, дефляции, не говоря уже о дефиците... В этом все дело. Реклама — двигатель торговли. Пользуйтесь рекламой...

— Правильно! — закричал Гомер, хотя половины не понял.—Мистер Габби прав. Знаете, кто он такой? Он человек-сандвич, рекламный человек! Он может ходить по всему городу и созывать покупателей.

— Считайте, что вы уже на работе, мистер Габби,— сказал дядюшка Одиссей.— С этой секунды вам идет жалованье.

И тут же они быстро написали на картоне два объявления о продаже пончиков и засунули между ними мистера Габби, после чего тот сразу сделался человеком-сандвичем и отправился на работу. А еще одно объявление было вывешено в витрине кафе. Огромные буквы призывали:

«СРОЧНО ПОКУПАЙТЕ ПОНЧИКИ!

РАСПРОДАЖА ПО СНИЖЕННЫМ ЦЕНАМ!

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ РАЗ В СЕЗОНЕ!»

А тем временем нутро автомата продолжало выделывать пончики.

— Вся моя надежда на этого мистера-сандвича,— сказал дядюшка Одиссей, горестно покачивая головой.— Иначе бедная Агнесса упадет в обморок... или не знаю, что будет...

Шериф отправился на улицу поддерживать порядок — такая там собралась уже толпа, и все толкались, чтобы лучше увидеть, как новые и новые пончики выскакивают из автомата и как их укладывают штабелями на столах и стульях, на прилавке и подоконнике.

Но вот вернулся мистер Габби, похожий на сандвич, и сказал:

— Плохо дело, хозяин. От моего хождения по городу и возле кинотеатра толку мало. Все жители, наверно, собрались здесь, около кафе, и глазеют на ваши пончики вместо того, чтобы покупать их.

— Боже! — воскликнул дядюшка Одиссей.— Помоги мне избавиться от этого кошмара, пока не вернулась Агнесса!

А шериф, который только что вошел с улицы, где он не навел никакого порядка, сказал:

— Пожалуй, придется конять налонну... то есть я хотел сказать, нанять колонну... Колонну грузовиков, чтобы вывезти все отсюда.

И тут шум и толкотня на улице еще усилились, послышался автомобильный сигнал, и Гомер первым увидел, как сквозь толпу к дверям пробивается уже знакомая ему богатая леди.

— Вам пончиков? — радостно закричал дядюшка Одиссей.

— Только скысач?—спросил шериф— То есть... я хотел сказать, сколько тысяч?

— К черту пончики! — сказала леди.— У меня пропал бриллиантовый браслет, и я точно помню, что оставила его здесь вот на прилавке.

И она указала на место, над которым возвышался Монблан, нет, Эверест из пончиков.

— Да, мем,— сказал Гомер.— Я тоже помню, что вы его положили здесь, когда помогали замешивать тесто.

— Кто кому помогал, еще вопрос! — сказала леди.— Но сейчас я хочу получить обратно свой браслет!

И они стали сдвигать пончики, перекладывать их на подносы, на сковородки и в ведра, чтобы поскорей найти этот драгоценный браслет. Но его нигде не было!..

А пончики продолжали скатываться по желобу с равномерностью часового механизма. Тик-так, тик-так... Тик — пончик, так — еще один...

Браслета же не было.

Леди сердилась, говорила, что это — безобразие и черт знает что: нельзя спокойно оставить свою собственную вещь. Хорошо еще, шериф здесь,— он должен немедленно принять меры; она, конечно, никого не подозревает, но мало ли какой бывает народ... Вот, например, кто он такой, этот человек-реклама? Вид у него не очень...

— Это мой друг,— сказал Гомер.— Не говорите о нем так!

Шериф уже смотрел с подозрением на бедного Габби, но тут леди сказала:

— Знаете что, я предлагаю вознаграждение тому, кто найдет браслет... сто пятьдесят, нет, сто долларов... Его надо найти! Обязательно нужно!

— Не волнуйтесь, леди,— сказал шериф.— Я байду ваш праслет... Я хотел сказать, найду ваш браслет.

— Господи! — простонал дядюшка Одиссей.— Мало мне этих пончиков, так вдобавок ко всему еще браслет потерялся!

Мистер Габби попытался утешить его. Он сказал:

— Да вы не волнуйтесь. Машина должна сама остановиться, когда кончится тесто. Его осталось всего часа на два.

Он вовремя увернулся, потому что разъяренный дядюшка Одиссей запустил в него пончиком. Это было первое, что подвернулось под руку.

Гомер сел на стул и начал упорно соображать. И прежде чем еще двадцать пончиков скатились по желобу, Гомер сообразил. А сообразив, закричал не своим голосом:

— Слушайте! Я знаю, где браслет! Знаю!.. Он ведь лежал тут на прилавке, ну, и его замесили в тесто. А потом... он же круглый... Значит, машина запихнула его прямо в пончик!.. Не верите? Спорим!

Но никто с ним не спорил.

— Ты, наверно, прав, мальчик,— сказала богатая леди.— Дернул меня черт заниматься этими пончиками!

— О, будь я неладен, Гомер прав! — произнес шериф.

А дядюшка Одиссей простонал:

— Как быть? Как быть?.. Нужно, выходит, разломать все эти пончики, чтобы найти браслет?! Все до единого!.. И что скажет Агнесса?..

— Нет,—сказал Гомер.—Мы ничего не будем разламывать. У меня есть вот какой план...

И они вместе с Габби взяли еще картон, взяли тушь и написали новое объявление. Целых три. Одно они вывесили в витрине кафе, а из двух других с мистером Габби посередине получился новый сандвич, и этот сандвич вышел на улицу и стал ходить среди толпы.

Вот какое это было объявление:

«СВЕЖИЕ ПОНЧИКИ!
Пара — 5 центов
Первый и последний раз в сезоне
100 долларов награды тому,
кто найдет браслет внутри пончика.
Примечание: браслет необходимо вернуть, иначе можно попасть в тюрьму!»

И тогда... И тогда их начали покупать. Что там покупать! Их брали нарасхват, эти пончики! И каждый старался купить как можно больше!..

Но это еще не все. Каждый старался прикупить и чашечку кофе, чтобы размочить пончик, потому что они уже начали засыхать. А кому не достался кофе, покупали молоко или содовую воду.

Гомер, и дядюшка Одиссей, и шериф, и шофер Чарльз, и даже сама богатая леди с ног сбились, продавая все это. А очередь ничуть не убывала.

Когда почти все пончики были проданы и осталось всего каких-нибудь двести—триста штук, раздался вдруг страшный крик:

— У меня! Вот он!

Это кричал бедный, оборванный мальчишка—негр по имени Руперт Блек. Он купил всего один пончик — и вот, пожалуйста, вам! В руках у Руперта сверкал бриллиантовый браслет!..

Ну что ж, Руперт ушел домой со ста долларами в потном кулаке, остальные жители Сентерберга — с раздутыми от пончиков карманами и животами, а Гомер дождался матери и тети Агнессы и тоже стал собираться в путь.

Уже стоя у дверей, он услышал, как мистер Габби сказал:

— Прекрасный, удивительный случай! Сколько лет работаю в торговле, а такого еще не встречал!

— Да, да, конечно,— недоверчиво проговорила тетя Агнесса, а дядюшка Одиссей быстро-быстро забормотал:

— Понимаешь, колечки из теста падают одно за другим на противень с горячим маслом, потом подрумяниваются с одной стороны, переворачиваются на другую... Понимаешь?.. И готовые пончики выскакивают из желоба и прямо в ящик... Как часы... Тик-так, тик-так... Тик — пончик, так — еще один... Понимаешь?..

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Таинственная организация, которая просуществовала

Григорий ГОЛЛЕНДЕР

РАССКАЗ

Девчонки всегда о чем-то шушукаются. Есть у них какие-то секреты, к которым они нас, мальчишек, не допускают. Вообще-то нам их секреты ни к чему — своих хватает. Да и других дел по горло: уроки, общественная работа, сбор макулатуры. Особенно у меня. Но, когда под носом все время шепчутся да еще при этом стреляют глазами в твою сторону, становится как-то кисло.

Смотрел я, смотрел на это, терпел, терпел и вдруг однажды на перемене чувствую: больше не могу. Если сейчас же не узнаю, в чем дело, лопну от любопытства. Что делать? Не представляю. Но не помирать же действительно. Повернулся я к Ваське, чтобы посоветоваться, и вижу: он тоже страдает. И тоже собирается лопнуть от любопытства. Может быть, даже раньше меня. А когда мы с ним настроены на одну волну, то понимаем друг друга без слов, даже вопреки словам. Открываются у нас такие способности, что вслух мы можем разговаривать об одном, а мысленно — совсем о другом.

— Что это они там, Василь? — безразлично спросил я, показывая на девчонок, а сам подумал: «Надо срочно выяснить, о чем они треплются».

— А мне какое дело? — лениво промямлил Васька, а сам подумал: «Тоже мне, открыл Америку. Без тебя знаю — надо! Только как?»

— Правильно,—небрежно бросил я.—Сдались нам их секреты.— А сам подумал: «Мы должны проникнуть в их тайны. Я больше ни о чем не могу думать. Даже об уроках. Придумай что-нибудь. У тебя же светлая голова! И я подумаю. У меня она тоже светлая!»

— У Димыча есть портативный магнитофон,— ни к селу ни к городу сообщил Васька, а сам подумал: «Раз надо, значит, проникнем!»

Девчонки опять стрельнули в нашу сторону глазами и таинственно захихикали. В тот же момент со словами: «Чихать мы хотели на их тайны!» — Васька скользнул под парту и пополз по направлению к девчонкам. Он полз бесшумно, как пантера. Семь метров он прополз незамеченным, а на последнем, восьмом, на него со страшным грохотом вывалился из парты полукаровский портфель. Девчонки прыснули и разбежались. Васька вылез из-под парты посрамленный и злой, как сто чертей.

— Не тоскуй, Василь,— успокаивал я его,— не все проблемы решаются в лоб. Что-нибудь придумаем!

А придумали мы вот что: создать тайную организацию. Позвали наиболее надежных ребят и изложили им свою идею. Конечно, про главное для нас с Васькой — проникнуть в девчоночьи тайны — мы умолчали: нас могли неправильно понять.

Сперва наше предложение всем понравилось, но потом начались всякие вопросы.

— А зачем нам тайная организация? — неожиданно спросил Сережка. У него был такой пунктик: во всем докапываться до сути.

— Как зачем? — зашикали все на него, но объяснить толком ничего не могли.

— У каждой организации должна быть какая-то цель, программа, идея,— не унимался Сережка.— А у нас что?

«Вот ведь зануда,— подумали мы с Васькой,— так он нам сорвет все мероприятие».

— И вообще все это бред! — заявил Колька.

— Что именно? — не понял я.

— И то и другое,— сказал Колька. Он все считал бредом за исключением того, что изрекал сам.

— Придумал! — внезапно завопил Димка.— Пусть у нашей организации будет такая идея: чтобы все учились на «отлично»!

— Гениально! — одобрил Васька.

Все с интересом посмотрели на него. Димкина глупость была всем известна и уже никого не удивляла, а вот то, что Васька так поглупел, было интересно. Откуда им знать, что Васька сейчас готов поддерживать любое предложение, лишь бы организация была создана.

— Бред,— изрек Колька.—До такого мог додуматься только Димыч. Он ведь у нас известный мыслитель, эрудит и полиглот.

— Сам ты живоглот! — обиделся Димка.

— А чем плохая идея? — вступился Васька.

— Может, она и неплохая, только нам не годится,— подытожил Серега.— Разве это занятие для тайного общества?

— Тогда давайте засекретим утильсырье,— опять предложил Димка.

— Как это?

— Очень просто,— пояснил Димка.— Пусть каждый секретно копит утильсырье, а потом сложимся и купим автомобиль.

«Блестящие» идеи просто фонтанировали из него.

— Потрясающе,— опять поддержал его Васька. Но только я один понимал, каких усилий ему это стоило.

— Чтобы купить автомобиль, надо сдать две тысячи тонн утильсырья,— быстро подсчитал дотошный Серега.— Легче спрятать в квартире слона, чем такое количество мусора.

— В конце концов не обязательно покупать автомобиль, можно удовлетвориться и авторучкой,— сказал Димка.

— Бред,—заявил Колька,—у меня есть авторучка.

ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ, ПОТОМУ ЧТО У НЕЕ НЕ БЫЛО ИДЕИ

Рисунки В. СТЕПАНОВА.

— У тебя будет две авторучки,— пытался заинтриговать его Васька.

— У меня есть две авторучки,— отрезал Колька.

Все опять начали шумно думать, чтобы нам такое засекретить. Мы уже полчаса топтались на одном месте и ничего не могли придумать.

— Ну зачем нам сейчас идея? — сказал наконец я.— Была бы организация, а работа для нее найдется. Для начала неплохо выяснить, какие цели и задачи у других тайных организаций.

— Бред,— хихикнул Колька.— Как же мы их найдем, если они тайные?

— Одну мы с Васькой уже нашли. У нас под боком действует.

— Где это?

— У девчонок,— изрек я.

— Вот это да!

— А если врешь?

— Чтоб мне в кино никогда не ходить! — поклялся я.

И тайная организация была создана.

На следующий день мы сунули Димкин магнитофон в том углу, где обычно на переменках шушукались девчонки,— под парту. А когда кончились уроки, стали прослушивать запись.

— Большое дело сделали,— с радостью сказал Васька, поглаживая магнитофон.

— Подумаешь,— протянул Колька,— вот если бы их отснять скрытой камерой... А так все это бред.

— Не бойся,— сказал Васька, устраиваясь на подоконнике,— я буду комментировать. Получишь представление лучше, чем в кино.

— Нужны мне твои комментарии,— огрызнулся Колька.— Включай!

Васька нажал кнопку, и из магнитофона полился заговорщицкий шепот.

Марина *(с магнитофонной ленты)*. Девочки, послушайте, какая смешная история со мной произошла.

Васька *(с подоконника)*. Верка подкатилась поближе и развесила уши. Нинка тоже.

Марина *(с магнитофонной ленты)*. Полезла я в карман за конфеткой, а ее там нет!

Вера *(с магнитофонной ленты)*. Как интересно! А куда ж она девалась?

Марина *(с магнитофонной ленты)*. Я ее раньше съела да забыла. *(Хихиканье.)* А в кармане оказался гвоздь. *(Опять хихиканье.)*

Васька *(с подоконника)*. Наташка посмотрела по сторонам. Не подслушивает ли кто?!

Нина *(с магнитофонной ленты)*. А к нам сегодня приехали гости.

Вера *(с магнитофонной ленты)*. Как интересно! *(Смех)*.

Васька *(с подоконника)*. Сейчас мы узнаем их самую главную тайну, потому что в этом месте девчонки зыркнули в нашу сторону, а у Верки был предельно загадочный вид.

Вера *(с магнитофонной ленты)*. Девчонки, а у нас в квартире соседская кошка родила вчера котят. Котята такие глупые, совершенно не хотят есть из блюдца. *(Хихиканье.)*

Сережка *(с парты)*. Она забыла сказать, что котята выросли немножко.

Димка *(со стула)*. Откуда ты знаешь?

Сережка *(с парты)*. Так, некоторые воспоминания детства... Я даже больше знаю. Сейчас кто-нибудь скажет: «А у нас на кухне газ».

Нина *(с магнитофонной ленты)*. А у нас на кухне газ!

Димка *(со стула)*. Во дает!

Колька *(с парты)*. Так где же обещанные тайны?

Васька *(с подоконника)*. Сейчас будут. Не все сразу.

(С магнитофонной ленты: звонок об окончании перемены, девчонки прыскают, топот ног.)

— Ну? — с угрозой произнес Сережка, подступая к нам.

— Все,— растерянно произнес Васька и зачем-то заглянул под парту.— Больше ничего не записано.

— Жаль! — с идиотским энтузиазмом воскликнул я.— Дальше должно было быть самое интересное!

— Тебе хотелось еще узнать, как у них дела с водопроводом? — съязвил Сережка.

— Я же говорил, что это бред! — изрек Колька и ушел.

— Трепачи! — бросил Сережка и последовал за ним.

— Что же я сижу? У меня бабушка больна! — воскликнул Димка и унес свой магнитофон.

Организация распалась. А зря!

Недавно к нам с Васькой попала анонимная записка. Вот она:

«— Сегодня новый худфильм. Пойдем на 18 час.?

— Я занята, дома дел много... Кинокомедия, что ли?

— У меня у самого по горло... Детектив!

— Пойдем!»

Кто ее написал? Кому?

Думал я, думал, даже голова распухла. Позвал Ваську. Стали вместе думать. И сразу придумали: создать тайную организацию. Правильно говорят: две головы все-таки лучше. ★

КЛУБ „СОРОК СОРОК"

КТО ТАМ?

Заслуженный мастер спорта Николай Петрович Старостин.

Он рассказывает:

— Это было много лет назад. Мы должны были играть с одной сильнейшей командой на стадионе Юных пионеров. И я решил взять на матч свою маленькую дочку Женю. Она давно просилась на футбол. Женю я посадил за воротами наших противников, чтобы она видела, как я играю.

Началась игра. На правом фланге возникает выгодная ситуация. И если мой партнер Евгений Москвин передаст мне мяч, то наша команда забьет верный гол. Я обрадовался и закричал:

— Женя, ко мне!

Москвин делает точную передачу... И вдруг мы с ужасом видим, что по полю катится белый комочек с развевающимися бантиками. Ко мне бежит моя дочка Женя и кричит:

— Папа, я тут!

Ошеломленный судья останавливает встречу, а мы упускаем блестящую возможность забить гол.

Тридцать девять сорок рассмеялись, а одна лежала и тихо умирала от смеха...

Сорок сорок где-то бывали, что-то слыхали и вот

Новости с сорочьего хвоста

— Хорош друг, нечего сказать! Такого труса я еще в жизни не видел!

— Почему же это я трус?

— А кто убежал, когда я дрался?

— Просто я не мог спокойно смотреть, как бьют моего лучшего друга.

*

— По-моему, моя мама совсем не умеет воспитывать детей.

— Почему?

— Вечером, когда мне хочется смотреть телевизор, она укладывает меня спать, а утром, когда лучше всего спится, поднимает с постели.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

Во-первых, открывается наш клуб «Сорок сорок».

Во-вторых, приглашаем тебя в гости.

В-третьих, не забудь захватить с собой сорок улыбок, побольше смешинок, только смотри не растеряй их по дороге (будет жалко)!

Новости с сорочьего хвоста

— Почему ты плачешь?

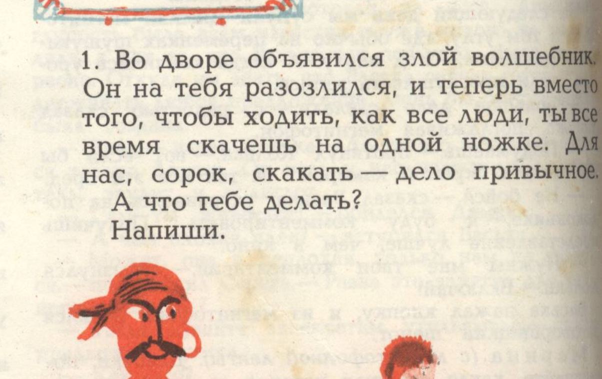
— Да все из-за этого проклятого ревматизма!

— Бедняжка, в таком возрасте — и уже ревматизм!

— Да нет, я здоров. Просто мы сегодня писали диктант, в этом слове я пропустил две буквы и получил двойку.

ЗАДАНИЕ СОРОКИ-ЗАБИЯКИ

1. Во дворе объявился злой волшебник. Он на тебя разозлился, и теперь вместо того, чтобы ходить, как все люди, ты все время скачешь на одной ножке. Для нас, сорок, скакать — дело привычное. А что тебе делать? Напиши.

2. Какую подпись (обязательно остроумную) ты придумаешь к этому рисунку?

СООБЩЕНИЕ СОРОКИ-НЕУНЫВАЙКИ

В поселке Дарасунский, Читинской области, живет Наташа Волкова. У нее есть необыкновенный кот Мурзя (полное имя Мурзик).

Мурзя умеет читать (он читает все журналы) и писать. Он пишет в редакцию вместе с Наташей (а по деревьям не шастает, как некоторые).

С Мурзей всегда что-нибудь происходит. То он участвует в дискуссии «Является ли кошка диким животным?» и приходит домой без усов, то исполняет главную роль в спектакле «Кот в сапогах». Он любит купаться, особенно в лучах славы. Вообще Мурзя любит во всем участвовать. Он и посоветовал ДАТЬ ОБЪЯВЛЕНИЕ о конкурсе смешинок.

Смешинка должна быть короткая и смешная. Самые лучшие смешинки мы напечатаем.

А сорочья почта принесет тебе награду: книжку веселого писателя с веселым автографом.

Мурзя, конечно, будет участвовать в конкурсе. Они с Наташей уже сочинили пять смешинок и выбирают, какую послать в редакцию.

Ждем писем с ответами с дружескими приветами, все сорок СОРОК.

Любимая папка профессора М. П. Коллекциани-Собирайлова

(Начало смотри на 61-й странице.)

Паук в газете

Когда Марк Твен издавал газету в Миссури, один из его подписчиков заявил, что нашел паука в газете, и просил сообщить, хорошая или плохая это примета.

Марк Твен ответил:

— То, что вы обнаружили паука в газете, не предвещает вам ни счастья, ни несчастья. Паук просто забрался туда, чтобы узнать, какой лавочник не рекламирует своих товаров, и отправиться в его лавку, свить там паутину и жить припеваючи, не опасаясь, что покой его будет нарушен.

•

Первый заработок

Марка Твена спросили, помнит ли он свой первый заработок.

— Да,— ответил он, попыхивая сигарой,— очень хорошо помню. В детстве я учился в школе, где часто прибегали к розге для наказания учеников. За порчу парт полагался штраф — 5 долларов или публичное наказание розгами. Раз я нацарапал свои инициалы на парте и мне предложили на выбор — или штраф или порка. Я сказал об этом отцу, и он дал мне 5 долларов. В то время 5 долларов были для меня большие деньги, а порке я не придавал значения.— Твен стряхнул пепел с сигары:— Вот таким-то образом я и заработал свои первые 5 долларов.

•

Поразительное сходство

Марк Твен часто получал письма и фотографии от людей, которые считали себя похожими на него. Одно такое письмо пришло из Флориды, и по приложенной фотографии можно было судить, что сходство и впрямь поразительно, настолько поразительно, что Твен послал своему корреспонденту такой ответ: «Уважаемый сэр!

Я очень признателен Вам за Ваше письмо. По-моему, Вы больше похожи на меня, чем все прочие мои двойники, вместе взятые. Так похожи, в самом деле, что стань Вы передо мной в пустой раме зеркала, я мог бы бриться, глядя на Вас».

•

Польза человечеству

Однажды довольно нерадивый молодой студент пришел к Марку Твену и сообщил ему, что он отказался от изучения медицины, чтобы стать писателем и принести бóльшую пользу человечеству.

— Я не нахожу эту дополнительную жертву с вашей стороны необходимой, — сказал Марк Твен, — вы уже оказали большую услугу человечеству, что не станете врачом.

•

Ключи от конюшни

Собираясь на прогулку верхом, Марк Твен сказал мальчику-конюху: «Я вернусь поздно. Не жди меня и ложись спать, а ключ от конюшни положи вот под этот камень».

Когда писатель вернулся домой, к своему удивлению и досаде он не нашел ключа в условленном месте. Пришлось разбудить конюха, и тот объяснил:

— Ах, сэр, я нашел для ключа место получше.

Весёлые стихи

Юнна МОРИЦ

Резиновый ежик

По роще калиновой,
По роще осиновой
На именины к щенку,
В шляпе малиновой
Шел ежик резиновый
С дырочкой в правом
боку.

Были у ежика
Зонтик от дождика,
Шляпа и пара галош.
Божьей коровке,
Цветочной головке
Ласково кланялся еж.
Здравствуйте, елки!
Пригладьте иголки!
Что же мы — волки
вокруг?

Как вам не стыдно?
Это обидно,
Когда ощетинился друг.
Милая птица,
Извольте спуститься —
Вы потеряли перо.
На красной аллее,
Где клены алеют,
Ждет вас находка
в бюро.

Небо лучистое,
Облако чистое!
На именины к щенку
Ежик резиновый
Шел и насвистывал
Дырочкой в правом
боку.

Много дорожек
Прошел этот ежик.
А что подарил он
дружку?

Об этом он Ване
Насвистывал в ванне
Дырочкой в правом
боку.

* * *

Счастливый сон

Целый день катался
Федя
На своем велосипеде,
А Фазу в Махачкале
Покаталась на осле.
А Махмуд в другой
стране
Покатался на слоне.
И потом приснилось
Феде,
Что они — его соседи
И по очереди ездят
На его велосипеде,
А он в кожаном седле
Восседает на осле,
Разъезжает на слоне
Самостоятельно
вполне.
Не мешало бы и мне
Покататься в этом сне!

* * *

Страусенок

Увидали три гусенка
Молодого страусенка:
— Неужели эта птичка
Получилась из яичка?

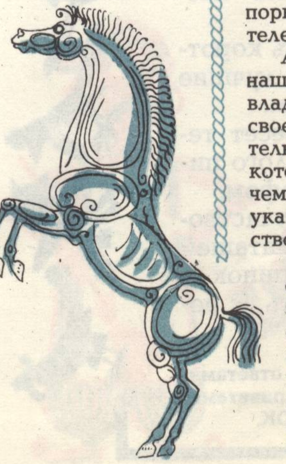

Короли и королевы

Есть такие спортивные соревнования, которые никого не оставляют равнодушным. У Пешкина крепкие нервы, но и он сейчас волнуется. Знает Пешкин, сколько споров и переживаний принесли и вам, ребята, матчи за «шахматные короны» между Тиграном Петросяном и Борисом Спасским, Ноной Гаприндашвили и Аллой Кушнир.

«Знаменитый шахматист, одолевший на всемирном состязании самого лучшего, самого первого игрока, по всей справедливости и без всякого колебания может гордо носить титул короля шахматной игры» — так писал много лет назад замечательный русский писатель А. И. Куприн.

Всех нас радует то, что королями и королевами шахмат уже давно стали советские гроссмейстеры и мастера. С 1948 года золотой кубок чемпиона мира безвыездно находится в Москве. Рядом с ним, на выставке спортивных трофеев, золотой кубок чемпионки мира. В Москву он прибыл немногим позже, в 1950 году, и с той поры также стал столичным жителем.

А знаете ли вы, ребята, кто из наших шахматистов и шахматисток владел «шахматной короной»? В своем конкурсе Пешкин дополнительно присудит очко тем ребятам, которые назовут всех советских чемпионов и чемпионок мира и укажут годы их шахматного «царствования».

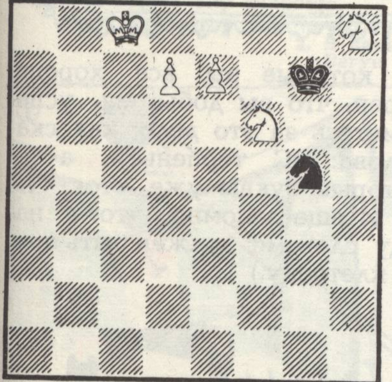
И еще Пешкин советует всем своим друзьям внимательно разобрать партии матчей, которые сейчас публикуются в газетах и журналах. Проанализировать хотя бы одну из этих партий, основательно разобраться в ней — значит научиться лучше играть в шахматы.

Справочное бюро Пешкина

«Может ли на доске быть несколько одинаковых фигур, например, четыре белых коня? Мы поспорили в классе. Я думаю, что не может быть».

Такое письмо прислал в справочное бюро Пешкина Витя Лекарев из Воронежа.

Ты ошибаешься, Витя. По правилам игры пешку можно превращать в любую фигуру, конечно, кроме короля. При этом не имеет значения, есть такая фигура на доске или нет. Чаще всего пешку превращают в ферзя, потому что он сильнее других фигур, но может случиться и так, что на доске появится целый табун коней.

Вот, например, в этом положении быстрее всего можно заматовать черного короля, превращая пешки в коней. Мат в три хода достигается так: 1. e7—e8К+, вторым ходом белые ставят на d8 уже четвертого коня, и третьим ходом мат неизбежен.

Две тысячи новых друзей

Вот какой у нас Пешкин! В этом году у него две тысячи новых друзей. Со всех концов страны нашей пишут ребята Пешкину.

«Давай дружить, Пешкин,— пишут Вова и Света Шестаковы из города Макеевки.— Мы шлем тебе решения задач, думаем, что они верные».

Олег Семенов из поселка Стегримово, Смоленской области, который только в этом году стал получать журнал «Пионер», предлагает:

«Я буду тебе помогать, Пешкин, в решении задач».

Хорошо, Олег! Но знаешь, чем еще можно помочь Пешкину? Давайте все вместе постараемся привлечь побольше ребят в шахматные секции, организуем в пионерских дружинах шахматные турниры.

Пешкин наградит «Грамотами ферзя и ладьи» не только тех, кто лучше всех решает, но и тех, кто обучает новичков и организует турниры в своем классе и школе.

Пусть у Пешкина будет еще больше друзей.

Вот, например, прислала письмо Таня Лапкина из города Уссурийска.

«Я учусь в восьмом классе школы № 12, в шахматы играю с друзьями и знакомыми, так как шахматных кружков в нашем городском Доме пионеров и в нашей школе нет».

И вот что посоветовал ей Пешкин: «Ручаюсь, у вас в школе, Таня, есть шахматисты. Узнай, кто из ребят любит шахматы, и проведи турнир. Организуйте все вместе шахматный кружок. Напиши нам, Таня, как пойдут дела у вас».

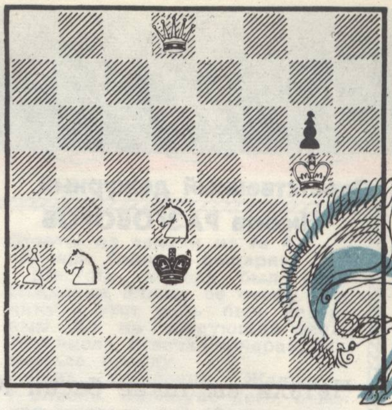
Близок финиш

Пешкин поздравляет с удачным стартом в нашем конкурсе Вальдаса Греблюнаса и Альгиса Янунишкиса из литовского города Пабраде, Наташу Жаркову из поселка Верхняя Тёя, Хакасской автономной области, Толю Логачева из Нижнего Тагила и многих других ребят, успешно справляющихся с задачами.

Близится финиш нашего заочного соревнования. Тем, кто идет впереди, сейчас важно закрепить свой успех. Не все потеряно и у тех, кто до сих пор не решил все задания. Пусть еще раз попробуют свои силы.

Хитрую задачу включил Пешкин в конкурс. Будьте внимательны, не торопитесь с выводами.

Кавалерийский эскадрон окружил черного короля. Развязка близка, но есть еще лазейки у «его величества».

Найдите, как, начиная игру, белые дают мат в три хода.

Грамота Грете Лим

Недавно в городе Бельцы (Молдавская ССР) проходило первенство страны среди школьников. Звание чемпиона завоевал Саша Белявский из Львова. Среди девочек победила ленинградская школьница Ира Левитина.

Грета Лим

Самой юной участницей турнира была московская шестиклассница из школы-интерната № 58 Грета Лим.

Грета отважно сражалась с более опытными противницами, и Пешкин награждает ее «Грамотой ферзя и ладьи».

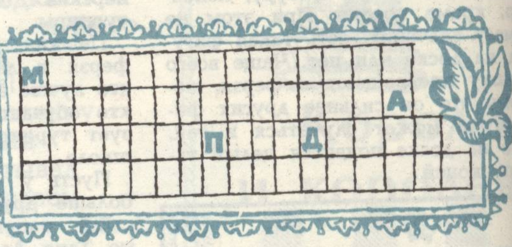
Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Читали вы такие басни Крылова:

«Дом, вино, судья»,
«Год, синица и враги»,
«Лицо и нос Вари»,
«Чашки и корыта»!

Конечно, нет, скажете вы, да и что это за басни такие? Я тоже их не припомню, но если вы правильно найдете, в какую строку надо перенести и как расставить буквы каждого из данных мною названий, то у вас получатся названия настоящих басен Крылова, которые вы все хорошо знаете. Я уверен, что вы добьетесь успеха, если возьметесь за это дело, как сказано у Крылова: «С терпеньем, а не вдруг». (Некоторые буквы уже стоят на своих местах. И еще запомни, что в названиях между словами должен быть пропуск в одну клеточку.)

«Три мушкетера» для французов — это не только любимая книга. Ребята во Франции часами просиживают за игрой, которая носит такое же название. Вот как в нее играют.

На куске бумаги или картона, а то и просто на земле, на асфальте, на песке нарисуй три квадрата, середины которых соединены прямыми линиями.

В эту игру ты можешь играть со своим товарищем. Каждый из вас командир отряда, в отряде девять отважных мушкетеров. Фигурки мушкетеров можно сделать, а можно просто взять пуговицы, камешки и любые другие мелкие предметы, важно только, чтобы у того и другого командира «мушкетеры» были определенного цвета или формы.

(Продолжение смотри на последней странице обложки).

Ералаш

Злой кабан сидел на ветке,
Пароход томился в клетке,
Соловей точил клыки,
Дикобраз давал гудки,
Кошка физику учила,
Маша хвостик свой ловила,
Буратино ел штаны,
Шил портной себе блины,

Еж накрыт к обеду был,
Чиж усами шевелил,
Рак летал под облаками,
Стол гонялся за мышами,
Чайник прыгал во дворе,
Мальчик булькал на костре.

Заточите карандаш,
Уничтожьте ералаш!
Я приказываю вам
Всех расставить по местам!

ДЕД БУКВОЕД

Рисунки А. БОРИСОВА

Ума палата

7:0 в пользу остроглазых

Итальянский художник Фортуне иллюстрировал книжку стихов о непобедимом Пьерро, с блеском выступающем в самых разных видах спорта. Из одного рисунка в другой Фортуне — такая уж у него манера! — всегда переносит без всякого изменения семь мелких деталей.

Найти их сможет только тот,
Кто сам, друзья, однако,
Надежный страж своих ворот.
Игрок, а не зевака!

1. Вратарь Пьерро большого роста,
И гол забить ему непросто.

2. В свинцовых тучах горизонт,
Бегун Пьерро хватает зонт.

Ответы на задачи из № 4

«Дочери бедного рыцаря»

Шестого апреля был день рождения Элизы, ее ответ путнику в этот день был неверным. Но на следующий день, 7-го числа, отвечая «вчера», она сказала правду.

День рождения Жанны — 7 апреля. Накануне него, отвечая «завтра», она сказала правду, а в самый день рождения отклонилась от истины.

«Три поводка»

Посмотри на рисунок и проверь, так ли ты решил эту задачу.

Кто-кто в теремочке живет.

А вот кто: кот, волк, чиж, тетерев, крот, змея.

Завещание швейцарского часовщика.

Хитроумный подмастерье так разделил циферблат часов:

Где силок?

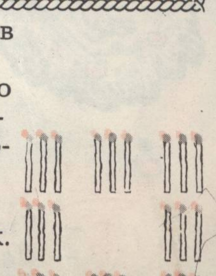
Эта задача хоть и заняла у вас много времени, но вы все с ней справились. Ответ почти все ребята прислали правильный. Силок двадцатый по горизонтали.

ОСТОРОЖНО!

ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ

БЫЛО ДЕВЯТЬ, СТАЛО СЕМЬ

Сложите шесть кучек спичек по три спички в каждой, образуйте из них вот такую фигуру:

Как видите, в каждом ряду по горизонтали и по вертикали 9 спичек. Переложите спички так, чтобы в каждом ряду стало по 7 спичек, но их общее число по-прежнему должно равняться 24!

КОПЕЙКУ В СОВОК!

Из четырех спичек получается отличный совок.

Положите рядом с его ручкой копейку.
А теперь переложите две спички так, чтобы копейка оказалась в совке.

ПОПРОБУЙ не засмейся

— Я забиваю последний колышек!
— Хорошо. И залезай первым...

— Что ты опять сделал с рыбкой?
— Ничего. Только покормил ее немножко...
— Чем?
— Дрожжами...

— Что это такое, сосед?
— Да в сад ко мне залезли, я их и ношу по одному в милицию...

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
«Морской парад». Рисунок Б. Кыштымова.

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **С. Ю. Сахарова.**

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00064. Подписано к печати 7/IV 1969 г. Формат бумаги 84×60⅛. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 130 000 экз. Изд. 782. Заказ № 671.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Всероссийское общество охраны природы

Давным-давно, наблюдая за окружающей природой, люди узнали, что от явлений, происходящих в природе, зависит успех многих сельскохозяйственных работ. Так возникли народные приметы.

Например, люди знают: прилетели кукушки, значит, установится устойчивая теплая погода, можно сеять и сажать теплолюбивые растения.

Зацвел орешник — пчеловоды, торопитесь выставлять ульи: через несколько дней зацветет медоносная верба и ива.

Вишня в цвету—пора сеять кукурузу, начинать борьбу с капустной мухой.

Подобных примет множество.

Наука, изучающая сезонные изменения природы, называется фенологией. И мы призываем вас, ребята, стать фенологами.

Пришла весна. Природа пробудилась от долгой зимней спячки. Зацветают деревья и кустарники, спешат перелетные птицы, начинают вить гнезда. Теперь самое время вам заняться наблюдениями. Выберите самый обыкновенный участок в лесу, на лугу, в поле, в саду и записывайте все, что заметите нового: когда набухли почки, появились первые листья, когда началось и закончилось цветение. Отметьте время образования завязей, созревания плодов и семян и так далее.

Записывайте свои наблюдения в рабочий дневник, а потом составьте по ним таблицу. Ваши наблюдения — феносигналы — за несколько лет помогут составить календарь природы для вашего села, района, области. Начинайте немедля записывать все, что может пригодиться для этого календаря.

Цена 25 коп.

Индекс 70694.

Итак, начинаем играть.

Бросаем жребий. Тебе выпало начинать игру. Ты ставишь своего первого мушкетера на любое место на поле, где пересекаются две, три или четыре линии. (Эти места мы отметили цифрами, первая из этих цифр означает номер квадрата; цифры нам очень пригодятся, когда придется решать хитрые «мушкетерские» задачи, а пока писать цифры на каждом поле игры не обязательно.)

Потом делает ход твой противник: ставит своего мушкетера на одну из таких свободных точек. Следующий ход твой. Словом, игроки ходят по очереди.

Твоя задача заключается в том, чтобы **три твоих мушкетера оказались на одной прямой линии**. В то же время ты стараешься помешать противнику занять своими мушкетерами три точки на прямой линии.

Заняв эту позицию, ты имеешь право снять с поля любого мушкетера противника.

Во время игры может случиться, что все восемнадцать мушкетеров будут выставлены на поле и ни один из них не будет снят, или получится так, что ни тебе, ни твоему товарищу уже нечего выставлять, тогда игроки могут передвигать мушкетеров в любом направлении вдоль линии на одно соседнее поле, если оно свободно. Задача все та же: сгруппировать своих мушкетеров так, чтобы три оказались на одной линии, а это дает право снять одного мушкетера противника (но не лишает его хода). Игра продолжается до тех пор, пока у одного из игроков останется всего два мушкетера. Тогда он должен признать себя побежденным.

Проигравшим считается и тот, чьи мушкетеры будут «заперты».

При игре может возникнуть и такая ситуация, когда для того, чтобы не проиграть, оба противника вынуждены повторять одни и те же ходы. В таком случае возникнет ничья. Помни, что, если ты займешь один раз линию тремя мушкетерами, ты можешь при очередном ходе отступить одной фигурой с нее, а потом занять ее снова, и так любое число раз.

А разве не делали таких же маневров на шпагах Атос, Партос, Арамис и д'Артаньян?!

Не забывай, что, даже проиграв нескольких мушкетеров, ты все-таки можешь одержать победу, если сумеешь занять удобную позицию. Сражайся до последней... шпаги!

